

Б. Н. ГРАКОВ

СКИФЫ

*Научно-популярный
очерк*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1971

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Под редакцией чл.-корр. АН СССР
проф. В. Л. Янина

**ГРЕЧЕСКИЕ И ЛАТИНСКИЕ
ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О СКИФАХ.
РОЛЬ АНТИЧНЫХ ГРЕКОВ
В ИСТОРИИ СКИФОВ**

ельзя сказать, что античные писатели оставили нам мало сведений про Скифию и скифов. С VII—VI столетий до н. э. начались регулярные отношения греков с Северным Причерноморьем, а с ними вместе повысился интерес ионийских переселенцев и купцов ко вновь осваиваемому краю. Отсюда родилась литература, сохранившая, к сожалению, только более или менее значительные или совсем малые отрывки. С V в. до н. э. возрастает интерес Афин к торговле с этой окраиной. В результате мы имеем сведения, разбросанные в аттической литературе, которые отчасти повторяют данные ионийских предшественников.

Искание идеалов человеческой жизни в первобытном прошлом привело к тому, что некоторые писатели начали трактовать скифов как образ справедливого народа, который сберег первичную простоту. Однако и среди этих идеализирующих схем встречаются новые сведения полностью конкретного характера. Наука эпохи эллинизма (321—44 гг. до н. э.) внесла ряд существенных поправок к этой тенденции. Из этих-то источников, сохранившихся часто только в отрывках, мы и черпаем сведения об имени края и народа, от которого осталось так много вещественных памятников, начиная с VII по II столетие до н. э. Впрочем еще до того, как началась колонизация на северном берегу Понта Евксинского (Черное море), интересы греков устремлялись на далекий север, и в

греческих мифах нередко легендарные вымыслы переплетаются с реальной подосновой. Рассказ об аргонавтах сообщает, как греческие герои во главе с Иасоном на первом корабле Арго ездили в Колхиду за золотым руном барана и как преследуемые колхами они убегали на своем судне вдоль северного берега Черного моря. Это, видимо, далекие воспоминания о может быть единичных и редких полупиратских-полуторговых экспедициях греков микенского времени. Археологические свидетельства о таких экспедициях редки: известны в небольшом числе кинжалы и немного других вещей, подражающих восточносредиземноморским образцам II тысячелетия до н. э. Ниже мы коснемся подробнее интересных в той же связи ритуальных обычаев в усатовских курганах на окраине Одессы.

Первые сведения о скифах, впрочем, не называя их имя, дает Илиада. Она снабжает их эпитетами справедливых доителей кобылиц, питающихся молоком. И в Одиссее слышится отзвук знакомства с киммерийцами, отчасти современниками, отчасти предшественниками скифов в Крыму и в украинских степях, а ученая литература греков уже в самых ранних своих произведениях классического времени включает кое-где в смеси с современными ей данными географические и этнографические сведения из эпоса аргонавтов и гомеровского эпоса. Изучение одиссеевых странствий показывает, что сказания о них сначала имели в виду Эгейское море, затем частью перенесли на Черное, а позднее к берегам Сицилии и Италии в зависимости от новых знаний, сообщавшихся мореходами грекам, в том числе и рабсодам. У писателя VIII в. до н. э. Гесиода гомеровские доители кобылиц прямо названы скифами.

В конце VII и начале VI в. отдельные поэты сообщали о далеких берегах Черного моря и чудесных глубинных краях нашей родины. Реальность этих сведений особенно заметна в том стихе лесбосского лирика Алкея, из которого видно знакомство с Белым островом владыки Скифии Ахилла. Поэт Алкман родом с того же Лесбоса, но творивший в Спарте, в своих гимнах упоминает некоторые из племен соседних со Скифией и имя одного из ее первых мифических царей Колаксия. У Сапфо есть некоторые сведения об отдельных фактах относительно Скифии. Поэты этого времени, в частности Алкман, восприняли, по-видимому, немало из поэмы об аримаспах, «одноглазых», похищавших у грифонов то ли уральское, то ли алтайское золото, написанной, вероятно, в VII в. Аристеом из геллеспонтского города Проконнеса. У него, несомненно, были сведения о торговом пути на северо-восток, упоминались народы и их нравы, и, наконец, он сообщал о последнем вторжении скифов в земли киммерийцев и об изгнании их. Его сведения могут быть легли в основу многого в трудах позднейших логографов (сочинителей в прозе) и историков, хотя в них, судя по различию с Аристеом, отразились и другие не дошедшие до нас источники. У элегиков, поэтов, писавших особым размером «пентаметром», того же времени, есть сведения о нападениях киммерийцев под предводительством царя Лигдамия на Эфес, Магнезию и Сарды в Малой Азии. Некоторый взрыв интересов к далекой Скифии на рубеже этих двух столетий имеет прямое касательство к тому, что именно в это время основывались первые колонии на Северном берегу Понта и что тогда же происходили последние вторжения киммерийцев в Малую Азию, достигшие ее ионийско-лидийского побережья.

Сношения со скифским севером никогда не прекращались в античное время, но они вспыхивали сильнее и больше отражались в те периоды средиземноморской истории, когда скифы играли или могли сыграть в ней какую-то роль. Поэтому новая вспышка интересов к Скифии и скифам возникает в связи с греко-персидскими войнами, во время которых скифы рассматривались как возможные союзники, а шедший с ее берегов хлеб лишь спорадически перехватывался персами в проливах и играл видную роль в процветании Эллады.

Среди писателей начала этой эпохи, т. е. рубежа VI—V вв. до н. э., прежде всего следует выделить Гекатея из Милета, известного в отрывках у более поздних авторов.

Его большой труд «Землеописание» отражает интересы тогдашней Ионии к внешнему миру, а его отрывки, касающиеся Скифии, показывают большое внимание к разным местам заселенного греками побережья. Он знал много туземных племен. В его кругозор в противоположность Геродоту вошла не только собственно Скифия, но и Северный Кавказ, на котором он не знает и не называет скифских племен. Часть его сведений касается скифов еще VII и VI вв. Он говорил и о последнем вторжении скифов в земли киммерийцев и, по-видимому, кое-что из рассказа о походе царя персов Дария I в Скифию взято Геродотом у него.

Геродот из Галикарнасса (около 484—425 гг. до н. э.), касаясь истории скифов, в разных местах своего труда о греко-персидских войнах, а особенно в IV книге детально освещает географию и границы Скифии, происхождение скифов, их обычаи и религию, торговый путь на северо-восток и нравы более северных народов, живших близким к скифскому бытом, но иных по языку и не входивших в Скифское царство. Все это изложено в связи с походом Дария в Скифию в 515/14 гг. до н. э. У Геродота отражены также события ранней истории скифов, их походов в Переднюю Азию и вплоть до границ Египта в конце VII и в начале VI в. до н. э. Археологические же остатки свидетельствуют о возможности ретроспективно использовать его этнографию для объяснения многих явлений IV—III вв. до н. э.

Современник Геродота и Фукидида Гелланик из Митилена на Лесбосе написал целый не дошедший до нас труд «Скифское». От него сохранились скудные, но существенные отрывки. Он знал и европейскую Скифию, и ее задонское продолжение, т. е. один из первых начал употреблять ее имя расширительно. Он приписывает скифам изобретение железа. Один из первых он идеализирует их нравы и быт.

Очень большое значение имеет во многом оригинальный труд великого врача древности Гиппократ (460—377 гг. до н. э.) «О воздухе, водах и местностях». Он дает сведения о быте, внешности колхов, скифов и савроматов, ставя их физическое строение в связь с климатом страны. У него есть, несомненно, новые сравнительно с Геродотом сведения. Он пополняет их красочным описанием скифских кочевий и кое-чем новым о савроматах. Например, они известны ему уже на правом берегу Танаиса (Дона).

Все три великих аттических трагика, Эсхил, Софокл и Еврипид, коснулись вскользь в своих трагедиях Скифии и скифов. У Эсхила (525—456 гг. до н. э.) особенно важно в «Прикованном Прометее» точное знание того, что скифы живут в Приазовье; Кавказ он называет «Скифская дорога», т. е. путь их походов, а не место жительства, но в то же время неверно причисляет малоазиатских халибов к скифам. Софокл (496—406 гг. до н. э.) отдал честь мифу об аргонавтах в трагедиях «Колхидянки», «Скифы» и «Финей». Еврипид (480—406 гг. до н. э.) с изрядной долей фантазии остановился на обычаях тавров в трагедии «Ифигения в Тавриде». Интересен отрывок из трагедии «Рес», говорящий о вражде между фракийцами и скифами. У комика Аристофана (450—385 гг. до н. э.) кое-где рассеяны любопытные сведения о скифской полиции-стрелках в Афинах и есть упоминания о «скифской пустыне». Поэт Пиндар (522—442 гг. до н. э.) передает вскользь иногда реальные, иногда фантастические сведения о скифах. Есть такие сведения и у других писателей V в., почерпнутые в основном в сочинениях тех же историков, о которых говорилось. Кое-что передает Фукидид (470—400 гг. до н. э.). Особенно существенно его сопоставление военной мощи царства одрисов и скифов. В остальном же его великий труд изредка касается отдельных событий войны, связанных с черноморскими проливами и борьбой за провозимый через них из Северного Причерноморья хлеб.

В IV в. интерес к Скифии несколько уменьшился, пока не вспыхнули войны македонских царей Филиппа и Александра. Эфор (405—330 гг. до н. э.), историк и этнограф, известен лишь в отрывках у позднейших писателей, особенно у Страбона; несмотря на идеализацию скифов, он сохранил точное понятие об их территории и дает интересное противопоставление их обычаев обычаям савроматов. По-видимому, его же сведения

использовал Николай из Дамаска (I в. до н. э.), касаясь этих последних. Около второй четверти IV в. до н. э. был написан трактат, описывающий побережье известных грекам морей. В труде, ложно приписанном Скилаку Кариандрскому, придворному географу Дария I, мы находим описание побережья Черного моря. Он знает савроматов уже на правом берегу Танаиса. Из некоторых его указаний можно видеть, что он знал торговый путь из Скифии на Кавказ, впоследствии упомянутый Страбоном.

Историк Феопомп в трактате о войнах Филиппа при изложении сведений о борьбе Филиппа с объединителем Скифии Атеем привел много подробностей, переданных нам позднейшими греческими (Страбон, Полиэн, Лукиан Самосатский и др.) и латинскими (Помпей Трог в передаче Юстина и Оросия, Фронтин) авторами.

С конца V и в течение всего IV в. великие ораторы Атики Лисий, Исократ, Эсхин и Демосфен часто касались далекого Причерноморья главным образом по поводу вывоза с Боспора хлеба и лишь изредка, упоминая скифов, по случайным поводам. Однако в течение всего этого времени археологические данные указывают на ввоз аттических товаров, в частности керамики, во все города греков в Скифии и через них к скифам. Поэтому хотя бы косвенно свидетельства ораторов об экспорте товарного хлеба через Боспор и вообще с Черного моря должно отнести и на счет скифского хлеба.

К концу IV в. относятся сведения о деятельности Александра Великого, почерпнутые главным образом из воспоминаний Птолемея, сына Лага, и других его современников и встречающиеся у множества древних авторов. Особенно важны те, что находятся у Страбона и Арриана. О деятельности в Скифии Зопириона, полководца Александра, мы узнаем в позднейшем изложении римских писателей — Курция Руфа, Макробия и Помпея Трога в передаче Юстина и Оросия. Более поздние сведения о царе Фракии Лисимахе и его борьбе со скифами известны от Страбона и Плутарха по источникам того же времени.

Со второй четверти III столетия до н. э. мало слышно о скифах. Поэты этого времени, особенно Феокрит и Аполлоний Родосский, делают лишь мелкие замечания о них; последний предпочитает возвратиться к эпосу об аргонавтах. К рубежу II в. до н. э. появился среди новелл о варварах и их обычаях и ряд повестей о скифах, сюжеты которых черпались отчасти из более ранней литературы. Отрывки из таких «скифских» новелл и романов есть, во-первых, в одном эллинистическом папирусе, что указывает на время их появления, хотя, конечно, кое-какие возникли ранее, а также у ряда писателей римского времени (Полиэна, Лукиана и др.). К сожалению, труд географа этого времени Деметрия из Каллатии (город в современной Добрудже) почти исчез, но на него как на важнейший из своих источников ссылается псевдо-Скимн — автор краткого стихотворного учебника географии, написанного на рубеже II—I вв. до н. э. Эта книжка содержит отдельные сведения о Скифии, отчасти повторяющие более древних авторов, например Эфора. В конце II и начале I в. до н. э. возникает новый интерес к Скифии в связи с митридатскими войнами. Почерпнутые из Посидония и Аполлониды сведения об этих войнах сохранились у Страбона и именно этим сведениям, в его передаче, мы обязаны также данными о войне царей скифов Скилура и Палака против Диофанта, полководца Митридата VI. Есть о ней сведения и у Помпея Трога, компилятора эпохи Августа.

Со II в. у всех авторов сведения о сарматах преобладают над сведениями о скифах, но всюду иногда в фантастических формах встречаются устарелые или более новые данные о скифах. К их числу относятся важнейшие данные авторов I в. до н. э. Так, у Диодора Сицилийского есть известия, почерпнутые из боспорских хроник, об отношениях Боспора со скифами; его рассказ о скифах и их истории содержит вариант предания об их происхождении, дополняющий Геродота.

Источником, где много сведений по географии и истории Скифии, почерпнутых у предшествующих авторов эпохи Митридата и Юлия Цезаря, является Страбон (около 63 г. до н. э. — 23 г. н. э.). Хотя он сплошь и рядом употребляет термин «скифы» для

обозначения сарматов, но у него легко выделить ранние сведения о скифах по Геродоту, Эфору и другим авторам вплоть до Гекатея и Гомера. Впрочем, в ряде случаев он предпочитает Геродоту другие источники, как, например, в вопросе о направлении торгового пути через Скифию, в рассказе о походах скифов и киммерийцев в Переднюю Азию и т. п. Но он незаменим в рассказе о Скилуре и Палаке и об их борьбе с Диофантом. Расширительно применяя термин «скифы», он никогда не ошибается, когда идет речь о собственно скифах, о событиях их истории или об их территории. Так, по данным историков первой половины I в. до н. э. мы узнаем о фракийском царе Биребисте и о сожжении им Ольвии.

После Страбона воспоминания о скифах, по большей части фактически переплетаясь с реальными данными о сарматах, часто попадают в виде экскурсов у греческих и римских авторов эпохи римской империи. Современник Тита Ливия и Страбона Помпей Трог сохранил сведения о войнах Филиппа, Александра и Митридата со скифами. К сожалению, его данные мы черпаем из пересказов Юстина (II половина III в. н. э.) и Оросия, священника IV—V в. н. э. У натуралиста Плиния Старшего (23—79 гг. н. э.) при общей запутанности его географии есть новые сведения о некоторых племенах Скифии эпохи Геродота, например об авхатах. Современник императора Домициана оратор Дион Хрисостом сохранил для нас сведения о скифах в окрестностях Ольвии в его время и узнал от ольвиополитов многое о вторжении царя гетов Биребисты. Об этом последнем много говорят раскопки в Ольвии, по которым легко различимы размеры города до и после гетского разгрома, когда город восстановили его жители под влиянием хотевших этого скифов.

Клавдий Птолемей сохранил нам вперемежку с новыми данными старую номенклатуру рек, городов и племен, восходящих к собственно «Скифии» и к ее истории до эпохи Митридата. Лукиан Самосатский, Полиэн и другие авторы повторяют сведения «скифских» романов эпохи эллинизма, а через них, как это несомненно для Лукиана, еще более ранние сведения, дополняющие великих писателей VI—IV вв. до н. э. География Скифии и Сарматии и описание некоторых скифских обычаев у Лукиана по меньшей мере современны Геродоту, а отчасти восходят к каким-то другим столь же древним источникам. Даже у автора IV—V в. н. э. Аммиана Марцеллина, правдиво повествующего об аланах и гуннах, мы находим в начале попытку приспособить к современной ему карте данные классических авторов. Нет просто смысла приводить многие сведения поэтов и менее значительных авторов, у которых упоминания о гелонах, будинах и других соседях скифов, как у великого Горация, относятся на деле к реальным скифам и, несомненно, объясняются требованиями стихосложения. Конечно, очень многое, отраженное в античной средиземноморской литературе, научной и занимательной, даже большая часть этих сведений, восходит к устным сообщениям северночерноморских греков. Ольвийские, херсонесские, боспорские хронисты и писатели, конечно, сообщали многое. Но их писания до нас не дошли, а лишь отражены через вторые руки в средиземноморской литературе.

Все античные известия собраны с греческим и латинским текстами и русским переводом академиком В. В. Латышевым в сборнике «Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе» в виде приложений к «Запискам русского археологического общества» с 1893 по 1906 г. Это издание повторено в приложении к «Вестнику древней истории» за 1947—1949 гг. Впрочем, исправления переводов в этом новом издании не всегда удачны, а комментарии то слишком элементарны и неравноценны, то сообщают в разных местах по поводу одного и того же явления совершенно разные толкования; наконец, слишком многое без серьезных оснований отнесено в них к Кавказу. Зато надписи греческих городов Скифии, собранные В. В. Латышевым в I, II и IV томах сборника «Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini». СПб., 1884—1901 гг. с латинским комментарием, имеют немалое значение для истории скифов. Второе изда-

ние I тома состоялось в 1916 г. Некоторые надписи издавались дополнительно в «Известиях» Археологической комиссии и Академии истории материальной культуры и в «Вестнике древней истории» разными эпиграфистами. В русских переводах важнейшие тексты и надписи вышли в популярном издании Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского «Древний мир на юге России». Изборник источников», Москва, 1918. Важнейшие из надписей — декрет в честь Протогена из Ольвии III в. до н. э., содержащий много сведений об окружающих Ольвию туземных племенах, а также декрет начала I в. до н. э., содержащий постановление в честь Никерата, сына Папия, сообщающий о каких-то нападениях на Ольвию и об урочище Гиллее, упоминаемом у Геродота. Из множества херсонесских надписей особенно важны для истории скифов присяга молодых херсонесцев и декрет в честь Митридатова полководца Диофанта, частью дополняющий и уточняющий сведения Страбона и Помпея Трога, частью дополняемый Страбоном. Боспорское царство дает ряд надписей о скифах после начала нашей эры. В надписях царей Асандра, Савромата, Котиса III содержатся сведения о войнах со скифами и о победах над ними. Одновременные итальянские надписи: автобиография императора Августа и надгробие полководца Плавтия Сильвана сообщают о приднепровских скифах и сарматах в начале и середине I в. н. э.

В приложении к 3-му выпуску «Вестника древней истории» за 1939 г. нами собраны надписи о Скифии и ее греческих городах из восточного Средиземноморья. Особенно существенные для трактуемой темы данные о рабах из Скифии и о царстве Биребисты.

Известны монеты нескольких скифских царей III века до н. э. царя Канита и II в. до н. э. Скилура. Первые чеканены в Истрии, вторые в Ольвии и назначались для хождения в этих городах и в их ближайших окрестностях. Особняком стоят отрывки из Библии и особенно надписи из Ассирии и Вавилона о походах в Азию скифов и киммерийцев в VII—VI вв. до н. э. Они собраны с переводами И. М. Дьяконовым в № 2—3 «Вестника древней истории» за 1948 г. Они также предпосланы Д. Г. Редером к упомянутому переизданию античных источников В. В. Латышева.

Много больше, чем о скифах, античные источники всех видов говорят о самих греках на нашем европейском юге и об их городах. Повышенный интерес к классическому миру в XIX в. привел к тому, что на первых порах более всего русскими археологами раскапывались греческие города, именуемые обыкновенно колониями в латинском смысле слова, или апойкиями по-гречески, что в русском переводе значит «выселки». Города эти не были колониями в теперешнем смысле этого слова, но более передовой характер греческой культуры не мог не оказать известного воздействия на культуру и развитие местных народов и племен, а в первую голову на скифов и меотов, непосредственных приморских соседей греков.

Начавшись с южного и западного берегов Черного моря, позднее всего греческая колонизация коснулась Северного Причерноморья. Мы уже знаем, что греческие купцы-пираты еще во II тысячелетии стали навещать эти далекие края и в каком-то виде сохранили эти связи и позднее, поскольку странствия Одиссея и указания Илиады и Гесиода на доителей кобылиц скифов говорят о северо-западной части Черного моря. Еще в VIII в. до н. э. возникла первая небольшая фактория, может быть, на первых порах рыболовная, на острове Березани у входа в одноименный лиман. В то же время уже довольно глубоко в степь до Немировского городища на Буге, до окрестностей Киева по Днепру и, наконец, через Керченский пролив до Криворожья в Донецком бассейне (не следует путать с Кривым Рогом Кировоградской области) стали проникать, несмотря на отсутствие греческих поселений, товары их купцов. По-видимому, прежде всего это было вино, судя по тому, что всюду в указанных местах были найдены энохи и килики (кувшины и кубки) родосско-милетского стиля. Наконец, в конце VII в. по данным исторической традиции на правом берегу Бугского лимана возникла апойкия Милета Ольвия, т. е. «Счастливый город». Отношения Ольвии со скифами были мирными по

преимущество, хотя, по Геродоту, еще до его времени, а как показывают раскопки уже в VI в. до н. э. она была окружена оборонительной стеной. Вскоре возникла Тира в устье Днестра.

Стало заселяться западное побережье Крыма, где возникли города Керкинитида, Калос Лимен (Прекрасная гавань), Тейхе (Стены) и, наконец, Херсонес Таврический, объединивший города западного Крыма в одну республику. Раскопки показывают, что хотя сам Херсонес возник только около 422 г. (по верному сопоставлению источников литературных и эпиграфических), но уже на рубеже VI и V вв. здесь была, впрочем, не дорическая, а ионийская, судя по керамике, фактория. Этот город чаще, чем Ольвия, враждовал с таврами и соседними скифами; в его надписях, начиная с рубежа IV—III вв. и до конца II в. до н. э., содержатся сведения о враждебных действиях против варваров, т. е. скифов и тавров. Однако очевидно, что со времени основания фактории до возникновения херсонесского полиса жестокие нравы тавров несколько смягчились. Но еще долго таврские пираты хищно скрывались в Балаклавской бухте или, как она называлась тогда, в Бухте Символов.

Пантикапей возник в середине VI в. до н. э. на месте Керчи, как и Фанагория на противоположном берегу Боспора Киммерийского (Керченский пролив) в земле скифов, путем насильственного захвата их территории. Возник он, вероятно, сперва как рыболовная станция. Пантикапей по-скифски «рыбный путь». Напротив, Фанагория возникла в земледельческой стране синдов, где ее появление, может быть, приветствовали торговцы хлебом. По обоим берегам Боспора выросло много мелких греческих городов и деревень. К концу V в. до н. э. на европейском берегу пролива из этих городов возникло Боспорское царство. В течение IV в. до н. э. оно захватило Феодосию на Керченском полуострове, а затем стало твердой ногой на азиатском берегу, подчинив себе многие из племен на Таманском полуострове и все его греческие города. Наследственные архонты Боспора приняли царский титул и, по-видимому, поставили в положение закрепощенных рабов, посаженных на землю, значительное количество мелких общинников из местных племен. Пантикапей и ему подвластные города Боспора приняли на себя большую часть торговли хлебом и, частью отвоёвав, частью арендуя за дань («форос») земли под посевы у крымских скифов, то мирно торговали с ними, то вели войны. Обе стороны активно ввязывались в политику друг друга. Так, в 309 г. до н. э. на Боспоре вспыхнула междоусобная война между братьями—претендентами на престол, в которой деятельное участие приняли скифы царя Агара и меоты Таманского полуострова. Какое-то скифское восстание, то ли рабское, то ли со стороны живших на территории царства скифов, сыграло видную роль в 110—105 гг. до н. э. при захвате власти на Боспоре полководцами Митридата Великого. Несколько раз оберегавшая Пантикапей от скифской степи линия валов передвигалась все далее на запад, прикрыв в конце концов Феодосию. Эти полумирные, полувоенные отношения тянулись до конца II в. н. э. даже и в эпоху политического господства уже не скифов, а сарматов.

Такие отношения, прошедшие сквозь много веков, чаще носили, по-видимому, торговый характер. Степь давала грекам и свой и особенно скифский хлеб. Его значение было столь велико, что сыграло немалую роль в победе спартанцев над афинянами в братоубийственной Пелопоннесской войне. Скот и кожи, шкуры пушных зверей, рабы — скифы и колхи в VI—IV вв. до н. э., сарматы и меоты в III—II вв. до н. э., рыба, особенно осетровая, из устья Днепра и Керченского пролива — вот те местные товары, взамен которых через греческие города и через греческих, скифских и меотских купцов шли ткани, одежда, вино и все то, что свойственно цивилизованному образу жизни, как пишет Страбон, характеризуя роль импорта Танаиса, колонии боспорцев в устье Дона у с. Недвиговка. Шли сюда в течение многих веков и греческая керамика, и бронзовые, серебряные и золотые сосуды, и всевозможные дорогие и дешевые греческие украшения. Развитие туземцев совершалось своими путями, но греческое влияние ускоряло у них

рост рабовладельческих отношений. Росла жадность скифской и меотской аристократии к благам греческой жизни и к наживе. Боспор, даже потеснив Ольвию, и через ее гавань, и по сухому пути вел торговлю со скифами, наводнив его шедеврами своего ювелирного искусства. В IV—III вв. эти изделия расходились далеко от Боспора и попадали в руки степной аристократии. С обычной греческой впечатлительностью мастера в этих городах восприняли и отчасти переработали «звериный» стиль степняков. Ольвия делала это с успехом уже в VI в. до н. э., а в V в. к ней присоединился и почти вытеснил ее Боспор.

Путь торговли уходил от причерноморских портов на северо-восток в далекие Прикамье и Приуралье. Вместе с тем поверхностно эллинизовалась скифская верхушка. Если в середине V в. до н. э. лишь единицы, как царь Скил, усваивали греческую письменность, то во II в. до н. э. в городе Неаполе, скифской столице Крыма, выставлялись греческие надписи порой от имени скифских царей. Уже в IV в. до н. э. изображения греческих божеств и мифов, подчас, вероятно, толкуемые в духе местных преданий, пошли у аристократии в ход. Некоторые из чисто греческих сюжетов, как, например, миф об узнавании Одиссеем Ахилла, переодетого в женское платье, был известен многим скифам, так как четыре экземпляра золотых налучий с такими рельефами найдены в курганах скифов и их ближайших соседей. Рано, уже в V в. появились эллинизованные скифы вокруг Ольвии. В IV в. тот же процесс стал захватывать и большие города Боспора. Мало-помалу варваризовались быт, костюм и язык греков. Ольвиополиты надели черные плащи савдаратов, боспорские воины не позднее чем во II в. до н. э. стали носить шаровары. Не очень привычные к стрельбе из лука греки приняли на вооружение скифские луки, стрелы и налучье, так как не могли бороться иначе с меткими скифскими и меотскими гиппотоксотами. Но все же, как видно из чисто греческого именослова, в греческих городах вплоть до II в. варвары еще мало проникали в недра греческого городского общества. Однако с конца III в. скифы стали стремиться к захвату хлебного экспорта и самих городов в свои руки, отчасти в этом успели, завели флот, обслуживаемый греческими и таврскими моряками, стали даже бороться с пиратством. С этого времени греки начали все более варваризоваться, а варвары эллинизоваться. Если скифы брали в свои гаремы в V в. только единичных гречанок, то во II в. среди женщин, погребенных в царском мавзолее Неаполя, на Салгире уже немало гречанок. Так, с веками сближались эти два мира; но сарматское вторжение разбило этот процесс, в частности приостановив и развитие скифской государственности, но зато усилив варваризацию эллинских городов. Черноморские греки до конца оставались греками и среди них были свои географы, как Деметрий из Каллатии, философы, как Бион из Ольвии, историки, как Сирик из Херсонеса, или как философ Стратоник из Пантикапея. Ольвиополиты еще в I в. н. э. высоко чтили и хорошо знали Гомера. Отрывки херсонесских и боспорских хроник дали сведения писателям, вроде Феопомпа и Диодора Сицилийского. У ольвиополитов Геродот почерпнул немало сведений из скифского эпоса и фольклора. Эти по большей части анонимные греки просветили о нашем крае своих средиземноморских родичей и тем самым начали письменную историю нашего Отечества. Многочисленные изделия греческого ремесла и искусства помимо того, что они многое объясняют в этой истории, практически важны тем, что облегчают и уточняют хронологию скифских памятников.

ГЕОГРАФИЯ ПРИЧЕРНОМОРСКОЙ СКИФИИ.

ПОЯВЛЕНИЕ, КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

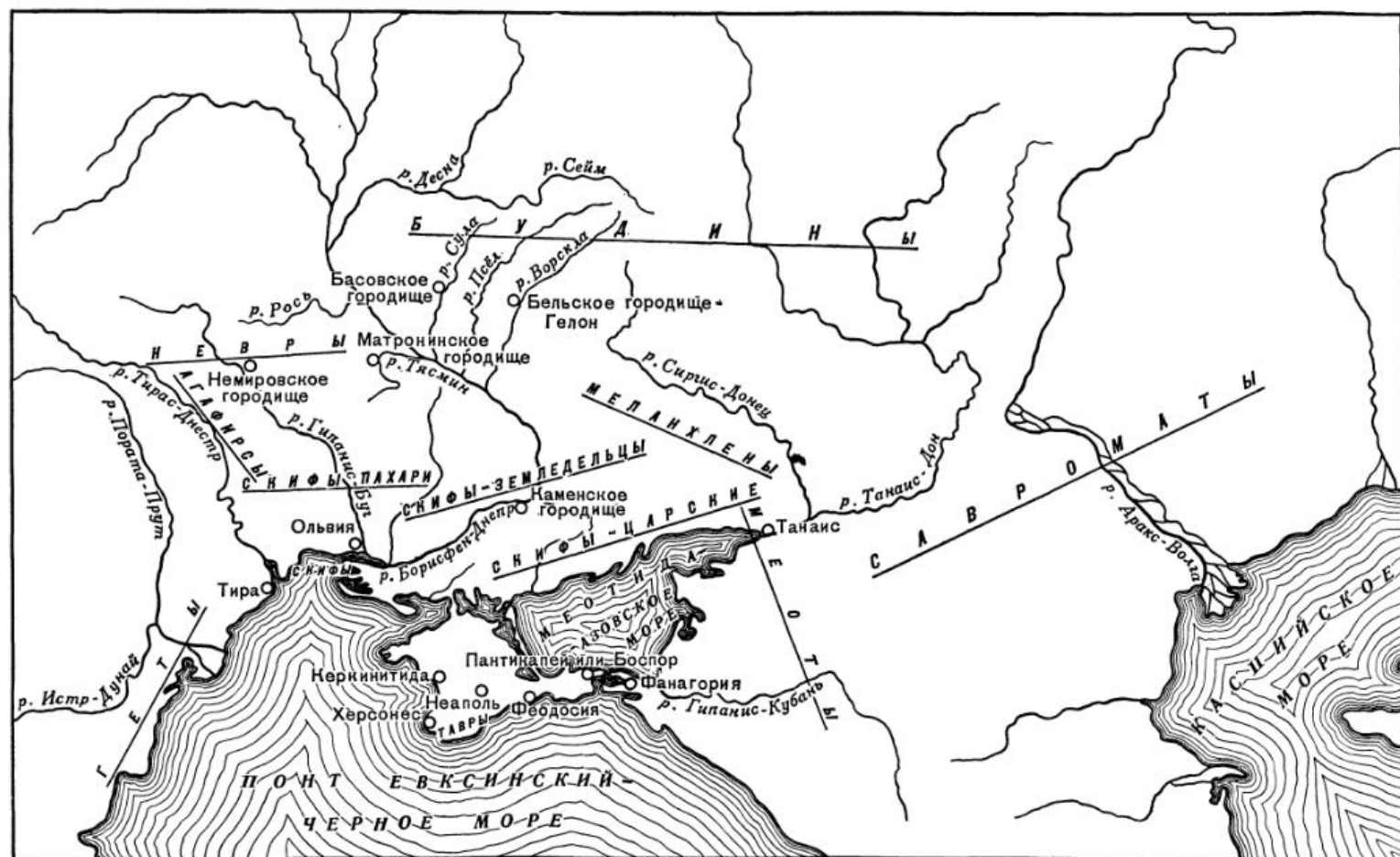
И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СКИФОВ

о времени знакомства со скифами в греческой литературе возникают два понимания Скифии — географическое и этнографическое, которые не всегда совпадают. Во втором случае название «скифы» присваивается и народам за пределами собственно географической Скифии, которые живут рядом со скифами или ведут образ жизни, близкий им. Позднее этот взгляд чрезвычайно расширяется, и с конца эллинизма название скифов безоговорочно присваивается многим южным народам, особенно кочевникам, прежде всего сарматам.

С самого начала географическое положение Скифии определяется главным образом пределами степей Украины между Дунаем и Доном. Ассиро-вавилонские источники и греческие сведения VII—VI вв. до н. э. связывают со Скифией иногда Кавказ, что, несомненно, включает в себе долю исторической правды. Больше столетия скифы стремились в эту сторону, поражая своими набегами Ассирию, Урарту и Мидию. Соответственно именно степные районы Кубани дали до сих пор наиболее роскошные инвентари меотских курганов VII—VI вв. до н. э., содержащие импортные изделия и следы отчетливого влияния Передней Азии.

В ранних погребениях скифского времени Украины от Киева до окрестностей Ольвии на юге и Донбасса на востоке заметны следы переднеазиатского, в частности урартского, влияния. Заметное скифское влияние обнаруживается в свою очередь в культурах горного Кавказа.

Скифия и соседние племена с VII по II в. до н. э.

Греческие авторы V и IV вв. до н. э. сокращают границы Скифии. Геродот, Гиппократ, псевдо-Скилак отчетливо и согласно друг с другом помещают Скифию от Дуная до Дона, не называя Кавказ Скифией; а встречающееся иногда наименование скифами племен Средней Азии всецело базируется на сходстве быта. Сведения после Геродота от Гиппократа и псевдо-Скилака до псевдо-Скимна указывают на переход савроматских племен, позднее называвшихся сарматами, уже на правый берег Дона. Это еще более сократило границы Скифии. Страбон, повторяя концепцию Посидония, дает сложившуюся ко второй половине II в. до н. э. картину, в которую, однако, херсонесская надпись в честь Диофанта, полководца Митридата Великого, вместе с монетами царя поздней Скифии Скилура вносит существенные изменения. Во второй половине II в. до н. э. скифские владения еще распространялись на северный Крым и соседние степи Нижнего Приднепровья. После поражения скифов Диофантом эти земли немного сократились, но в целом остались близки прежним до III в. н. э. В начале следующего столетия иазиги и роксоланы, привлеченные сюда скифами как союзники, заняли приазовские украинские степи. Термин Скифия с этого времени все больше терял свое самостоятельное значение будучи распространен на остальные племена степей: скифы в собственном смысле этого слова населяли до III в. н. э. степной Крым и самые низовья Днепра и Буга.

Основным источником географических сведений о Скифии в ее пределах начиная с V в. является Геродот. При отдельных противоречиях и нечетких указаниях данная им картина достаточно очевидна и показывает знание отдельных местностей теми лицами из Ольвии, со слов которых «отцу истории» доподлинно удалось узнать многое о землях «до самых отдаленных стран». Разноречивые сведения не всегда были согласованы автором, и в этом главный недочет и затруднительность его данных.

Геродот представляет Скифию в виде квадрата: южная сторона — побережье Черного моря от устьев Истра (Дунай) до киммерийского Боспора (Керченский пролив), восточная — образована Меотийским озером (Азовское море) и Танаисом (Дон), северная сторона — от Танаиса до Истра, западная — Истр. Каждая сторона его равна 20 дням пути, или 4000 стадий, т. е. около 700 км. Строго геометрическое построение фигуры страны и равенство всех ее границ не позволяют серьезно оперировать с таким представлением.

Через страну текут большие реки, из которых автор называет восемь наиболее замечательных и доступных для судов с моря: Истр (Дунай), Тирас (Днестр), Гипанис (Буг), Борисфен (Днепр), Пантикап, Гипакирис, Геррос и Танаис (Дон). О географическом приурочении рек Пантикапа, Гипакириса, Герроса было особенно много научных споров. Подробно описан Геродотом Истр с его притоками. В устьях Дуная Скифия не переходила на правый берег, по левому же она захватывала из его притоков Парату (Прут), Арар, Напарис, Ордесс и Тиарант (Серет?). Река Тирас — Днестр, в устьях которой живут греки в городе Тире. Река Гипанис вытекает из озера; в земле алазонов она сближается с Тирасом. На четыре дня плавания от моря воды Гипаниса горьки из-за впадающего в него источника Эксампея, что по-гречески означает «Святые пути». Вероятнее всего это — воды лимана реки и ее нижнего течения, — солоноватые до впадения в него Ингула. Да и до наших дней вода в городе Николаеве солоноватая даже в водопроводе, хотя и вполне терпима. Борисфен — самая полезная река после Нила: в ней много рыбы, вода чистая, приятна на вкус, по берегам прекрасные пастбища и много отличных урожайных полей. В один с ним лиман втекает Гипанис. Река Пантикап течет с севера и, пройдя Гилею, лесистую область, впадает в Днепр. Хотя Геродот помещает эту реку в перечне с запада после Днепра, но все-таки вероятнее считать Пантикапом правобережный нижний его приток Ингулец, протекающий через лесистые плавни обширной поймы Нижнего Днепра. Чтобы попасть в Ингулец, надо сначала проехать в устье Днепра, тогда будет понятно, что Геродот поставил в перечислении Пантикап после Днепра.

Затем упоминается река Гипакирис. Ее наиболее трудно приурочить к определенной местности. Она впадает в море среди земли скифов-кочевников около города Керкинитиды, оставляя вправо Гилею-Полесье и Ахиллов бег (коса Тендра). Город Керкинитида же по археологическим данным и позднейшим свидетельствам античных писателей находился около Евпатории. Полесье (Гилея), несомненно, — плавни Днепра. Часто думают, Гипакирис — речка Каланчак. Но это очень незначительная речка; локализация здесь Гипакириса сомнительна. Под Гипакирисом, может быть, следует разуметь или Керкинитский залив, подобно тому, как Днепровский лиман ольвийцы считали и Борисфеном, т. е. Днепром. Возможно, туда же следует присоединить Донузлавский лиман у Евпатории, древней Керкинитиды. Седьмая река Геррос отделяется от Борисфена в том месте, до которого он известен (в другом месте сказано: «доступен для судов»), его окружает одноименная местность, а впадает он в Гипакирис. В этом описании много неясностей: отделение (собственно сказано: «отщепляется»), впадение в другую реку. В то же время эта река впадает в море и «разграничивает области кочевников и царских скифов». Ряд противоречий затрудняет определение. Предполагали, что это Конка, впадающая в Днепр слева напротив Никополя и потом то входящая, то выходящая из него. Теперь она во многих местах скрыта водами Каховского моря. Проверия эти сведения Геродота более поздними данными, уже давно установили, что географ II в. н. э. Клавдий Птолемей дает координаты для устья Герроса в Азовском море довольно точно при впадении в него реки Молочной, или Молочных вод. Река Молочная начинается из тех же мест, где и Конка, но течет от Днепра в другую сторону. По-видимому, близость истоков этих рек привела к отождествлению верхнего течения Конки и Молочной. Впадение же в Гипакирис — явная несообразность. Информаторы Геродота слили воедино Керкинитский залив с Меотидою. Геродот помещает Геррос на значительном расстоянии от Днепра. В истоках Герроса (Конка-Молочная) расположены многие знаменитые курганы скифской аристократии, что как бы совпадает с сообщением Геродота о погребениях царей в области Геррос.

Далее Геродот указывает реки Лик, Оар, Танаис и Сиргис, впадающие в Меотиду. Их можно приурочить к различным рекам побережья Азовского моря. Сиргис, он же Гиргис, конечно, Донец. Где-то во владениях царских скифов, за Герросом-Молочной находился греческий торговый город Кремны (т. е. «Кручи», или «Обрывы»). Место его доселе не определено. Все реки Скифии, кроме Днепра и Герроса, вытекают из болот или озер, что, несомненно, плод смутных рассказов о болотах в обильных водами лесах Белоруссии и России. Греки, сообщавшие Геродоту о реках Скифии, хорошо знали только их нижнее течение. Даже пороги Днепра не были известны этому автору. Впрочем, описывая местность, где погребались скифские цари, он говорит, что страна Геррос находится в том месте, до которого «судоходен Борисфен», в чем угадывается смутное свидетельство о порогах. Однако спокон веков у переправы Никополь-Каменка Днепровская были тяжелые мели, затруднявшие и порой совсем прекращавшие судоходство. Более вероятно, что Геродот о ней и пишет.

Относительная суровость климата Скифии в сравнении с собственно Грецией создала те преувеличения, которые этот автор сообщает о нем. В Скифии восемь месяцев стоят холода, вода, пролитая на землю, замерзает. Понт и Боспор Киммерийский замерзают. За пределами Скифии к северу постоянно идет хлопьями снег, похожий на падающие перья. Летом там постоянные грозы, зимой их считают за чудо. И более поздние авторы повторяют по своему такие же сведения, например Страбон. В Скифии так и не удалось акклиматизировать маслину, а у Борисфена — даже виноград. Может быть, климат в это время действительно был несколько суровее, но все же он недалек от современного нам.

Неясность распределения рек Скифии, с исчислением расстояний в днях пути, почерпнутых от скифских и греческих купцов, и, конечно, не вполне точная осведомленность Геродота о верном направлении этих путей делают очень трудной четкую локали-

зацию скифских племен. По поводу них также высказано много гипотез, которые, однако, разбиваются о точную локализацию пяти главных рек: Истра, Тираса, Гипаниса, Борисфена и Танаиса. Это позволяет наметить расселение племен в соответствии с данными Геродота. Вот как нам представляется это расселение. От Дуная до Днепра побережье занято скифами: их северная граница с неврами где-то на верхнем Днестре. Гипанис и Днестр сближают свое течение в земле алазонов: это сближение начинается сразу выше Николаева. По Бугу вверх ближе всех к Ольвии калишпиды, иначе эллины-скифы. Позднее в ольвийском декрете в честь Протогена (III в. до н. э.) они названы «миксэллины», т. е. «смешанные эллины». Этим подтверждается точность данных Геродота. Выше их живет скифское племя алазонов, в месте сближения Буга и Днестра. Еще выше скифы-пахари, где-то в междуречии тех же рек. У Эксампея проходила их граница с алазонами. Четвертое скифское племя, скифы-земледельцы, жило по Днепру и за Днепром до Пантикапа (Ингульца). Надо думать, что скифы-земледельцы жили по обоим берегам Борисфена, так же как скифы-кочевники, помещаемые за Пантикапом и дальше за земледельцами, очевидно, частью жили в пределах правобережья. Иными словами, оба племени в какой-то мере обитали вперемежку. Скифы-кочевники на левом берегу Днепра жили в степях, разделенные пополам Гипакирисом, и доходили до реки Герроса (Конки). Далее на восток и юг жили царские скифы за рекой Герросом. Они занимали степь до Меотиды и Танаиса и северный Крым до гор, где жили дикие тавры. Сразу выше скифов по Днепру жили андрофаги (людоеды). Геродот говорит, что они единственные из всех народов Скифии людоеды. Они носят скифскую одежду, кочуют, но имеют свой особый, отличный от скифов, язык.

Севернее скифов-пахарей и андрофагов, по Геродоту, между фантастическим озером, из которого вытекает Днестр, и Днепром, живут невры сразу на запад от Днепра. Иначе сказать, невры занимали обширное пространство уже не в степях, так как верхнее течение Днепра и Буга, а также прилегающее к ним правобережье Днепра находятся уже в лесостепной полосе. В то же время они как-то соседнили с будинами, расположенными восточнее. О неврах рассказывали много удивительного как об оборотнях-волках и колдунах. У невов, по Геродоту, были скифские нравы.

К северу от царских скифов на левом берегу Днепра и далее на восток жили меланхлены, т. е. люди, носящие черные плащи. Восточная их граница неясна, но они должны были где-то ближе к Дону соприкасаться с будинами и, может быть, с савроматами. Это — особое, нескифское, племя, но образ жизни у него скифский. Возможно, меланхлены названы нескифским народом потому, что они имели свой язык, или же потому, что они не входили в скифскую политическую группировку.

Выше меотов, занимавших дельту и самые низовья Танаиса-Дона, в трех днях пути от его впадения в Меотиду, на пятнадцать дней пути на северо-восток на правом берегу реки жили савроматы в безлесной степи. Они произошли будто бы от браков сыновей свободных скифов и воинственных женщин-амазонок. Женщины у них были поэтому воинственны, а язык — испорченный скифский по вине не понимавших его амазонок. Они сохраняли политическую самостоятельность и были чистыми кочевниками.

Выше савроматов по Дону, за их степью, но уже в разнородных лесах, т. е. в лесостепи, жили будины — очень большой, по Геродоту, и кочевой народ. Их страна где-то на западе примыкала к Невриде (стране невов), так как за поколение до Геродота невры переселились в землю будинов. Будины говорили на своем собственном языке. Они, по-видимому, не граничили со скифами и были, несомненно, политически совершенно независимы. В их стране был большой деревянный город Гелон. В нем обитали некие гелоны, говорившие то по-скифски, то по-эллински, почитавшие греческих богов, в частности Диониса. Они были оседлы и занимались земледелием. Другие писатели, по мнению Геродота, напрасно считали гелонов и будинов за один народ.

Ниже мы подробнее коснемся этих народов скифского образа жизни, но часто неродственных им по языку и совершенно самостоятельных политически, а также сделаем попытку приурочить сообразно их географическому расположению, данному у Геродота и других писателей, к той или другой из археологических местных культур, т. е. материальным памятникам быта. Теперь во многом сходные со степными скифами, но в основе самостоятельные культуры изучены в разной степени во всех областях обитания перечисленных племен и народов. В степях Средней Азии Геродот размещает массагетов, близких к скифам по нравам. Но все эти народы, не исключая и савроматов, для Геродота не скифы, кроме пяти первых племен. Особенно это подтверждают различия в языке, постоянно отмечаемые Геродотом. Где-то в той же стороне, за иирками, фиссагетами и аргишпеями, жили исседоны. Первые три из этих племен обитали за будинами и занимались охотой. Аргишпей якобы были плешивы от рождения, жили в юртах под какими-то деревьями, дававшими ягоды для напитка «асхи», и были судьями у соседних народов. Исседоны почитали своих предков, убивая их в немогущей старости, варили их мясо с бараниной вперемешку и ели, а черепа золотили и применяли на поминальных празднествах. То же сообщали и о массагетах, якобы живших к тому же групповым браком. Многое из этого почерпнуто скорее всего от скифских купцов, запугивавших этими сказками греков, чтобы те не решались на такие далекие путешествия.

Только вскользь Геродот упоминает меотов, называя их по побережью Меотийского озера и в низовьях рек Лика, Оара и Танаиса, т. е. там, где они прожили в течение нескольких следующих веков. Очень важно его указание, что скифы зимой по льду производят военные вторжения через Керченский пролив на Тамань в страну синдов. Это еще раз говорит об отсутствии скифов на северо-западном Кавказе в V в. до н. э.

Сокращение скифской территории произошло в результате вторжения сарматов. Общая правильность географии Скифии, по Геродоту, подтверждается Гиппократом, знавшим донскую ее границу, однако с положением савроматов уже по сю сторону Дона, и псевдо-Скилаком с его сообщением о появлении «сирматов» позднейших сарматов на правом берегу Дона. Правильность сведений Геродота через два столетия подтверждает и декрет в честь Протогена, где в окрестностях Ольвии упоминаются миксэллыны, т. е. его эллины-скифы, а также ольвийский декрет в честь Никерата, сына Паппия, в котором упоминается Гилея-Полесье.

Несмотря на множество неясностей, сбивчивых и прямо сказочных сведений, геродотовский рассказ, особенно в этнографической части, постоянно подтверждается археологическими данными. Географическое описание Геродота называет Истр-Дунай рекой Скифии. Связь материальной культуры Скифии с археологическими памятниками бассейна Дуная несомненна. В сторону неуров в верховья Днестра и Буга, на Средний Днепр, в Западную Украину, в земли левобережья Днепра и Среднего Дона заходят многие скифские вещи, подтверждающие «скифский» образ жизни тамошних насельников. Даже племена к северу от скифов и савроматов в лесной полосе РСФСР испытывают явное, хотя и небольшое скифское влияние: оно отражено в разной степени на городищах этого времени по Десне, Оке, Каме. Торговый путь, по Геродоту, шел от Ольвии, по крайней мере, до Урала: ольвийские зеркала VI в. найдены под Бузулуком и Орском. В особых главах читатель познакомится с тем, как можно приурочить археологические памятники к соседним со скифами народам.

Сами скифы относили время своего появления на Днепре за тысячу лет до Геродота. Поэтому, конечно, к скифам относится свидетельство Гомера о «доителях кобылиц, млекоедах» (Илиада, XIII. 1—7). Впервые же имя скифов у греков встречается в отрывке из Гесиода, где это племенное название сопоставляется с таким же, как и у Гомера, образным обозначением их жизни.

Таким образом, еще в раннее время в IX—VIII вв. до н. э. какие-то скифы уже жили в северочерноморских степях, причем это были кочевые скифы. Более определен-

ные сведения о скифах встречаются у греческих писателей только с конца VII в. до н. э. До конца VI в. скифы, очевидно, находились в каком-то соседстве с киммерийцами. Сначала скифы выступают как-то бок о бок с ними в тех отрывочных свидетельствах, которые дошли до нашего времени. Действительно, по Гомеру, на севере (Одиссея, XI. 12—19) живут также и киммерийцы. Кроме этих сведений наряду с киммерийцами («гамирра»), известными в ассирийских документах конца VIII и VII вв. до н. э., лет на двадцать позднее начинают иногда упоминаться и скифы («ашкуза» или «ишкуза»). Оба племени неизменно тревожат северные границы Ассирии, однако по большей части выступая отдельно.

В 714 г. Саргон II разгромил царство Урарту и его союзников. Еще незадолго до этого туда стали вторгаться киммерийцы, проникшие с севера в Переднюю Азию, успевшие даже занять там какую-то территорию. Позднее они беспокоят самую Ассирию. Асархаддон (681—669 гг. до н. э.) около 679 г. нанес решительное поражение киммерийцам и с торжеством говорит в своих анналах: «Теушпу киммерийца, земля которого далеко, я убил и войско его уничтожил». Он спрашивает позднее бога Шамаша: «Сбудутся ли планы... воинов гамирра?». «Гимирра» действовали в союзе с рядом других племен, в том числе вместе со скифами. Асархаддон расколол этот союз, войдя в сношение с Партатуйей, вождем ишкузов (скифов), и заключив с ним союз. Партатуйа выполнил свои обязательства и с частью скифов ушел, по-видимому, на север. Асархаддон или еще до того или после разбил скифов, выступавших на стороне мидян, во главе с Ишпакой. О скифах в Передней Азии затем ничего не слышно в течение около полустолетия.

Ашурбанипал (668—626 гг. до н. э.) продолжал вести борьбу с киммерийцами. Киммерийцы, по словам летописей этого царя, «моих предков не боялись и мои, царя, ноги не обнимали». Однако их вторжения приняли после поражения Теушпы новое направление. Гигес около 660 г. до н. э. (Гиггу — ассирийцев) разбил их в управляемой им Лидии и даже прислал Ашурбанипалу двух плененных киммерийских вождей в оковах. В его же анналах сообщается, что киммерийцы достигали египетских границ и с ними воевал фараон Псамметих.

Около 654 г. они вновь вторглись в Лидию и даже заняли Сарды. Гигес пал в сражении. Лидия при его сыне Ардисе (650—625 гг. до н. э.) находилась короткое время в подчинении у киммерийцев. Они даже вторично захватили Сарды. Но при нем же они потерпели жестокое поражение в Киликии. Зайдя так глубоко в Малую Азию, они тем не менее не порвали со своей далекой родиной. Иудейский пророк Иеремия (около 593 г.) угрожает Израилу вторжением киммерийцев или скифов и говорит об этом народе: «Колчан его, как открытый гроб; все они люди храбрые».

Для более позднего времени по преимуществу имеются сведения греческих писателей. По словам Геродота и других писателей, скифы в конце VI в. до н. э., перейдя реку Аракс (Волга?), вытеснили киммерийцев из черноморских степей. Киммерийцы тронулись по черноморским перевалам в Закавказье и в дальнейшем обосновались в Малой Азии. Скифы продолжали свой поход, но двинулись в Мидию вдоль Каспийского моря, разбили мидян, дошли до Сирии, там фараон Псамметих I (670—616 гг. до н. э.) откупился от них дарами. 28 лет скифы господствовали в Азии, совершали набеги и собирали дань, пока мидийский царь Киаксар (624—585 гг. до н. э.), как говорит Геродот, не перебил на пиру приглашенных скифских вождей. На самом деле это мог быть сын Киаксара Алиатт, так как смерть его отца относят иногда еще к концу VI в. до н. э. Такой способ избавления от врагов не один раз применялся и позднее персидскими политиками.

В этом рассказе на историческую истину наслоилося, конечно, немало фантастического. Но историчность факта в целом несомненна. Во главе вторжения стоял Мадий, сын Прототия (Партатуйа в ассирийских текстах). В Месопотамии, Сирии и Египте найдены в памятниках VII и начала VI в. до н. э. бронзовые наконечники стрел, наиболее характерные именно для скифского военного обихода. Они значительно отличаются от

обычных местных и были находимы не один раз у оборонительных стен городов как прямой результат вторжений и осад. Немым свидетелем этих вторжений скифов является городище Кармир-блур близ Еревана, развалины одной из северных крепостей Урарту. Начатые перед Великой Отечественной войной и продолжаемые сейчас раскопки в этом месте показали, что этот город был взят, разрушен и сожжен скифами. Наконец их характерных стрел застряли в его глиняных стенах. Подробнее об этих важных открытиях говорится в книге Б. Б. Пиотровского «Ванское царство» (М., 1959). Очень вероятно, что вторжение скифов было вызвано не только преследованием киммерийцев. Оно совпало с наступлением Киаксара на Ниневию и, вероятно, было результатом заключенного Партатуйей (Прототием) союза с Асархаддоном. В Британском музее хранится отрывок вавилонской летописи за 616—609 гг. до н. э., запечатлевший следующие события. В 614 г. Киаксар осаждал Ниневию и Ашур, последний он взял: с Ниневии осаду пришлось снять. Помешали ему в этом, по-видимому, скифы Мадия. Киаксару, впрочем, удалось склонить скифов на свою сторону. В 612 г. Ниневия была взята союзными мидянами, вавилонянами и скифами. Таким образом, вторжение скифов произошло в 616 г., они одолели мидян, затем выступили с ними в союзе, нанесли поражение египтянам по вавилонской хронике в 609 г. Около 28 лет они владели Мидией, не основав здесь чего-либо прочного, пока Киаксар не сладил с ними, как об этом только что сказано.

Ассирийские и урартские изображения на золотых ножнах скифских мечей, серебряные ножки скамеек того же происхождения, закавказские бронзовые орудия, своеобразные сосуды кавказской работы, склепанные из нескольких листов бронзы и напоминающие по форме наши горшки с одной или двумя вертикальными ручками по бокам, украшенными наверху выступами в виде ушей животного, — немые свидетели скифских походов через Кавказ (табл. I). Эти вещи встречены далеко за пределами Кавказа, где они нередки, и доходят до Киевской и Кировоградской областей. Один такой сосуд найден в меотском погребении на Кубани близ аула Келлермес в той же группе курганов, откуда происходят золотые ножны скифского «акинака» (меча) с ассирийскими и урартскими изображениями. Следы сильного скифского культурного воздействия именно с этого времени наблюдаются в северных культурах кавказских степей и гор, проявляясь в вооружении и предметах быта.

Киммерийцы в это время исчезают с лица украинских степей. Страбон и Плутарх дополняют свидетельство Геродота. Страбон говорит о древних, еще времен Гомера, вторжениях киммерийцев во Фригию, где царь Мидас, сын Гордия, будто бы отравился, чтобы не попасть к ним в плен. Они опустошали Каппадокию и Пафлагонию, доходили до ионийских городов. Часть этих сведений — древнее описанных ассирийскими источниками, часть одновременна господству киммерийцев в Лидии, засвидетельствованному летописями Ашурбанипала, часть относится ко времени после окончательного их вытеснения скифами около 616 г. из черноморских степей. От этого времени, по Страбону и Плутарху, сохранились сведения о Лигдамии, под начальством которого еще в VII в. до н. э. (около его середины) ушла в Азию часть киммерийцев. Затем после разгрома городов Ионии и Лидии, о которых и тогда и еще долго позднее упоминали греческие поэты, где-то в Каппадокии или Киликии Лигдамий и его войско были уничтожены войсками Ашурбанипала. Мы уже рассказали об этом. Набеги киммерийцев на Малую Азию совершались подчас вместе с фракийским народом трерами чаще через Малую Азию, а иногда, по-видимому, через Геллеспонт. Об этом говорит Страбон. Уже после вытеснения скифами киммерийцев последние были разгромлены лидийским царем Алиаттом (615—565 гг. до н. э.) и окончательно исчезли с исторической сцены.

Повествование о вторжении скифов в черноморские степи и о вытеснении киммерийцев есть в то же самое время и одно (у Геродота третье по счету) из преданий о происхождении скифов. Геродот считал его наиболее достоверным. «Народ» киммерийцев, слы-

шав о приближении скифской рати, решил удалиться, а «цари» предлагали бороться за родину. Народ настоял на своем. Тогда цари разделились на две рати, вступили в бой друг с другом и все погибли. Народ похоронил их в могиле близ Тираса; эта могила видна была еще во времена Геродота. Остальные киммерийцы покинули родину. Страбон в несколько иной версии той же легенды называет их предводителя Кобом. Скифы заняли пустынные места. Эту легенду «отец истории» позаимствовал у Гекатея Милетского и у Аристия Проконнеского, которые, конечно, почерпнули такие сведения у ионян и персов, не знавших местных преданий, как Геродот.

У самих скифов, по Геродоту, существовало предание о том, что их народ моложе всех других и что в их земле, бывшей безлюдной, родился первый человек Таргитай от Зевса и дочери Борисфена. Это первое по порядку предание о происхождении скифов у Геродота. У Таргитая было три сына: Липоксай, Арпоксай и Колоксай. При них упали с неба золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Старший и средний брат не могли схватить этих предметов: они немедленно воспламенялись. Третий безопасно смог взять чудесные дары неба и ему была вручена царская власть. От старшего брата пошел род авхатов, от среднего — роды катиаров и траспиев, от младшего — паралатов. Здесь Геродот говорит, что общее название народа сколоты; греки же называли их скифами, а персы — саками. Именно часть Скифии от Дуная до Меотиды, особенно известная в Ольвии, называлась исконной Скифией. От Таргитая до времени Геродота прошла тысяча лет.

Ольвийские или другие причерноморские греки сообщили Геродоту еще одно предание. Это вторая по счету генеалогическая легенда у Геродота. Геракл, гоня коров Гериона, зашел в Скифию, тогда еще не заселенную. Когда Геракл уснул, его лошади ушли из-под ярма. Он нашел их в Гилее у жившей в пещере полуженщины-полузмеи, соглашавшейся вернуть ему кобылиц, если он женится на ней. Геракл долго жил с ней и от их брака родилось три сына. Только после этого герой получил обратно своих коней. Уходя, он оставил своей возлюбленной лук и пояс с тем, чтобы тот из сыновей, кто сумеет натянуть этот лук и по-отцовски подпоясаться, остался владеть землей, а два других были бы удалены. Задачу выполнил младший из них по имени Скиф, предок скифских царей. От двух старших — Агафурса и Гелона — произошли племена с уже знакомыми нам названиями. В этом мифе ясно слышна греческая переработка еще одного туземного предания, отличавшегося от предыдущего. В нем явно идет речь о скрещении пришлых (Геракл) и местных (змееногая богиня) начал в скифах, тогда как в первом сильнее звучит местный элемент, хотя и пришлый, может быть, затухеванно проявляется в том, что будущая земля скифов была пустой при их возникновении.

В несколько измененном виде вторая легенда передается Диодором Сицилийским. Скиф, родоначальник этого народа, родился от Зевса и змееногой богини где-то на Танаисе. Упоминается здесь и Аракс (Волга?). Это предание, конечно, было почерпнуто от боспорских греков и как-то указывает на передвижение скифов с востока на запад.

Упоминание о царе Колаксе, происходящем от змееногой богини и живущем на Днепре, есть у Валерия Бальба, поэта эпохи римских императоров Веспасианов (70—96 гг. н. э.). Это, конечно, Колаксай Геродота и поэта Алкмана.

При сопоставлении двух последних мифов с историческими сведениями видно, что скифы давно обосновались на берегах Понта. Они занимали, по Эсхилу, земли у Меотиды и Танаиса. Геродот отвел им также Крым и низовья Борисфена и Днестра. Скифы известны задолго до колонизации (Геродот, Гесиод, клинопись), значит их название догреческое. То же подтверждается и наличием этого названия в надписях ассирийцев. Все предания говорят о занятии пустой земли. Следовательно, хотя бы частично, киммерийцы покинули свою страну.

Но в тех же преданиях звучат мотивы туземного древнего происхождения современного Геродоту населения, изначальность земледелия, связь с Днепром. Внедрение скифов в их область было постепенным, тянулось не менее двухсот лет. Скифы, конечно,

слились с оставшейся частью местного населения. Скифы сами себя от имени царя «Колла»-кся или другого подобного имени называли сколотами. Греки присвоили им название «скифы». Мы видели, что оно древнее, старше Гесиода и клинописи об их походах. Когда через двести лет после Геродота ольвийцы вынесли декрет в честь своего согражданина Протогена, они перечислили соседние с Ольвией племена и назвали скифов как одно из этих племен. Скифов царских тут же они называли саями. Это слово так и переводят со скифского языковеды.

Значит, «скифы» имя только одного из тех племен, которые и греки и мы вслед за ними называем так. Геродот сам видел, что в Эксампее стоит медный котел огромных размеров, сделанный из наконечников стрел, принесенных скифскими воинами для их счета по повелению царя Арианта. Он при этом говорит о скифах в собственном смысле слова, как о небольшом народе. Земля вокруг Ольвии — «исконная Скифия». С ней связано первое туземное сказание о происхождении «скифов» — «сколотов». От них пошли цари. Они дали имя ордам, вторгавшимся в Мидию и Месопотамию. Геродот сообщает, что греки называли сколотов скифами. Это имя было (и до эпохи Протогена оставалось) именем одного небольшого племени у самих скифов — сколотов. От них хотя бы частью пошла скифская династия. Только со временем кочевые «царские» скифы, «саи» декрета в честь Протогена, взяли верх над остальными племенами. Но это произошло до Геродота. Ольвийцы видели и знали с конца VII в. до н. э. племя скифов как значительное и главное. Они распространили его название на все остальные политически объединенные части народа, лишь прибавляя поясняющие, частью местные эпитеты, а именно: эллины-скифы, «царские» скифы и т. п. От ольвийцев все греки Понта приняли обобщенное понятие скифов. Отсюда оно вошло в нашу науку вместо самоназвания «сколоты». Мы ниже его употребляем как и «сколоты» в узком смысле, только применительно к родственным и политически объединенным степным племенам. Некоторые ученые применяют его ко всем племенам, объединенным теми чертами археологической культуры, с которыми мы познакомимся дальше, т. е. распространяют его и на «нескифские» племена Геродота, сходные с настоящими степными скифами-сколотами по быту.

В языке скифов видно много следов его иранского происхождения. В числе ветвей индоевропейской семьи языков есть индо-иранская ветвь. К иранскому ее разделу принадлежал язык скифов. Самая группа иранских языков названа так потому, что первыми в ней языковеды стали изучать именно языки Ирана. Все языки этого корня, по видимому, произошли из Средней Азии, а именно из древней Хоразмии (ныне Хорезм).

Многие сохранившиеся слова — имена царей: Ариапиф, Октамасад, Сайтаферн и другие — часто носят в себе явные иранские корни. Те же корни звучат в родовых наименованиях, сохранных в легенде о сыновьях Таргитая, так же как и в его имени. Ираноязычие скифов, кочевых и земледельческих, подтверждается и тем, что начиная с Геродота савроматы, позднейшие сарматы, считались говорящими на испорченном скифском языке; язык сарматов и по множеству сохранившихся слов и по прямому указанию более поздних авторов близок мидийскому, т. е. принадлежит к числу иранских. В скифском языке есть заимствования из языков соседних фракийских племен.

В местах обитания земледельческих скифских племен, особенно по Бугу, Пантикапу-Ингульцу и Нижнему Днепру, встречены поселения земледельческого характера, относящиеся по материалу к концу II и к началу I тысячелетия до н. э., т. е. к эпохе киммерийцев и ранних скифов. Вероятно, земледельческие племена носили в себе особенно много элементов прежнего населения и были наиболее смешанными. В описаниях событий скифской истории единым сплоченным, господствующим над земледельцами и частью кочевниками, сознающим себя за единое целое и в политическом смысле, господствующим народом, являются скифы царские.

В связи с происхождением скифов стоит и вопрос о савроматах. Савроматы Геродота и сарматы позднейших источников — один и тот же народ, передвинувшийся на

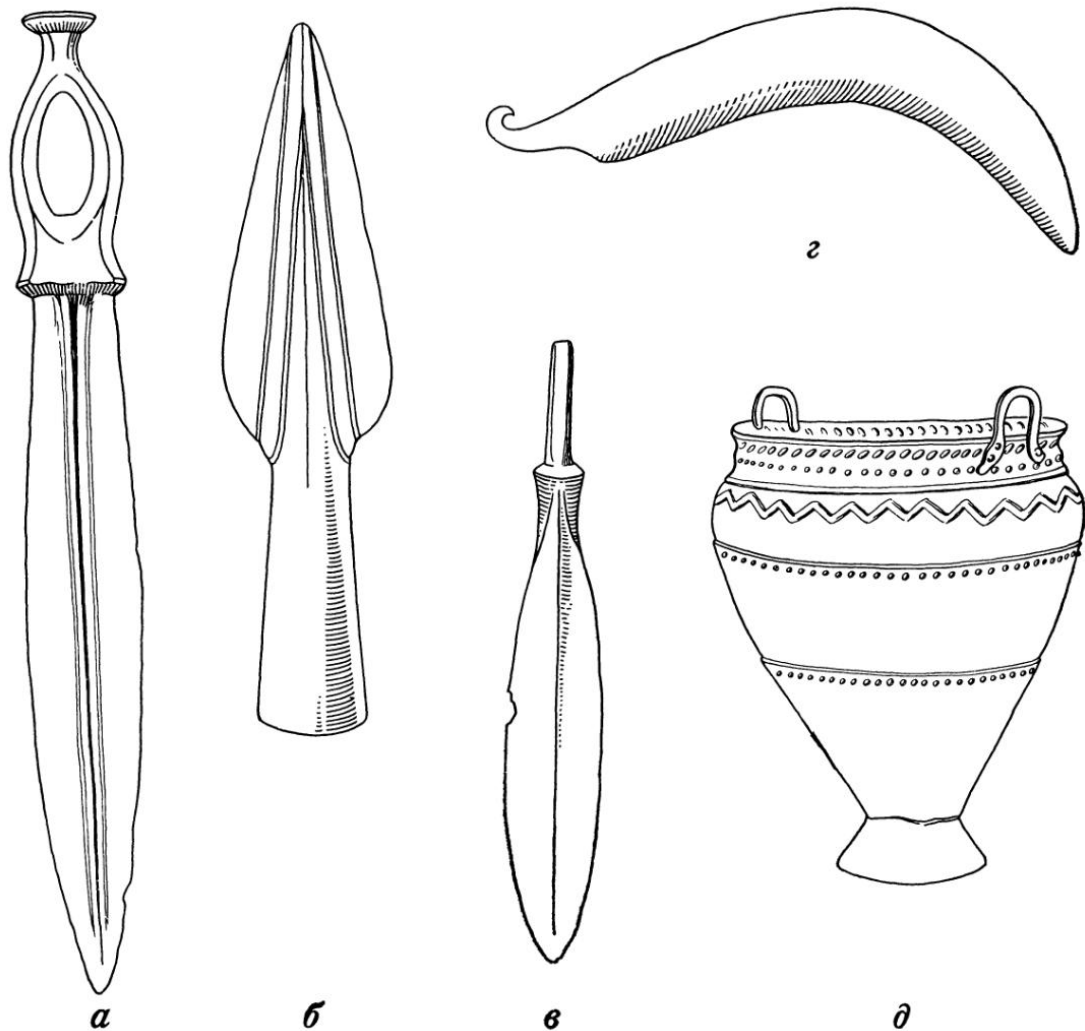
рубеже V и IV вв. до н. э. через Дон в Скифию и затем постепенно занявший всю ее территорию и частью истребивший скифское население, частью с ним слившийся. Древние авторы приписывают савроматам особо почетное положение женщин, имевших в своих руках власть, бывших жрицами и воевавших до замужества наравне с мужчинами; пока они не убьют врага, они не могли вступать в брак. Геродот передает предание, что савроматы произошли от браков скифской молодежи с воинственными амазонками, которых в устье Дона занесло на корабле. На этот корабль их, победив у р. Фермодонта в Малой Азии и взяв в плен, посадили греки. Пленные амазонки перебили экипаж корабля, но не сумели им управлять. Савроматы не оставались на одной стадии развития. Погребальные памятники Задонья и Заволжья, дающие непрерывную картину с VI в. до н. э., сохранили явные следы почетного положения женщины до III—II вв. до н. э. и показывают после этого исчезновение патриархальных отношений. Это очень хорошо согласуется с письменными свидетельствами о савроматах-сарматах.

Предание о гибели киммерийских царей сохранило нам смутные признаки их социальной организации. Народ этого предания подвижен, склонен сниматься с места, вероятно, это та его часть, которая до окончательного изгнания делала набеги на Ассирию и Малую Азию. Цари, вероятно, — родовые старейшины, державшиеся старого уклада. Уже памятники второй половины II тысячелетия до н. э., вроде древнего селища у деревни Усатово близ Одессы, показывают наряду с земледелием и разведением рогатого скота успехи коневодства, впоследствии основного занятия скифов. Культура степей Причерноморья конца II тысячелетия становится все более и более скотоводческой. Дальние набеги киммерийцев, несомненно, указывают на наличие у части их даже кочевого скотоводства. Курганы еще раннего II тысячелетия до н. э. дают погребения мужчин-воинов и жрецов при дополнительных захоронениях тоже мужчин, но подчиненных, и убитых женщин, спутниц своего владыки мужа. Этому явлению способствует развитие пастушеского скотоводства, т. е. на его почве возникает патриархальная первобытная община-род. Сопоставление таких данных позволяет думать, что киммерийцы жили по всей степной территории позднейшей Скифии отдельными патриархальными племенами и родами, складывавшимися в единый по названию племенной союз.

Впрочем, греческий писатель эпохи Августа Николай Дамасский передает легенду о вторжении в Аттику в мифические времена, когда еще не могло быть и речи о женоуправляемых савроматах, из Северного Причерноморья амазонок. Вероятно, часть киммерийских племен сохраняла какие-то пережитки матриархальных порядков. Именно эта группа киммерийских племен вошла позднее в состав савроматов. До нас дошла написанная вскоре после смерти Александра Великого (умер в 321 г. до н. э.) школьная хронологическая таблица. Ее по месту находки на о. Паросе зовут то Паросской хроникой, то Паросским мрамором. В ней этот поход амазонок-киммерийцев отнесен к 1251 г. до н. э. по принятой в наше время хронологии.

В днестровско-днепровской части наряду со скотоводством прочно привилось земледелие. В крымско-азовской части господствовали, вероятно, кочевые роды: именно отсюда совершались вторжения подвижных ратей за Кавказский хребет под командой вождей вроде Теушпы или Лигдамия. Начиная зарождаться военная аристократия и царская власть. Уже в пору киммерийского общества возникли основные черты будущего скифского общественно-хозяйственного уклада и даже территориального распределения скифских земледельческих и кочевых племен. Завоеватели скифы наслоились на местное население, смешались с ним. Близость общественного развития этому помогла.

Киммерийская материальная культура с трудом определяется. Судя по времени бытования киммерийцев в украинских, донских и крымских степях, к ней в какой-то мере должны относиться памятники первых веков I и даже еще конца II тысячелетия до н. э. Это эпоха перехода от бронзовых орудий к железным. Но тогда же в этих же

Бронзовые вещи племен срубной культуры из черноморских и нижневолжских степей:

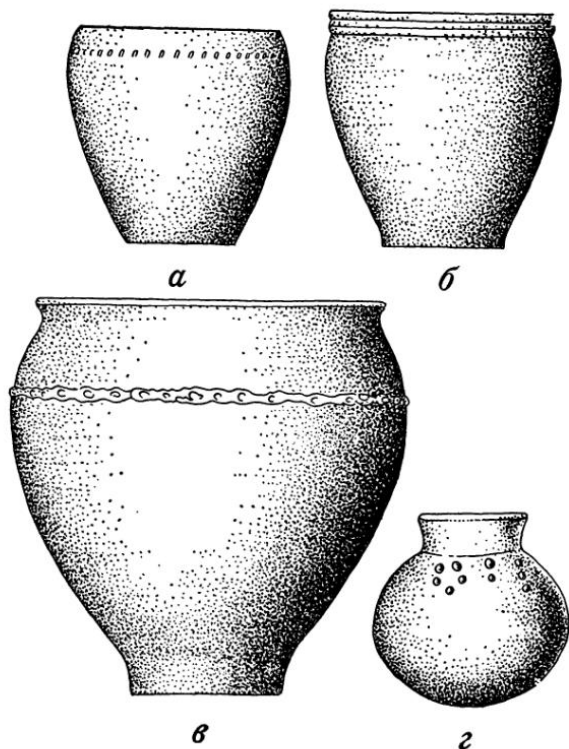
а — кинжал; б — наконечник копья; в — двулезвийный нсж; г — серп с крючком на месте ручки; д — котел, склепанный из полос. Уменьшены в разной степени

степях жили скифы. Оба народа, таким образом, однокультурны. К указанному времени здесь относятся много находок кладов бронзовых орудий и оружия. Типичны втульчатые копья, топоры-кельты об одном или двух ушках, надевавшиеся на Г-образную ручку, которая вставлялась в топор сверху, проушные топоры разных форм, обоюдоострые ножи и кинжалы с плоской ручкой или с черенком, серпы того же металла с крюком и клепанные из листов меди яйцевидные котлы на низком поддоне.

Посуда известна больше в виде глиняных банок, горшков с острореберным или округлым плечиком, которое было украшено наlepным валиком, опоясывающим плечо или середину сосуда, или бортик сосуда. Были шаровидные сосуды в виде черных ло- щеных криночек с круглым или приплюснутым корпусом и цилиндрическим или усе-

ченноконическим горлом. Встречаются реповидные низкие сосуды, кубки-кувшинчики. Банки и горшки, украшенные зигзагами и заштрихованными треугольниками, нанесенными гребеночкой или в виде линий. Есть узор в виде разных ямок. Криночки и остальные сосуды черные лощеные, с косыми каннелюрами на плечиках, полушарными выпуклостями и с гребенчатым узором, иногда затертым белой пастой. В наши дни хорошо известно, что археологическая культура второй половины II и начала I тысячелетия до н. э. в степях нашего юга возникла за Волгой, где она занимала с севера на юг пространство от Куйбышева до Волгограда, а на восток от Волги до границ Оренбургской области и от Волги же до города Уральска. Там покойников погребали в сильно скорченной позе спящего человека под специально сооруженными курганами в срубках в один-два венца, в ямах с потолком на столбах, в ямах с перекрытием из плах и бревен. Эта культура у археологов слывет по первому из могильных сооружений то под именем срубной, то под именем срубно-хвалынской, от города Хвалынска на Волге, по месту обнаружения ее позднейшей ступени развития. Скогководы и земледельцы, эти племена энергично выходили за пределы своей родины и во втором «хвалынском» периоде, за два-три последние века II тысячелетия до н. э. проникали даже за нижнее течение Днестра и Буга. На своем пути они встретили «катакомбную» культуру. Она названа так потому, что для нее обычно было класть погребенных в специальные подземные камеры, т. е. пещерки, часто называемые у археологов катакомбами. Если киммерийцы уже сложились во II тысячелетии, то их первоначальная культура — катакомбная. У племен катакомбной культуры в конце их существования немало подражаний срубной в керамике и в некоторых украшениях. Однако племена срубной культуры (явные предки скифов), к которой как раз принадлежат описанные бронзовые оружия и орудия и только что охарактеризованная посуда, затем начисто вытеснили катакомбную.

Скифы стали сюда проникать, как мы видели, очень рано, еще во II тысячелетии до н. э. Упрочились они здесь с IX в. до н. э. Однако из общей массы вещей начала I тысячелетия до н. э. нельзя выделить предметы, которые бы позволили разделить две обособленные культуры. Следовательно, первые скифские насельники по материальной культуре мало отличались или совсем не отличались от туземцев. Совершенно иначе выглядит культура степей с конца VII в. С этого времени вся степь занята однородной, лишь немного отличающейся в отдельных местностях, культурой, которая по праву времени и места не может быть названа иначе, чем скифской. Ее появление отчетливо

Глиняная посуда срубной культуры:

а — сосуд баночной формы; *б* — то же, с опоясывающим гладким налепным валиком; *в* — горшок с округлыми плечиками и объемлющим валиком, украшенным отпечатками пальцев; *г* — черный лощеный кубок. Найдены в разных местах причерноморской степи. Уменьшены в разной степени

связано с окончательным утверждением кочевых скифов в Причерноморье после 616 г. Но и в ней, при всем преобладании новых черт, в ряде орудий, особенно в формах посуды, сквозят пережиточные элементы культуры XII—VIII вв. до н. э., т. е. доскифского быта.

Передвижение кочевых скифов из-за Аракса-Волги в конце VII в. прошло почти незаметно археологически именно из-за единообразия культуры и киммерийцев, и земледельческих, и кочевых скифов. Только начиная с конца VIII в. во всех черноморских и прикаспийских степях стали выделяться погребения всадников-воинов.

Прочно обосновавшись с конца VII в. до н. э. в севернопричерноморских степях, кочевые скифы постепенно образовали здесь мощное государство и служили проводниками товаров из греческих городов побережья в глубину страны. Влияние их материальной культуры сказывается и на западе во Фракии, и на нижнем течении Дуная, и на севере до Молдавии и Западной Украины, где жили племена агафирсов и часть невров. С вторжением сарматов в III в. кончается скифская эпоха.

В лесах по верхнему Днепру и Десне, верхней и средней Волге и Оке именно в это время возникают небольшие, укрепленные земляными валами поселения на мысах между слияниями рек, особенно небольших и лесистых оврагов. Хотя и редкие предметы скифской материальной культуры все же в них встречаются. Таких предметов больше всего в городищах лесной полосы по течению Десны. Эти городки возникли, конечно, в результате развития межродовых столкновений. Но появление их, может быть, было ускорено внешним разлагающим старые отношения влиянием соседства могучей скифской культуры. Отношения скифов с северными соседями едва ли всегда были мирны. Недаром именно у северных земледельческих племен лесостепи, по культуре сходных со степными скифами, так обильные укрепленные поселения — городища Харьковской, Полтавской, Сумской, Киевской и Кировоградской областей.

Очень развились отношения скифов с носителями так называемой ананьинской культуры. В ее городищах и в могильниках по Каме и ее притокам и по Ветлуге находятся как отдельные предметы скифского импорта, так и особенно часто подражания скифскому оружию: стрелы, налучья, кинжалы, конские удила скифских типов и предметы местного звериного стиля, но выполненные по скифским черноморским образцам; кинжалы и мечи скифского образца иногда сделаны там еще из бронзы, тогда как в самой Скифии они всегда были уже железными. В эту далекую страну шел торговый караванный путь от устьев Днепра, отмеченный не только археологическими памятниками, но и древней греческой литературой.

Этот путь описан Геродотом так, как он шел от Ольвии, но, по словам того же писателя, такие же дороги вели и из других причерноморских городов. Купцы пересекали низовья Буга и Днепра. Шли степью на северо-восток. Влево от них оставались невры, андрофаги и меланхлены. Самый путь купцов был проложен через племена степных скифов. За Доном путь шел сначала через безлесную степь савроматов и проникал затем в зеленые леса будинов. Затем сквозь фиссагетов (некоторые сопоставляют это название с р. Чусовой) и иирков достигали золотоносных мест, вероятно, Урала и Сибири. Оттуда ввозили золото и пушной товар, как говорит об этом Геродот. Греческие купцы по этому пути не ходили. Геродот слышал о нем от скифских купцов. А эти по пути пользовались услугами семи переводчиков, проходя сквозь толщу стольких же народов. Поездки их туда были постоянными.

В других местах греки все-таки проникали в глубь страны. В Винницкой области, на Немировском городище скифского времени найден местной работы сосуд с греческой застольной надписью. Геродот сам проник до Эксампея и видел там знаменитый котел царя Арианта. Кто-то из ольвийцев рассказал Геродоту о торжественных похоронах скифских царей у того места Борисфена — Днепра, до которого он судоходен и известен, т. е. до Никопольской, изобиловавшей мелями и перекатами переправы, или, что менее

вероятно, до днепровских порогов. По Дону греческие торговцы не проникали дальше дельты, как сообщает Страбон. Далее их товары шли через руки местных племен.

Еще прочнее были связи Скифии с задонско-заволжскими степями Прикаспия. Здесь жили савроматы и какие-то другие близкие им по культуре племена. Их быт при ряде местных черт насыщен предметами чисто скифского военного всаднического обихода, точно повторяющего черты быта степной Скифии.

Сюда также заходил импорт по караванному пути из Скифии. Через степи Поволжья скифское культурное влияние сквозь толщу савроматов проникало до далеких краев. На Алтае, в Средней Азии, в Минусинской котловине в предметах военного обихода и в искусстве есть свои формы, но сильно также отражаются формы скифского оружия, конской сбруи и звериного стиля. Здесь, как и в лесном Приуралье, еще долго ручное оружие, железное в собственной Скифии, делалось из бронзы. Но и в его основе нередко тоже лежали скифские образцы. Они задержались в южной Сибири еще тогда, когда в собственно Скифии их стали сменять новые формы, с которыми связывается уже представление о сарматах. Пышно по-новому развился на Востоке и звериный стиль, наряду с местными мотивами сохранивший много черт скифской стилизации и развивший их дальше.

В собственно Скифии процесс освоения страны шел постепенно. Возможно, пустой скифы застали лишь ту область, из которой была вытеснена часть киммерийцев, ушедшая в Малую Азию в конце VII в. до н. э. Плутарх, например, в биографии Мария передает наиболее вероятную версию, по которой только незначительная часть восставших киммерийцев, «теснимая скифами, перешла от Меотиды в Азию под предводительством Лигдамия». У него смешано два похода: ранний под предводительством этого царя и позднейший во главе с царем Кубом.

Действительно, в материальной культуре исторических скифов сохранились многочисленные черты быта предшественников: в формах и орнаментике керамики, в чертах обряда погребения, в возникновении скифских поселений на местах более древних, как селища по Южному Бугу, Ингульцу и степному течению Днепра и другие. Ведь мы видели, что вторжение скифов в конце VII в. не было первым. Сведения Гомера, Гесиода, Геродота, ассирийские хроники и оракулы скорее говорят о постепенности передвижений скифов в украинские и соседние причерноморские степи. Изучение скифских костяков указывает на наличие в скифах многих черт местного типа, бытовавшего здесь еще с бронзової эпохи. Тип лишь стал физически несколько мощнее, что заметно и в рядовых погребениях.

В этом, конечно, конкретно отразилась постепенность движения скифов в причерноморскую степь и то, что основную массу позднейших скифов составили потомки местных жителей, прежде всего, конечно, киммерийцы. Они приняли, по-видимому, язык покорителей, ряд черт их быта, были объединены одним общим именем и заложили основу племенного состава Скифии. Последний этап всех этих событий 616—609 гг. до н. э.

В Скифии, особенно в Крыму, остались следы пребывания киммерийцев в топонимике: Киммерийский Боспор, Киммерийские переправы, область Киммерия, могила киммерийских царей у Днестра. Память о длительной борьбе с ними сохранилась у скифов. Замечательно, что столь характеризующий известную нам «скифскую» культуру звериный стиль почти не проник в самой Скифии в толщу рядового населения. Его предметы единичны и в поселениях Скифии, и в бедных могилах, т. е. именно там, где отражен быт основной массы. Зато он широко представлен в быту скифской знати и племен вроде будинов и меотов, как видно из находок в богатейших курганах от Чернигова до Днепровско-Бугского лимана и от Дуная до Северного Кавказа. Иное дело в Заволжье. Там однородная, еще хранившая родовые традиции масса савроматов сохранила нам этот стиль и в погребениях рядовых членов рода и в погребениях вождей, отличающихся лишь немного большим богатством.

Отношения с передней Азией не прекратились, хотя вторая половина VI в. была эпохой решительного перелома в истории Скифии. Образование в это время по скифскому побережью греческих колоний, сосредоточение интересов этой колонизации на экспорте степных товаров, особенно хлеба, вероятно, отвлекло скифов от Закавказья и Передней Азии. Видимо, препятствовали им и туземцы Северного Кавказа. В эту сторону уже нет тех частых вторжений, которые ознаменовали собой VII в. до н. э.

Первоначальные отношения скифов с греческими колониями были преимущественно мирными. Скифы давали грекам места для поселений. С самого начала некрополи Ольвии и окрестностей Пантикапея при преобладании греческих дают и туземные погребения. Еще теснее, вероятно, были эти отношения в меотском городе в устье Дона у станицы Елисаветовской. В нем очень много греческих обыденных предметов быта. Слишком велики были взаимные выгоды. Еще прочнее стали связи в IV—III вв. до н. э., когда Боспорское царство дало скифской аристократии возможность разбогатеть за счет хлебного экспорта. Скифы вмешивались иногда во внутренние дела Боспора. Как уже говорилось, в конце IV в. до н. э. во время междоусобия между царем Сатиром и его братом Евмелом, на стороне первого стояли скифские войска, на стороне второго — таманские фатейцы (одно из меотских племен) царя Арифарна. Лишь в конце III в. скифы начали захватывать в свою власть греческие города. Их попытка одолеть Херсонес и Боспор вызвала в 107—105 гг. до н. э. по просьбе херсонесцев вмешательство извне могущественного Понтийского царства, связанного с херсонесцами союзным договором. Тогда сама Скифия была почти разгромлена политически. Впрочем с херсонесцами ее отношения были враждебными почти сначала.

Персия, установив свое господство над всей Передней Азией, не могла не попытаться ввести в круг своих интересов Скифию. Предание, сохранившее греческой литературной традицией, прежде всего Геродотом, говорит, что в основу стремления Дария Гистаспа завоевать Скифию легло его желание отомстить за поход 614 г. и за опустошение Мидии. Ктесий, придворный врач персидского царя Артаксеркса Нота, живший в V—IV вв. до н. э., передает иную версию, не сообщая о причине событий. Поскольку он пользовался рассказами персидских придворных, его сведения, может быть, более детальны. Сатрап Каппадокии Ариарамн, по приказанию Дария, вторгся на побережье Скифии с флотом, захватил много пленных, в том числе царского брата Марсагета. Скифский царь Иданфирс (по Ктесию, ошибочно Скифарб, т. е. «скифарх» — владыка скифов) послал дерзкое письмо Дарию, который и сделал из этого повод к войне. В 514 г. до н. э. он через Боспор Фракийский и Дунай вторгся с запада в Скифию с большой армией.

Цифры персидских войск, сообщаемые греческими писателями, конечно, чрезмерны. Геродот называет 700 тысяч, а Ктесий — 800. В длинном повествовании Геродота много легендарных подробностей. Часть соседних племен — гелоны, будины и савроматы — обещали скифам поддержку. Агафирсы, невры, меланхлены и андрофаги в этой помощи отказали. Похоже на то, что союзниками оказались народы, через земли которых шел торговый путь скифов на северо-восток и которые, очевидно, имели общие со скифами интересы. В какой-то мере им перепало и от товаров, и от барышей этой торговли. Отослав женщин, детей и основную часть стад на север, скифы постоянно отступали перед персидским войском, истребляя растительность в степи. Персидские войска будто бы пересекали вслед за ними Дон и вошли в землю савроматов. Дарий якобы предпринял там строительство каких-то огромных стен против скифов. Но скифы, воспользовавшись этим, повернули обратно и ушли в Скифию. Дарий вновь двинулся в Скифию, где наткнулся на основные силы, тогда как прежде он преследовал только передовые войска. Скифы продолжали свою тактику и через земли соседей вновь вывели Дария к своим западным границам. Дарий предложил Иданфирсу или вступить в сражение, или прийти к нему с изъявлением покорности. Иданфирс ответил, что он ведет свой обычный кочевой образ жизни и будет сражаться только в случае, если Дарий найдет и разрушит

могилы его предков. Однако скифы постоянно тревожили персов при фуражировках. Заметив, наконец, затруднительное положение персов, Иданфирс послал Дарию птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Смысл даров заключался в угрозе: «Если вы, персы, не улетите в небеса, превратившись в птиц, или не скроетесь в землю, подобно мышам, или не прыгнете в озеро, превратившись в лягушек, то не возвратитесь назад, будучи поражены этими стрелами». Скифы в то же время попытались уговорить ионийских греков, охранявших мост через Дунай для обратной переправы персидских войск, уйти на родину после 60-дневного срока, назначенного для ожидания самим Дарием. Скифы собрались между тем дать Дарию сражение и уже выстроились для боя, но, увидев зайца, увлеклись охотой на него. Дарий воспользовался этим и отступил к мосту на Дунай, вероломно оставив слабых людей из войска в Скифии. Скифы стали его преследовать. Благодаря тому что греки сохранили верность условию, Дарий успел спастись.

Этот рассказ изобилует различными подробностями, с которыми познакомиться отошлем читателя к переводу Геродота. Менее чем за сто лет, прошедших от вторжения Дария до Геродота, события обросли множеством деталей и успели исказиться. Как далеко зашли персы на самом деле, неясно. Но в рассказах много живых подробностей и весь бытовой фон соблюден точно. Здесь перед нами отрывок зарождения одной из глав скифского эпоса, переданного через уста греков и уснащенного ими новыми подробностями. В конце концов Дарий вернулся в так называемую гетскую пустыню между Прутом и Днестром, где попал в ловушку и чуть не погиб с войском от тяжелых климатических условий и вынужден был отступить. Так передает Страбон. На эту краткую основу вскоре после похода наслоились подробности и размах вторжения был увеличен народной фантазией, охотно приписавшей развалины каких-то стен близ Танаиса Дарию, как подземные крестьяне называют еще иной раз и теперь тысячелетние курганы вятичей «французскими могилками» в память похода Наполеона, а казахи курганы бронзового и железного века «калмак оба», т. е. калмыцкими.

И до вторжения Дария скифы имели военные столкновения с фракийцами, особенно с придунайскими их племенами. Вторжение Дария вызвало ответный удар. Скифские войска вторглись во Фракию и дошли до Херсонеса Фракийского (Боспорский полуостров), откуда от них бежал тиран Мильтиад, будущий марафонский победитель. В прямую связь с этим ставится и попытка скифов завязать сношения со спартамцами при царе Клеомене I. Это событие произошло в девяностых годах V в. до н. э. и, конечно, стояло в прямой связи со стремлением скифов обезопасить себя от новых персидских посягательств. Эти сношения — отзвук в то же время развивавшихся международных событий, приведших к греко-персидским войнам. Как бы то ни было, союз этот не увенчался успехом, а между фракийскими племенами и скифами начались столкновения. О них известно немного. По Геродоту, скифский царь Скил, нарушивший отчие обычаи, вынужден был бежать во Фракию. Началась война. Царь фракийцев Ситалк (умер в 424 г.) предложил обмен Скила на своего брата, скрывшегося у скифов. К тому же по женской линии между обоими царскими родами существовало родство. Условия были приняты, и война прекратилась. Но эти отрывочные сведения в целом указывают, что в V веке до н. э. скифы стали направлять свое внимание на запад. Едва ли столкновения на дунайской границе были редки. Война скифами велась часто, и именно с V в. рабы-даки, геты и трибаллы стали столь обычны в Греции, особенно в Аттике. При роли скифов в работорговле поступление на рынок рабов из числа их западных соседей, конечно, было связано с такими войнами. То что фракийцы и по свидетельству письменных источников и по археологическим данным частью приняли в свой обиход военное снаряжение скифов, конечно, также свидетельствует о частых военных столкновениях, вынуждавших выбрать наилучшие типы оружия для борьбы со скифами.

Политические волнения во Фракии, объединение племенем одрисов во главе с Тереем, а потом с Ситалком всех фракийцев в V в. до н. э., по-видимому, стали тревожить

Македонию. Несколько раз Филипп II уже в IV в. до н. э. начинал войны с фракийцами, особенно с гетами, но все же в конце концов вступил с ними в союз. Это было вызвано усилением скифов, которые к тому времени подчинились на всем пространстве одному царю Атею. Именно ко времени этой войны относится рассказ древних историков Полиэна и Помпея Трога о том, как трибаллы вторглись в Скифию и Атей заставил их отступить, согнав множество пастухов и конюхов, поднявших страшную пыль, принятую трибаллами за признак приближения огромного войска. В 339 г. Филипп удачно совершил поход в придунайскую Скифию; Атей пал в бою. Филипп захватил много пленных и скота, но потерял добычу при обратном походе от вероломного нападения трибаллов.

В 335 г. сам Александр Великий ходил походом на трибаллов и гетов, в стране которых за Дунаем он разрушил город. Он не имел намерения напасть на скифов, но, конечно, после похода его отца внезапный и удачный налет имел вообще целью устранить опасных соседей с дунайской стороны, в том числе и скифов. По Плутарху известно, что в начале его царствования в Скифии было неспокойно. В 331 г. наместником Александра во Фракии был назначен Зопирион, который, вероятно, для замирения границы и ради добычи, как выражается один историк, «не желая оставаться в бездействии», предпринял поход в Скифию с тридцатью тысячами воинов. Поход был довольно глубоким. Зопирион дошел до дружественной скифам Ольвии и осадил ее. Осада окончилась неудачно. На обратном пути Зопирион был уничтожен скифами вместе со всем войском. В результате всех этих войн скифы просочились в Добруджу, где образовали небольшое царство, так как в результате гибели Атея геты перешли за Дунай и отрезали их от родины, заняв степи между нижним течением Прута и Днестра.

В 313 г. Лисимах, получивший после смерти Александра Фракию, нанес сильное поражение задунайским скифам, вступившим в союз с греческим городом Каллатиею, восставшим против него, и даже преследовал их за своими границами. В 292 г. он попробовал вторгнуться через земли гетов в Скифию за Дунай, но был разбит в так называемой Гетской пустыне еще до Днестра. Его измученное голодом и жаждой войско взяли в плен. Вождь гетов Дромихет отпустил его за уступку северных областей его царства. Лисимах более не тревожил Скифии и гетов. Но, по-видимому, несколько походов македонян ослабили в конце концов военную экспансию скифов за Дунай. С тех пор о ней более уже не слышим.

Как раз после смерти Лисимаха на месте царства гетов образовалось царство кельтов-галатов, покоровших гетов и трибаллов. Еще в конце V или в начале IV в. на востоке савроматы расширили свои владения на правый берег Дона. Это не могло не положить начало политическому ослаблению Скифии. Вероятнее всего, первым ударом была гибель объединителя Скифии Атея в битве с Филиппом Македонским.

IV век до н. э. в то же самое время — эпоха экономического расцвета скифской аристократии. В этот период Боспор, заинтересованный в торговле хлебом, расширил свое торговое влияние на нижнее течение Днепра. Погребения Нижнего Приднепровья рисуют картину необыкновенной роскоши скифской аристократии: они наводнены золотыми изделиями боспорских мастерских. Через ее руки эта роскошь докатилась до нынешнего Киева. Скифские цари погребались даже в окрестностях Пантикалея. Таковы погребения скифских царя и царицы в Кульобском кургане под Керчью, где число золотых вещей так велико, что их общий вес составляет почти 2,5 кг золота. Скифские верхи сильно эллинизировались и, вероятно, в значительной степени ослабили свою воинственность. Экономическое обогащение и торговая корысть уже не давали им возможности полностью противостоять македонской тактике и напору сарматов. Скифы стали больше нажимать на соседние греческие эмпории.

Торговые интересы перенесли центр жизни скифов в Нижнее Приднепровье. В конце V в. до н. э. возникло огромное укрепленное поселение напротив Никополя в Каменке на Днепре в Запорожской области. Его ремесленный характер несомненен. На-

ходки бытовых предметов в нем хронологически совпадают с такими же из царских курганов. Некоторые из этих курганов, как Солоха, находятся в 18 км от него, другие за 30—40—80 км. В безымянных развалинах Каменского городища следует видеть столицу Скифии этого времени. Но еще в V в. в южных степях жили те же царские скифы, но не было городов, большинство которых находилось в ту пору и раньше немого севернее, в пределах лесостепи. Конечно, образование этого города могло быть отчасти результатом стремления создать новый центр для торговли с Боспором. Его исключительное стратегическое удобство и мощные земляные валы бесспорно были необходимы, коль скоро в это время Скифия не была спокойна от набегов соседей. Около середины III в. до н. э. скифские цари, конечно, в результате стремления взять торговлю хлебом в свои руки фактически контролировали греческие города в устьях Дуная и Ольвию. На монетах, чеканенных в Истрии и Ольвии в III—II вв. до н. э. с именами скифских царей Канита и Скилура, фигурируют изображения колосьев пшеницы и другие символы торговли хлебом. Цари скифов принимали греческих послов. При Каните жил некто Гермий, сын Аполлодора, антиохиец, представлявший при его особе интересы греческих городов фракийского побережья. Ариапиф имел еще в V в. в Ольвии представителем некоего Тимна. На рубеже III—II вв. до н. э. скифский царь Сайтаферн принимал Ольвию данью под видом подарков гостеприимства, иногда не совсем почетно обращаясь с ее архонтами.

Но нажим со стороны сарматов продолжался. Существует легенда о сарматской царице Амаге, напавшей по просьбе херсонесцев на столицу скифского царя, убившей его и поставившей на его место его сына. Эта легенда — новелла в типичном эллинистическом духе — отражает действительность конца III или начала II в. до н. э. Удивительным образом с этим нажимом сарматов совпадает прекращение существования Каменского городища в конце III в. до н. э., когда вообще сарматская культура постепенно сменяет скифскую.

Скифские цари, сохраняя контроль над Ольвией и, вероятно, сочетая в своей политике стремление обосноваться в более безопасном от савроматов месте и в то же время сильнее экономически эксплуатировать более защищенные города Херсонес и Боспор, перенесли свой политический центр из Нижнего Приднепровья в степной Крым на р. Салгир. Царь Скилур во второй половине II в. до н. э. окончательно превратил в столицу возникший еще в III в. близ Симферополя город Неаполь, где царя окружали греки. Там найдены греческие надписи. Сюда попал, например, некий Посидей, сын Посидея, по-видимому, ольвийский гражданин. Этот моряк изгнал даже пиратов с острова Ахилла и был, вероятно, адмиралом скифского вновь возникшего флота. Неаполь Скилура был, таким образом, новой столицей Скифии и центром ее уже связанной с морем экспортной торговли. Недаром, может быть, он был назван Неаполем, т. е. новым городом, так как сменил безымянную столицу близ Каменки на Днепре. Еще Скилур начал нажим на Херсонес. Этот натиск продолжал наследовавший ему сын Палак. Херсонесцы вынуждены были обратиться за помощью к понтийскому царю Митридату Великому (122—63 гг.). Скифы действовали не одни, а призвали на помощь сарматское племя роксаланов с царем Тасием во главе. Это первый проблеск начавшегося слияния скифов с сарматами. Еще Скилур успел овладеть Керкинитидой, Прекрасной гаванью и Укреплениями, городами западного побережья Крыма, входившими до тех пор в состав херсонесской республики.

Митридат выслал против Скилура, который по всей вероятности умер до конца войны, полководца Диофанта с шеститысячным войском, как вскользь сказано в I главе. В трехкратных экспедициях между 110—107 гг. до н. э. Диофант последовательно разбил Палака, покорил горных тавров, занял скифские крепости Хабеи и Неаполь в Крыму и подчинил скифов Митридату. Скифы отложились вновь и Диофант снова пошел против них, освободил Керкинитиду и Укрепления и стал осаждать Прекрасную га-

вань. Палак двинулся на него, но был разбит так, что по словам херсонесской надписи в честь Диофанта «из пехоты никто не спасся, а из всадников ускользнули только немногие». Весной Диофант двинулся на Хабеи и Неаполь и принудил скифов просить мира. Скифы, жившие на Боспоре, подняли восстание против Перисада, последнего номинального царя Боспора из прежней династии, передавшего власть Митридату VI, но сохранившего свой титул. Восстанием руководил скиф Савмак, может быть, раб-выкормыш Перисада. Царь был убит, Савмак захватил власть, но Диофант ликвидировал это восстание, подчинив Херсонес, Боспор и Степной Крым Митридату Понтийскому. Несколько позднее, после того как между 89 и 84 гг. до н. э. Боспор отложился от Понта, другой стратег Митридата Неоптолем разбил флот скифов, отнял у них в 80 г. до н. э. греческие города Тиру и Ольвию и одержал летом в Керченском проливе над флотом, а зимой на льду над кавалерией союзных Боспору варваров победу.

Этот удар пошатнул могущество скифов. Писатели Греции и Рима смешивают отныне имена сарматов и скифов. Однако автобиография Августа, надгробная надпись легата Мезии Тита Плавтия Сильвана в Тибуре (ныне городок Тиволи близ Рима) и несколько официальных надписей Боспорского царства говорят о длительном и после этого существовании скифского царства по берегу Днепробугского лимана, на Нижнем Днепре и в Северном Крыму. Скифы просили в 26 г. до н. э. дружбы у Августа, воевали то удачно, то неудачно с царями Боспора и с Херсонесом. До этого хронологического рубежа, т. е. до конца II в. н. э. археологи прослеживают в Крыму и на Нижнем Днепре непрерывное развитие одной и той же культуры, на позднейших этапах сильно сарматизованной.

Сарматы заступили их место, заняв степь к северу от побережья и Крыма, но не создали цельной политической организации. На место скифской культуры со II в. до н. э. пришла новая, в которой почти нет возможности археологам отделить скифов от сарматских племен. Родственность обоих народов по языку, быту и социальной структуре привела к поглощению значительной части скифов сарматами. Уже к концу I в. до н. э. сарматы заняли всю степь до Дуная, как бы обогнув с севера нижнеднепровские владения скифов.

Изгнанник Овидий именно их описывал в своих элегиях, появляющимися на улицах города Том, где он жил, и повествует об их дикой воинственности. Страбон, перечисляя племена сарматов, называет на нижнем Днепре «царских сарматов», за которыми скрывались прежние владыки Скифии «царские скифы» Геродота, воспринимавшиеся теперь как одно из сарматских племен. Политически и этнически Скифия умерла к концу II или в начале III в. н. э. Но имя ее жило долго. Все грозное, что поднималось в украинских степях, получало имя скифов. Сарматы, готы, аланы и даже печенегы носили часто в устах греков это грозное имя. Даже наша летопись именовала свою страну «Великая Скуфь». Около семи веков сильная Скифия оберегала себя от вторжений, уступив впервые только тогда, когда на нее с северо-востока наступили свежие силы сарматов, а окончательно, когда появились с северо-запада готы. Возможно, скифские города на Нижнем Днепре, а отчасти в Крыму были жертвой готов, как почти перестали жить после их набегов Ольвия, Танаис и некоторые другие греческие города.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО СКИФОВ. ОБРАЗОВАНИЕ СКИФСКОГО ГОСУДАРСТВА

общественный строй скифов еще в V в. до н. э. сохранял черты родовых отношений. Геродот описывает обряд побратимства, при котором к чаше с вином примешивали кровь договаривавшихся. В чашу погружали меч, стрелы, секиру и дротик. Совершали молитву. Братающиеся и присутствовавшие пили из этой чаши смесь вина и крови. Сохранились золотые бляшки с изображением такой сцены (табл. XIII).

Очень велика была роль старейшин, совершавших иногда даже низвержение царя. Так случилось, когда царь Скил слишком эллинизировался и принял культ Вакха.

С политической историей скифов мы знакомы только потому, что о ней говорится в книгах античных писателей, прежде всего Геродота. Об их соседях с севера и востока, т. е. о неврах, андрофагах, меланхленах и будинах, читателю уже известно, кто из них стоял на стороне скифов при вторжении персов в Скифию, кто им отказал в помощи. Это, конечно, отражение каких-то обычных взаимоотношений, детали, вплетенные в расцвеченное разными прикрасами эпическое сказание о действительном событии, — агрессии царя Дария.

Легенда о происхождении скифов и их царской династии от Колаксия и рассказ о вторжении Дария повествуют о делении скифского царства на три части: с главным царем во главе одной из них и двух других, имевших во главе своих как бы младших царей.

Греки называли это царство и его части «басилэя» (Геродот) или «архэ» (Геродот и Фукидид). Также назывались и три отдельных царства. Каждое из них делилось на номы с номархом во главе. В этих номах собирались народные собрания, или, что то же самое, собрания войска, и находились святилища бога войны. По поводу войны с персами, по поводу отступничества Скила ежегодно для отчета о воинских подвигах собирались эти собрания в каждом номе и убившие врагов получали вино из общей чаши. Номы, вероятно, были старыми территориями разросшихся и изменившихся племен.

Царские похороны совершались всенародно; поминки и похороны родича — совместно всеми членами его рода. Сохранялись старые родовые связи. Может быть, старые общие родовые деления бытовали в преданиях о происхождении скифов: таких делений было четыре: от Арпоксая пошли авхаты, от Липоксая — траспии и катиары, от Колак-сая — паралаты. Очень может быть, что делениям скифов на племена эллинов-скифов, алазонов и т. д. соответствуют номы. Область Геррос, видимо, считалась у Геродота номом. Номами же могли быть и неупомянутые отцом истории савдараты и фисаматы, известные из декрета в честь Протогена. Геродот, вероятно, не все их знал. Но, может быть, его племена это что-то другое. Хотя какие-то пережитки родовой организации заметны в рассказах греков, но более вероятно, что основой общества была большая патриархальная семья. У Геродота говорится о ежегодном наделении земель, причем иногда надел доходил до площади, которую можно за день объехать на коне. Когда речь идет о царском или аристократическом хозяйстве, к обработке земли и пастьбе на ней скота могли привлекаться подчиненные общинники, рабы и т. д. Когда большой надел попадал в руки главы рядовой общины, то это вполне мог быть глава большой семьи, ведшей одно неделимое хозяйство. Несколько раз встречены в небогатых погребениях находки бронзовых клевцов, чаще всего в виде орлиных голов (рис. на стр. 94, табл. XXVI). Все ручное оружие тогда уже было из железа. Конечно, бронзовые молоточки, совсем или почти совсем не могущие служить оружием, были знаками власти хозяев большой семьи. Недаром их давали покойнику в правую руку. На Каменском городище выяснены огромные многокомнатные жилища мастеров-металлургов по несколько сот квадратных метров. Один раз было прослежено, что четыре таких дома окружали небольшое святилище с алтарем в виде кучи золы. Ничем, кроме обиталищ больших семей, такие дома быть не могут. Культ домашнего огня доживал всюду до патриархальных семей, хотя именно в нем и сохранялась особая роль женщины-жрицы. И у скифов главная богиня — покровительница очага Табити. В то же время во всех описаниях скифских обычаев и в их погребальных памятниках патриархальный строй общества не вызывает сомнений. Женщине отведена только подчиненная роль.

Уже в начале VI в. погребения рисуют картину большого имущественного неравенства. По чисто археологической случайности для указанного времени известно мало памятников. Письменные данные и для этого периода говорят о многочисленности населения степных просторов причерноморского юга. Быт был во всей толще свободного населения один и тот же. Даже в заведомо земледельческих областях был особенно аристократии обычно конный и, вероятно, хотя бы отчасти кочевой. Но размеры богатства были явно очень неравномерны. То же продолжалось и в IV—III вв. до н. э. Хорошо известные погребения из Нижнего Приднепровья свидетельствуют о еще большем расстройстве общества в это время. Грандиозные курганы окрестностей Никополя: Острая могила, Бабы, Чертомлыцкий, Солоха, Краснокутский, Мелитопольский и др. достигают 15—20 м высоты. В больших ямах, а с середины V в. в грандиозных подземных камерах погребены мужчины-воины и женщины с роскошным инвентарем: золотыми украшениями, золотыми и серебряными чашами и оружием в золоте. Могилы коней до десятка и больше сопровождают хозяина. В отдельных могилах или при входе в главную камеру погребены слуги. Роскошь основных погребений изумительна. В это время скифская аристократия наживалась на торговле хлебом с Египтом и Ольвией.

В рядовых курганах, едва на метр возвышающихся над степью, в подземных же, но небольших камерах помещены покойники. Их оружие: простые железные мечи и копья, обыкновенные стрелы. Вместо коней символически лежат удила и части туши, данные погребенному в пищу. Женщины сопровождаются только простыми бусами. Вместо золота сосудов греческой работы — местные простые сосуды да изредка греческая чернотелая посуда. Весь обряд тот же, бытовой облик тот же. Это свободное скифское население, но его средства незначительны. Поразительно полное сходство могил рядовых дружинников с могилами убитых слуг в богатых курганах; набор вещей один и тот же.

Курганные захоронения простого скифского населения бывают различны по степени богатства. Значит, внутри каждой из общин, от которых оставались курганные кладбища, бывали более и менее богатые семьи. В таких случаях, довольно впрочем редких, простые покойники тоже сопровождались умерщвленными конями и даже золотыми вещами, правда скромными. Так, например, в одном из небольших курганов, окружающих грандиозную Солоху с ее богатейшими царскими захоронениями, было погребено пять коней вокруг центрального воинского погребения, в котором было обычное простое оружие. В одном из курганов, только недавно раскопанных на территории вновь строящегося города Днепрорудного, погребение хорошо вооруженного воина в большой катакомбе, но с простым оружием сопровождалось двумя взнузданными конями в особой яме.

Скифия уже зашла довольно далеко в развитии рабовладения. Тот же Геродот достаточно об этом повествует. Он говорит о применении труда рабов при обработке молочных продуктов. Он даже сообщает об ослеплении рабов. Крымское степное население считалось у царских скифов за рабов. Одним из источников обогащения скифов были набеги и войны. Геродот повествует о сотнях военнопленных, из среды которых каждый сотый приносился в виде кровавой жертвы богу войны, и отмечает, что у скифов нет покупных рабов. Часть полона и, может быть, большая, шла на вывоз через греческие колонии.

Социальное неравенство во всей Скифии зашло уже достаточно глубоко. Известны случаи ограбления богатых скифских курганов, потайные, совершенные наверняка, со знанием расположения погребения.

Из отдельных частных свидетельств видно, что кроме военного рабства существовало и местное, с разными градациями зависимости. Геродот сообщает о том, что скифский царь выбирает себе близких слуг-товарищей в подвластных племенах: из их числа были виночерпии, конюхи, царский конвой. Их убивали и погребали вместе с царем. В гаремах, о которых свидетельствуют писатели, были женщины разного происхождения — и местные, и покупные. Одни из них рассматривались как законные жены, другие как второстепенные, как наложницы. Одну из них погребали с царем. Именно о наложнице, описывая такие похороны, говорит Геродот. То же отмечается и в раскопанных царских курганах. В Чертомлыцком кургане перед входом в камеру царя лежала убитая женщина, вся в золоте. В Мелитопольском в особой камере была погребена в сопровождении рабыни царица, то ли его мать, то ли жена, в исключительно пышном наряде. Даже ее сапожки сплошь были обшиты сверху стоны бляшками в виде цветов чертополоха.

Рядовое население Скифии, судя по рядовым погребениям, хотя и находилось в большой зависимости от царей и аристократии, все же было свободно, воевало на конях, имело в руках кое-какое имущество. Однако среди них были бедняки, не имевшие почти совсем скота. Лукиан сообщает, что у некоторых есть всего-навсего пара волов, чтобы впрячь в повозку. Таких по числу их волов называли «восьминогие». Из одного сравнительно раннего гимна Пиндара известно о таких скифах, у которых нет даже повозки и скота. Они лишены гражданских прав и у них нет имущества. Из их среды,

конечно, выходили неоплатные должники, которым была одна дорога в кабалу. Так готовились в Скифии еще с VI в. группы покоренных и кабальных рабов, прикрепленных к земле или к стаду. Уже у Геродота упоминается скифская пехота, выставленная против персов во время несостоявшегося из-за охоты на зайца сражения. Пехота скифов участвовала наряду с их всадниками на стороне боспорского царя Сатира в упоминавшейся междоусобной войне 309 г. до н. э. Из бедной пешей массы, вероятно, и вербовалась такая пехота. При этом она со временем росла численно. В повествованиях историков Полиена и Фронтину, живших в римское время, но пользовавшихся ранними источниками, говорится о подчиненных скифам-воинам земледельцах и конюхах, сопровождавших войско Атея в качестве безоружной прислуги. Ее вооружали копьями лишь в минуту крайней опасности. Здесь речь идет, конечно, о порабощении некоторых покоренных племен, т. е. о рабстве в духе рабов, посаженных на землю или приставленных к стадам, т. е. в духе спартанских гелотов или фессалийских пенестов. Кроме этого, эксплуатации подвергались рядовые общинники-воины, так что даже иные из них с оружием погребались в качестве оруженосцев (курган Солоха) или конюхов (Чертомлыцкий курган) при своих владыках. Большое ремесленное население Каменского городища, металлурги и оружейники, жило около аристократического акрополя и в какой-то форме им, конечно, эксплуатировалось.

Ко времени образования скифского государства рабство уже существовало в степях Причерноморья. Оно лишь развивалось все дальше и дальше. До Геродота дошло предание, связывавшееся с вторжением скифов в Переднюю Азию и, несомненно, возникшее в среде скифских рабовладельцев. Во время долголетнего отсутствия скифского войска жены скифов вступили в связь с рабами, жившими в Крыму, т. е. с порабощенным местным населением. Дети от этой связи подняли восстание против вернувшихся господ. Пока борьба с ними велась оружием, их невозможно было одолеть. Но вот одному из скифов пришло на ум, что следует выйти на рабов не с оружием, а с нагайками. Увидев нагайки, рабы бежали. Это полусказочное предание все же указывает на раннее развитие рабства покоренных в Скифии и на возникавшие среди рабов восстания. Следовательно, это рабство развивалось у самих скифов. Греческие колонии могли только до известной степени влиять на его усиление. Нет сомнения, что у южных кочевых скифских племен оно зашло дальше, чем у северных соседей.

Геродот передал два в высшей степени важных предания. Как бы ни были сильны в них легендарные элементы, оба они указывают на борьбу консервативных течений среди скифов с военно-рабовладельческой частью, выгоды которой влекли ее к сближению с греками и к принятию греческих обычаев.

События первого предания хронологически связаны с началом VI в. до н. э. Царевич Анахарсис побывал в Греции, принял мистический и экстатический культ Матери богов в Кизике, пытался ввести его на родине. По доносу царь Савлий лично проверил это и убил Анахарсиса.

Второй эпизод более историчен и относится к середине V в., т. е. примерно ко времени пребывания Геродота в Ольвии. Мы о нем вскользь уже упоминали. Царь Скил, сын царя Ариацифа и гречанки из города Истрии на Дунае, более любил греческие обычаи. Он часто бывал в Ольвии, жил там с местной горожанкой в роскошном дворце, носил эллинскую одежду, свободно вращался среди ольвиополитов, говорил и писал по-гречески, поклонялся греческим богам. Свою скифскую стражу он оставлял за воротами города. Он был мистом Диониса и принимал участие в вакхических таинствах. Один ольвиец ради насмешки показал его скифам в состоянии экстаза и опьянения. Это было рассказано всему войску. Скил был свергнут и бежал во Фракию, где у него были родственные связи. На его место царем стал его брат Октамасад, вступивший было в войну с фракийцами. Однако ему путем переговоров удалось получить обратно Скила, который поплутался головой.

Так строго относились скифы к сохранению своих обычаев. Борьба охватывала даже царскую семью, но никакие силы не могли остановить процесса, ведшего к все большему ослаблению прежних отношений и укреплению власти царей и военной аристократии. Царская власть постепенно усилилась. Предание о происхождении скифов указывает на вполне установившийся порядок наследования от отца к сыну, причем в раннее время, по-видимому, наследником был младший сын. Минорат связывался, конечно, с неравноправным положением отдельных царских жен. В состав наследства могли входить даже жены отца: Скил, получив царскую власть, унаследовал также одну из жен своего отца Ариапифа — скифянку Опию. От нее у него был сын Орик.

Порядок перехода власти от отца к сыну установился в Скифии еще в VII в. до н. э., если не раньше. Предводителем войска, вторгшегося в северные пределы Ассирии в семидесятых годах, был Партатуа, а войска, напавшего на Мидию в 616 г. до н. э., — его сын Мадий.

Те же ассирийские документы указывают, что во главе отдельных дружин стояли второстепенные цари, иногда не подчинявшиеся главному. Ишпака, начальник второго отряда, действовал независимо от Партатуа, заключившего союз с Асархаддоном, самостоятельно вел войну против ассирийцев и был ими разбит.

Такой порядок сохранился и в VI—V вв. до н. э. Во время вторжения Дария в 514 г. до н. э. названы три отряда скифов, во главе каждого из которых стоит особый царь. Большая часть войска подчиняется Иданфирсу, игравшему особо видную роль в рассказе об этой войне и, вероятно, именно главному царю Скифии.

В случае недовольства царем власть переходила в руки его брата. Так, Скила заменил его брат Октамасад. Уже с самого начала главный из царей был и царем всей Скифии. При похоронах царя его труп обвозили по всем подвластным племенам, каждый скиф проявлял внешними признаками скорбь, нанося себе раны, скопом насыпали огромный курган над его могилой.

По-видимому, с самого начала власть находилась в руках одной династии, лишь часть представителей которой названа Геродотом. Могилы царей находились в номе Геррос. Там же их сооружали и в IV—III вв. до н. э. Впрочем, в это время исключения уже бывали. Таков Кульобский курган близ Керчи.

Царская власть вплоть до V в. ограничивалась советом царей, собиравшимся, например, во время похода Дария, и воинским собранием: им был свергнут Скил, оно собиралось и во время персидского вторжения. При всем том, вне экстренных случаев, власть царя была почти не ограничена. Царь Ариант, желая узнать численность скифов, приказал будто бы каждому принести по медному наконечнику стрелы, из которых был слит огромный котел. За невыполнение этой воли грозила смерть. Посягательство на царскую жизнь, даже предполагаемое колдовство, вызвавшее болезнь царя, каралось отсечением головы или сожжением.

Божественное происхождение царской власти подтверждается преданием о небесных дарах, полученных младшим из трех братьев родоначальников. Позднее власть тоже признавалась божественной и известны изображения (табл. XIII), где царь приобщается вином из ритона (рог для питья) или другого освященного сосуда, либо перед конным богом, либо перед богиней, сидящей на троне. Эти изображения сделаны на золотых бляхах, украшавших тиары, одежду и портупеи. Они столь живо связываются с такими же, относящимися к персидским царям, что кажется вероятным позднейшее осмысление божественности власти, заимствованное после походов в Переднюю Азию и длительных культурных связей VI в. Впрочем, вспомним, что во всех местных легендах цари происходят или прямо от верховного бога или от местной богини-полузмеи.

Царская власть становилась все более деспотической. Впрочем, тройственная структура первичного царства иногда, вероятно, приводила к усобицам. Фукидид считает скифское царство самым могучим в тех случаях, когда скифы единодушны. Бывали (слу-

чай с рабами) восстания подчиненных племен. Это привело к объединению силой при Атее. В IV в. царь Атей уже единовластно владел Скифией от Истра до Меотиды. В III в. глава саев, т. е. скифов царских, Сайтаферн имел в подчинении скептухов, т. е. «скиптродержцев», владетельных князьков отдельных областей, вероятно, номов. Но они в то же время были его свитой и уполномоченными наподобие скептухов при персидских царях. Об этом говорит декрет в честь Протогена. В другой ольвийской надписи того времени они же именуются *басилевсами*, т. е. «царями». Во II в. Скилур был главой всего, правда, территориально сократившегося царства. Такое усиление власти главного царя определялось, конечно, всем ходом развития, а с другой стороны, усилением экономической мощи царей, разбогатевших на торговле хлебом с Боспором. Характерно, что фигура Атея появилась именно в это время. Вероятно, этому способствовал и одновременный нажим сарматов с востока, требовавший концентрации сил и власти. Порядок наследования оставался неизменным. Царь скифской державы конца II в. до н. э. Палак наследовал своему отцу Скилuru.

Центр монархической власти передвигался в прямой связи с изменениями границ и внешних отношений Скифии. До вторжения Дария, как ясно говорит первое этногенетическое предание, царская династия была более связана со степными земледельческими племенами между Бугом и Днепром близ Ольвии. После этого побеждает кочевое начало, и с территориальным ограничением Скифии области царских скифов, «басилей», т. е. царские владения, сосредоточиваются в левобережных степях Днепра вплоть до Дона и в Степном Крыму. Ни городов, ни городского центра в степи нет. В IV—III вв. до н. э. интересы скифских царей и аристократии сосредоточиваются на торговле хлебом, прежде всего с Боспором. Царские курганы этого времени сосредоточены не только вниз от порогов до ближайших окрестностей г. Никополя в том же Герросе. Они есть и на р. Белозерке, и у Мелитополя, и у самого Пантикапея (Керчь). В конце V в. против Никополя у Каменки возник громадный город, территория которого занимает почти 12 кв. км; одновременность этого города царским курганам IV—III вв. до н. э., как и территориальная близость к ним, несомненны. Это позволяет видеть в нем центр скифского царства указанного времени. Город был тщательно укреплен, вероятно, от набегов сарматов и задонайских соседей. Нажим сарматов усилился ко II в. Экономические же интересы скифов по-прежнему тяготели к Боспору и отчасти к Херсонесу. Во II в. Каменское городище у Никополя на Днепре запустело и столица была перенесена в Крым, где близ Симферополя возник скифский Неаполь, последнее прибежище скифских царей, полугреческий, полуварварский город.

Скифская держава сложилась из племенного союза, как явствует из ее деления на племена. В этом союзе выделилось одно племя — царские скифы, которые, пользуясь словами Геродота, «всех других скифов считают своими рабами». Их цари — цари всей Скифии. Они облагали данью подчиненные племена. По приказанию и прямому выбору царя слуги его многочисленного штата вербовались среди остальных племен.

Кроме как у Геродота, название царских скифов почти не встречается у древних писателей, но оно, конечно, не исчезло. Их знали Страбон, Плиний и ранее их император Август. Они выделились, может быть, еще в эпоху набегов на Ассирию. Дальнейшая история Скифии IV и III вв. по-прежнему связана с центром на их Нижнеднепровской территории. Лишь во II в. до н. э. столица переходит в Крым. Когда сарматы поглотили Скифию, то там же на Днепре было племя «царских» сарматов, конечно, то же скифское племя, но получившее у части греков новое общетническое название.

Скифы царские — только часть кочевых племен Скифии. Геродот лишь там, где он касается территориального деления и вопроса о господстве, отделяет их от скифов-кочевников. В местах исторических это различие не соблюдается. Поход против киммерийцев, отношения со Спартой, вторжение в Херсонес Фракийский связываются у него с именем скифов-кочевников. Вне географической номенклатуры оба термина отождествля-

ются. Имя номадов-кочевников присвоено греками господствовавшей части скифов вплоть до Страбона. Войска кочевников свободно перемещались по всей территории страны, не исключая и земледельческих областей. Кочевья их заходили далеко за пределы коренной области. При вторжении персов кочевья находились между Днестром и Днепром и оттуда были передвинуты на север. Царский кочевой поезд уходил иногда к греческим городам, как это было при Скиле и Сайтаферне. Царская могила Куль-оба близ самостоятельного и мощного Пантикапея на территории Боспорского царства указывает на кочевки царей и в дружественные соседние области вплоть до Боспора.

Могины воинской аристократии земледельческих племен — те же могилы богатых воинов-наездников. У каждого из этих племен была такая аристократия. Она вела отчасти кочевой образ жизни: он, по-видимому, в какой-то степени был принят и у рядовых общинников-земледельцев. Постоянных поселений почти нет даже в степных земледельческих областях по нижнему Бугу. Земледелие, по-видимому, не мешало населению кочевать между севом и покосом, а молотба могла тянуться всю оседлую зиму. Недаром же эллины-скифы назывались еще каллипидами (т. е. «потомки прекрасноконных»), пахари сеяли хлеб не столько для себя, сколько для продажи грекам, а «алазоны» значит «бродяги». Погребения мужчин в огромном большинстве воинские, да еще и конные.

Таким образом, с конца VII в. до н. э. скифское общество знало разные градации общественного положения: рабов разного происхождения и по-разному подвергавшихся эксплуатации; «гишпотоксотов» (конных стрелков) — свободных общинников; бедноту, имевшую возможность сражаться разве что в пешем бою; разных ступеней аристократию от глав богатых семей до номархов-скептухов и царей от местных до трех ведущих со старшим по положению во главе. Рядовые общинники возглавлялись главами семей, также простыми конными воинами: только, как говорилось, в их руку вкладывался медный молоточек — скипетр в виде орлиной головки. Остальное все у них столь же просто, сколь у рядового воина.

Весь быт и строй были пронизаны военным делом и привычкой к войне. Глава общины, отец большой семьи — скептух малого ранга стоял во главе своего ополчения, скептух-номарх во главе войска нома; царь кроме воинов своего племени возглавлял общее войско царских скифов и подчиненных племен. Большое царское войско сопровождалось множеством безоружных слуг. Подчиненные племена выставляли свои вспомогательные контингенты. Так, например, при войне объединителя Скифии Атея с Филиппом Македонским и трибаллами к нему на помощь спешили скифы более глубинных степей. Пехота численно росла. Войска строились подобно персидским. Боспорский царь Сатир во время усобицы пользовался этим боевым порядком, позаимствовав его у скифов. В середине стоял во главе отборной конницы сам царь — главный военачальник, по бокам располагались другие отряды. Персы объясняли этот порядок тем, что при таком расположении войска донесения к полководцу и его приказы к подчиненным доходили скорее. В основе, конечно, лежало при таком строе пережиточное деление на царства и номы.

Уже много позднее, во II в. до н. э., как нечто вполне привычное появился у скифов даже флот. Он служил для борьбы с пиратами с того времени, как скифские цари стали интересоваться заморской торговлей, особенно хлебом. Флот состоял, конечно, из греков, прежде всего союзных и полуподчиненных ольвийцев: так у Скилура этим флотом командовал, как уже говорилось, ольвиец Посидей, оставивший в крымском Неаполе греческие надписи, посвященные местным и средиземноморским божествам, например Ахиллу, владыке Понта, и нимфе острова Родоса. Хотя бы частью это могли быть и сами скифы, занимавшиеся в устьях Днепра морским промыслом, о чем вскользь упоминает Геродот, а также моряки и пираты-тавры, состоявшие в союзе со Скилуром и Палаком в упомянутой войне против херсонесцев и Понта. Полководец Неоптолем, как помнит читатель, разбил в Боспоре Киммерийском флот своих противников «варваров» — конечно, скифов и тавров.

Общее ополчение не мешало существовать собственной царской дружине, этому первому шагу к разложению старой войсковой системы, лично зависимым от него войнам царя. Это частное войско царя вместе с превращением аристократии в антагонистический остальному скифскому обществу класс вело и должно было рано или поздно привести к образованию примитивного рабовладельческого государства. Отдельные скифы могли на свой риск объявить поход и набрать дружину. Лукиан Самосатский (II в. н. э.), сохранивший в своих новеллах на скифосарматские темы географию и этнографию времен Геродота, заимствованную и из него и из каких-то других близких по времени источников, рассказывает, что такой предприниматель закалывал быка и садился на его шкуру. Всякий, кто брал кусок бычьего мяса и становился одной ногой на эту шкуру, тем самым вступал в дружину предпринявшего поход. Такой частный вождь, по рассказу Лукиана, бывал обычно из среды аристократии, которая-де называлась «пилофорики», т. е. «носящие войлочные шапки». Эта полусамостоятельная аристократия поддерживала движение царской власти к государственной, но в то же время в какой-то мере мешала полному единству царства, имея возможность в силу обычая действовать самостоятельно. Может быть поэтому царь приказывал части такой природной скифской аристократии окружать его в качестве личного войска и придворных слуг высшего ранга, а также сопровождать в могилу и охранять свою персону в потустороннем мире. Этот обычай несколько сокращал зависимость в общем деспотической царской власти от совета старейшин и войска.

В конце V и начале IV в. до н. э. царь Атей пошел против прежнего триединства царской власти и объединил вокруг себя всю Скифию. Был ли это один из тех исконных царей царских скифов и всей Скифии или номарх-скептух усилившегося нома, в обоих случаях он в той или иной мере был узурпатором власти. Как раз с начала IV в. в знаменитых царских курганах степной Скифии появляется много золотых изображений на одежде и утвари змееногой богини родоначальницы подвигов бога-предка, — а им был Таргитай-Геракл, — сцен приобщения перед богиней или богом-всадником вином из священной чаши, предполагаемых эпизодов из скифского эпоса (табл. XIII, XIV). Эти изображения свидетельствуют о популярности династических легенд в эпоху Атея. Не напоминалось ли всем этим набором символов о том, что захват власти царем основывался на его фамильной, возможно фиктивной, связи с династией далекого прошлого. Какой-то из знаменитых царских курганов был, вероятно, его курганом. Величественная фигура этого девяностолетнего царя, лично сражающегося против хитрого македонянина. Мрачным, но высоко мужественным юмором звучат слова этого могучего старца накануне гибели в последнем бою, когда ему предложили выслушать игру взятого им в плен греческого флейтиста. Атей сказал, что он любит больше ржание боевых коней, а не музыку. Здесь в новых задунайских владениях он чтит бога-предка Геракла-Таргитаю, и это почему-то привело к борьбе с Филиппом Македонским.

Не исключена возможность, что смерть Атея ослабила внутренние связи новой единоличной деспотии и ее внешние силы несколько уменьшились. Был ли Агар, сражавшийся на стороне Сатира в боспорском династическом междоусобии, царем всей Скифии — неясно. Но позднее, в III в. до н. э., Сайтаферн наподобие главных царей старой Скифии Иданфирса и Скила кочует с войском по всей Скифии, прийдя под Ольвию из своих «басилей», т. е. «царских владений», во главе «саев», по-скифски «царских», в сопровождении своей царской свиты, состоявшей из «скептухов», может быть, номархов и племенных царьков. Однако окрестные подчиненные ему «скифы» и «миксэллины» по-разному относятся к Ольвии: первые ищут в ней защиты, вторые — враждебны, перед лицом грозящего с запада нападения на нее галатов-кельтов. Значит, и под единой властью Сайтаферна центробежные силы продолжали по-своему действовать. Однако в середине и конце II в. до н. э. Скилур и Палак объединяют всю Скифию в ее сократившихся после сарматского нашествия пределах. Существование такого объединения видно и в походе

царя, владычествовавшего также на Днепре и в Крыму, с которым воевал Плавтий Сильван. Может быть, это был Фарзой, чеканивший свое золото на ольвийском монетном дворе. Все эти факты говорят, что переворот Атея, превративший скифское царство в единоличное, был своевременным и прочным: это новое управление сохранилось, по крайней мере, до конца I в. н. э., а возможно и до политического конца Скифии, что не мешало существовать отдельным племенным царькам-скептухам, в интересах которых против моноэтичной власти царских скифов был переворот Атея. Не этих ли царей упоминает на Днепре в своей автобиографии первый римский принцепс Август?

Какой же была политическая организация скифского царства с ее пестрыми социальными группами, даже классами, с ее деспотическим царем, зависевшим при всем деспотизме от старейшин и своего войска, с неограниченным единством со времени Атея при существовании племенных скептухий — номов? Как велико было политическое значение войска в этом самом воинственном среди воинственных царств?

Это было состояние общества, когда сохранялись прежние деления на роды и племена. Начинали образовываться народы. Росли богатство и имущественное неравенство. Слагалась знать. Рабство приобретало все большее значение. Рос в связи с этим аристократический элемент. Он становился господствующим, основным элементом совета старейшин. Собрания народа становились собраниями воинов.

«Басилевс» — царь облечен правами судьи и жреца, наследует власть, но прежде всего он военачальник. Межплеменные столкновения из-за территорий и отчасти военной добычи вырождались в систематический разбой — в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение их в регулярный промысел. Этот первобытный политический строй получил название военной демократии. Хотя в эпоху древнейшего соседства киммерийцев и скифов, ставших даже однокультурными в границах «срубной культуры», ритуал погребений затухевывает воинственность быта,клады оружия и греческие источники говорят о войнах между племенами и их союзами. О том же говорят и вражда внутри киммерийских племен, и появление к моменту последнего вторжения заволжских скифов погребений всадников-стрелков в Причерноморье, у лесостепных скифообразных по быту племен Киевщины и Полтавщины, на Кубани, и принятие новых воинственных обычаев неврами, будинами, меотами и савроматами, области которых были приблизительно намечены выше. Все это позволяет с очень большим вероятием думать, что военная демократия сложилась к VIII—VII вв. до н. э. Это вызвало окончательное исчезновение киммерийцев. Начались дальние походы за далекой добычей в Месопотамию и на Иран. Еще не сложившаяся в государство масса скифов не смогла образовать в Мидии этого института и мидийский царь сумел избавиться от их вторжения. Но у этих последних готовившийся стать монархом царь начал приобретать могущество. В недрах вполне сложившегося скифского политического объединения земледельческих и кочевых племен последние элементы окрепли особенно после столкновения с Дарием. Кочевые обычаи усваивались в некоторой мере земледельческими племенами. Богатства аристократии росли. В недрах скифской военной демократии стали зарождаться элементы государства, учреждения, охранявшего вновь возникавшую частную собственность и новые формы ее приобретения, в том числе право имущих на эксплуатацию неимущих.

Вторжение Дария толкнуло скифских басилевсов на путь деспотического управления. Картины восточных деспотий уже были перед глазами во время далеких походов в Переднюю Азию. Где-то в конце VI или в начале V в. до н. э. царь Ариант, уже грозя смертью за неповиновение, исчислил своих воинов. Рабство покоренных племен и военнопленных — вполне сложившийся институт. Но еще в середине V в. войско, что равносильно общему народному собранию, легко свергнуло Скила. Атей объединил триединое царство. Рабство в его эпоху усилилось очень: невооруженная прислуга его войска и есть настоящие рабы. Это позволяет думать, что при нем (едва ли раньше) можно уже говорить о государстве. Пропаганда царской власти путем нового возобновления династии

тических легенд отразилась во многих изображениях. Но центробежная сила старых родоплеменных отношений в лице скептухов, неровного отношения племен к греческим соседям, например при Протогене в Ольвии и т. п., продолжали сохраняться. Страсть скифской аристократии к обогащению привела к поражению их сарматами, хотя во II в. до н. э. цари Скилур и Палак уже обитали во внешне сильно эллинизованном городе. Это уже время высшего развития скифской рабовладельческой государственности, прожившей хотя и на суженной территории до начала III в. н. э. и в значительной мере по внешним формам бытового уклада походившей на сохранявшую отчасти характер племенных союзов сарматскую языково-этническую общность.

В полном соответствии с воинственным политическим строем исполнен воинственность их быт. Ему отвечают воинственные обычаи и пантеон божеств. Каждый скиф, по Геродоту, — конный стрелок. Чем больше он убьет врагов, тем больше ему почет. На годичном войсковом собрании нома такой почитаемый воин, убивший хоть одного врага, получал из общего пиршественного сосуда чашу вина. Из черепов убитых врагов он делает чаши. Скальпами убитых врагов он увешивает узду коня и употребляет их как полотенца для вытирания рук. Кожей врага он покрывал своего коня. Из снятой с руки кожи он делал себе колчан.

ХОЗЯЙСТВО СКИФОВ.

ТОРГОВЛЯ С МЕТРОПОЛИЕЙ

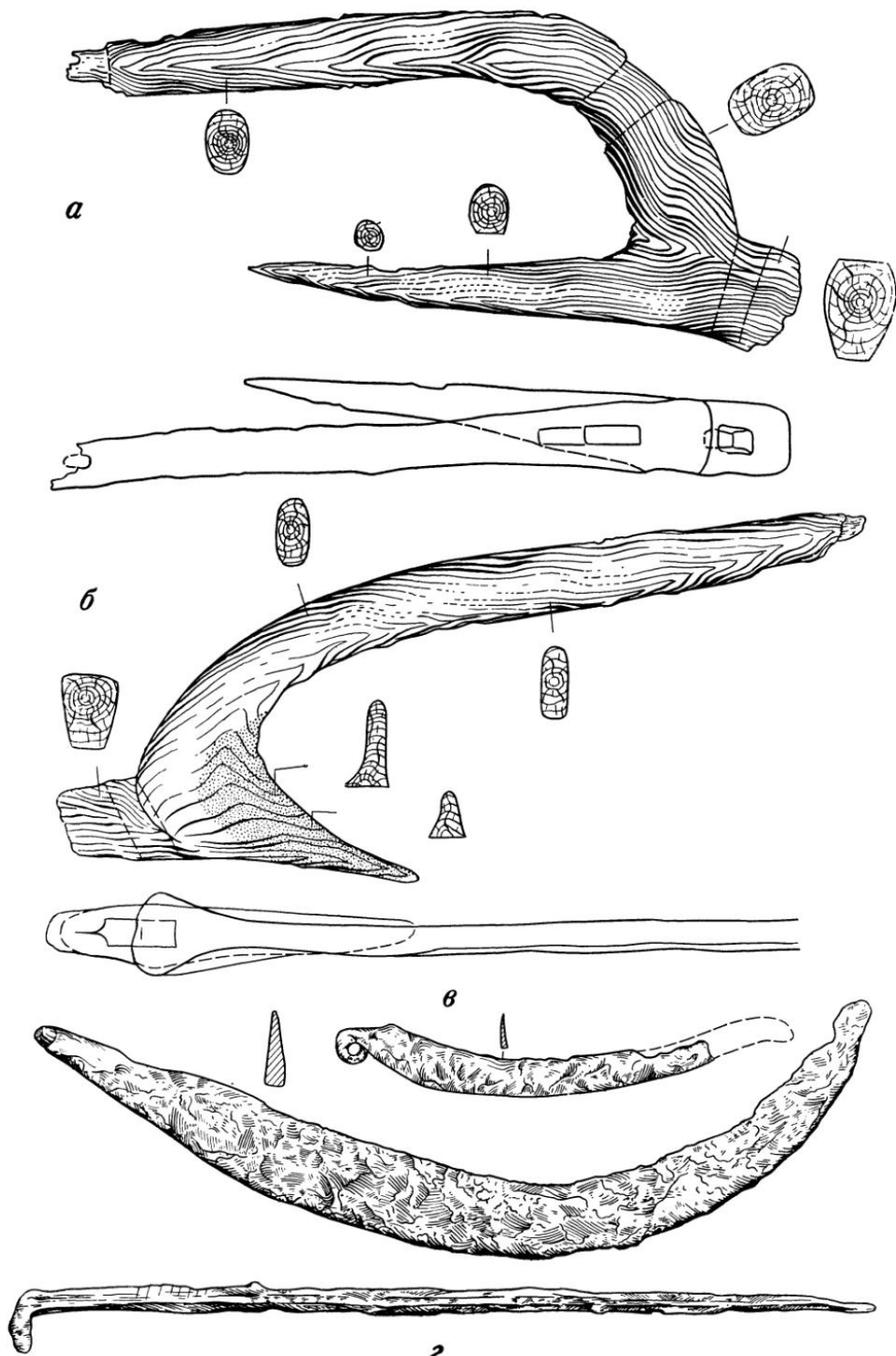
И ВНУТРИ СКИФСКОГО ОБЩЕСТВА

Геродот делил племена скифов на кочевые и земледельческие. Эллины-скифы, скифы-пахари, скифы-земледельцы и алазоны сеяли хлеб для себя и на продажу грекам. Перед стенами Ольвии на берегу Бугского лимана, у Широкой балки археологи открыли поселение скифов, в жилищах которых были: специальная печь для просушки зерна и много обгорелых зерен пшеницы, ячменя и даже ржи. Уже говорилось о том, что земледельческие и кочевые племена жили лишь отчасти попеременно: земледельцы занимали главным образом правый до Дуная, а кочевники-скотоводы — левый берег Днепра и степь до Дона. Входил в их земли и Степной Крым. Однако Страбон сообщает, что уже с IV в.

до н. э. земледельцы жили в Крыму. Это могло произойти в связи с тем, что в это время на основе хлебной торговли с Боспорским царством сюда передвинулась часть земледельцев-скифов с низовьев Днепра. Им было выгодно приблизить свои поля к рынку сбыта. Выгодно было это и аристократии скифов, наживавшейся на хлебной торговле. Совпадение этнического наименования у Геродота и Страбона, «земледельцы», указывает на переселение именно с Нижнего Днепра, где на обоих его берегах обитали «скифы-земледельцы».

Скифы пахали землю. Вспомним, что одно из их племен так и называлось пахарями. В числе небесных даров, посланных родоначальникам скифов, был золотой плуг. Ге-

Скифские сельскохозяйственные орудия:

а — деревянный плуг из с. Токари Сумской обл.; б — то же, из с. Сергеевка Брянской обл.; в — железный серп из поселения на р. Донце; г — то же, с Каменского городища

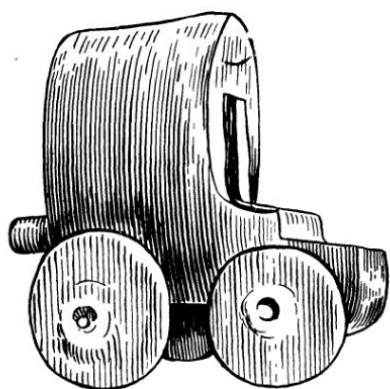
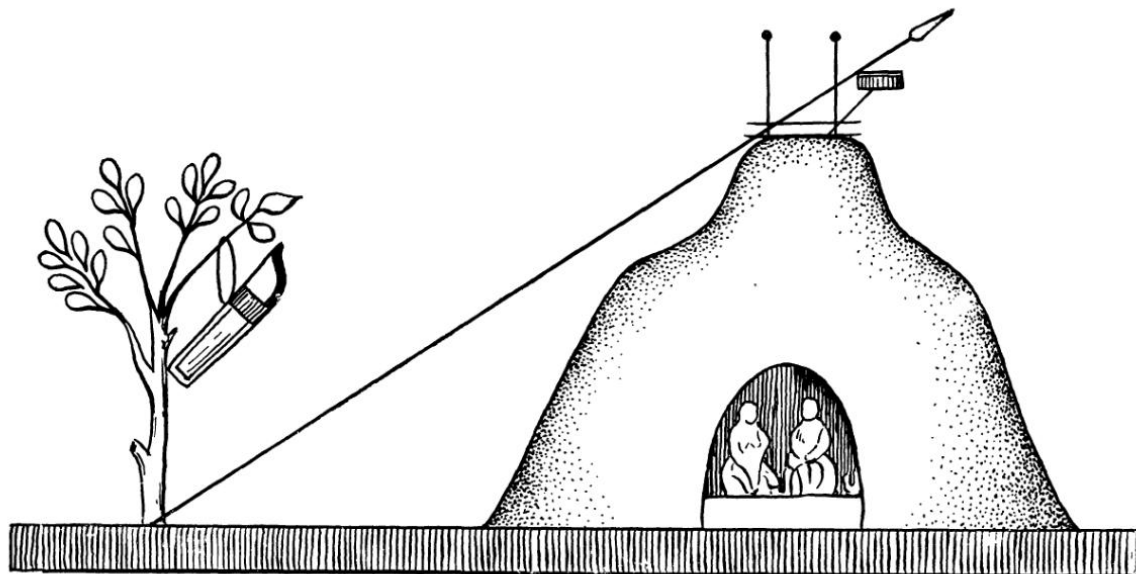
родот рассказывает про многочисленные нивы на берегах Днепра. Без пахотного земледелия было бы просто невозможно представить себе огромный вывоз хлеба из Скифии, о котором говорят древние писатели. Так как до нашего времени не дошло ни одного железного лемеха, ни одного изображения плуга, то плуг, вероятно, чаще всего бывал деревянный. Из области племен, живших на притоке Днепра Суле по скифским обычаям, происходит деревянный плуг того времени. Говоря о плодородии северных крымских степей, Страбон пишет, что эта земля, «вскопанная любым сошником», давала очень большие урожаи. Кроме деревянного плуга мы знаем железные мотыжки, которые могли употребляться для огородного дела. Жали хлеб железными серпами, образцы которых в достаточном числе известны.

По Геродоту известно, что земледельческие скифские племена культивировали пшеницу, ячмень, просо, бобы, лук и чеснок. Этот перечень, может быть, неполон, так как он складывается из хлебов и съедобных растений сообразно с тем, чем удовлетворялись основные потребности греков-колонистов. Тот же Геродот свидетельствует о конопле, из которой ткали хорошее полотно и делали какой-то наркотик для курения, очевидно, вроде гашиша, и сейчас изготавливаемого из того же растения. Сами скифы в северной части своего края, может быть, сеяли рожь. Впрочем, пока что это доказано только для лесостепных племен к востоку от Днепра.

Единственным орудием переработки зерна на муку, дошедшим до наших дней, была зернотерка: каменная плита до 60 см длиной со слегка суженными концами. На ней другой меньшей плитой растирали хлеб на муку.

Читатель еще не вполне знаком с первой легендой Геродота о происхождении скифов. В ней в связи с упавшими с неба золотыми дарами говорится, что цари хранят это золото и ежегодно справляют праздник, на котором приносят многочисленные жертвы. «Кто, — рассказывает Геродот, — с этим священным золотом заснет под открытым небом, тот, по словам скифов, уже не проживет года; поэтому ему дается столько земли, сколько он сам объедет на коне в один день». Ленинградский археолог М. И. Артамонов сделал очень интересные выводы из этого рассказа. Это, полагает он, был весенний земледельческий праздник. У многих народов особый «царь-жрец» олицетворяет успешность земледельческой деятельности той или иной общины. У некоторых народов его через известный срок — иногда через год — убивали. Такой обычай был и у скифов. Иначе трудно представить себе, почему заснувший не проживет и года. При множестве кровавых обычаев и жертв, например во время похорон, отнюдь не исключается действительное умерщвление такого представителя общины. Может быть, в приведенном рассказе содержится указание на ежегодный передел земли у скифов. Обширность угодий, отводимых обреченному, не дает право точно заключить, какая группа населения могла снабжаться ежегодно землей. Это могла быть большая семья, а иногда мог быть и аристократический надел. Это первоначально праздник степных скифов, вероятно, «пахарей». Можно ли его распространять на нескифские племена лесостепи, неясно. Археологические данные о каких-то земледельческих культах в лесостепных областях имеются. В легенде совсем не объяснено, кто и как мог заснуть около священных даров. Скорее всего здесь мог подразумеваться один из группы стражей священного золота, долженствовавших длительно бодрствовать около него, который первым потерял силы. Такой сон играл особую ритуальную роль.

Скотоводство было распространено в земледельческих и в кочевых областях скифов. Кочевое скотоводство, сколько можно судить по его описанию у Геродота и Гиппократов, состояло в частых сменах места. Используя пастбище, переходили на новое место. Остановки были недолговременны. В связи с такими частыми перекочевками основным видом кочевого жилья была войлочная юрта, поставленная на повозку. Нужно думать, что зимой скот добывал пищу из-под снега (тебеневка), как еще недавно это практиковалось у кочевых казахов. Никаких признаков заготовки сена и соответствующих ору-

Юрты скифов:

вверху — юрта Анфестерия (фреска из Керчи); слева — юрта на колесах (детская игрушка из глины)

дий от скифов не сохранилось. По Страбону, приазовские скифы на зиму для тебеневки уходили из степи к лиманам рек, где сохранялась высокая и сочная трава. Волы перевозили эти повозки-жилища. Кони служили для переездов мужчин, сопровождавших поезд таких юрт на колесах. В юртах ехали и ютились женщины и дети.

Как можно судить по остаткам похоронных колесниц, найденных в насыпях курганов царей и аристократии, коней использовали и для перевозок. На Кубани жили меоты, не скифский генетически, но близкий им по быту и культуре народ. В насыпях их богатых курганов у станицы Елисаветинской обнаружены погребальные колесницы, запряженные шестью конями цугом.

Очень распространена еще овца. Про всех этих животных у скифов повествует Геродот и другие авторы. Данные раскопок погребений по всей Скифии выявляют кости этих животных в качестве поминальной пищи. В богатых погребениях нередко встречаются целые кони во всей сбруе, сопровождавшие своего хозяина на тот свет. Геродот рас-

сказывает, что скифы не только не приносили в жертву свиней, но и совсем их не разводили. Так это на деле и обстояло в степях. Каменское городище в Запорожской области показало полное отсутствие костей свиньи. Там же отражен и остальной состав степных стад: крупный рогатый скот и кони занимали первое место, около 80 %, поровну, а мелкий рогатый скот около 18 %. Остальное — собаки и промысловая дичь: олени, сайга, бобр. В степи, особенно у кочевых племен, коневодство, естественно, было в большой чести. Очень важно свидетельство Полиена о том, что войско Атея сопровождали слуги, пастухи именно коней, а не пастухи вообще. Конина шла в пищу наравне с мясом других домашних животных: разбитые конские кости — обычное явление на остатках скифских поселений. В дело шло не только мясо животных. Использовали шкуры и шерсть: шили тулупы, валяли войлок для юрт, кошм и башлыков, выделывали кожу для кожаных панцирей, шлемов, штанов, обуви, портушей, поясов, колчанов и т. п. Использовались молочные продукты. О приготовлении кумыса и сыра — «ипшаки» (греческое слово от «ипшос» — конь) до нас дошли прямые сведения Геродота, Страбона, Аристотеля и других авторов. Молочная пища была основной. Недаром древнейшие поэтические эпитеты скифов — «доители кобылиц» и «млекоеды». Замечательно изображение скифов в конском табуне на знаменитой вазе из-под Никополя (табл. I).

Об отдельных промыслах и производствах можно судить преимущественно по археологическим материалам. Так, по костям оленей, бобров, по изображениям оленя, сайги, по описанию Геродота и изображениям охоты на зайца можно судить о том, что охота была в ходу. Костей диких животных совсем нет в ремесленной части Каменского городища. Но они, особенно кости благородных оленей, налицо в аристократическом акрополе этого единственного обстоятельно изученного городища степных скифов. Из Геродота известно, что в устьях Днепра ловили осетровую рыбу и добывали самосадочную соль. Вообще же, как видно из материалов Каменского городища, скифы рыбы почти не ели. Впрочем, звериный стиль скифов знает изображения карповых рыб из золота, в деталях украшений конской узда и в виде блях, украшавших деревянное блюдо из кургана Солоха конца V — начала IV в. н. э. Со II в. до н. э. скифы стали ловить в Днепре рыбу в значительном количестве и то только очень больших сомов. Возможно, что в этом сказалось культурное влияние греков, на столе которых рыба занимала видное место. Это совпадает с началом употребления свиного мяса и внедрения других бытовых греческих навыков. Такие костные материалы в достаточном количестве есть только на акрополе Каменского городища, которое к этому сроку вообще сократилось до размеров акрополя.

Совершенствование литейного и кузнечного ремесла потребовало развития горного дела. Неясны источники получения меди, которой требовалось много для изготовления бронзовых наконечников стрел, котлов и прочего. Большая часть меди, очевидно, ввозилась извне. Но до сих пор нет никаких данных, чтобы установить, откуда шел этот ввоз. Впрочем, в Артемовском районе Донецкой области есть небольшие древние разработки меди. Можно предполагать ее ввоз, в частности с Кавказа. В приуральской части территории савроматов, с которыми торговали скифы, имеются древние медные рудники. Медь могла идти и оттуда. По материалам Каменского городища приплавом служили олово и цинк. Происхождение первого неизвестно. Второй есть на Нижнем Днепре.

Литье производилось в глиняных и каменных формах. Для литья многочисленных наконечников стрел применялись довольно сложные медные формы. На стенках грубых глиняных тиглей при плавке прилипал литейный шлак, а на стенках льячек даже застывала пленка меди. Наконечники стрел отливались сотнями и тысячами: так много их требовалось воинам. Большие котлы отливали в очень сложных формах. Остатки отходов литья в большом числе встречены все на том же Каменском городище.

Железо добывалось в большом количестве. На Каменском городище обнаружены куски руды местного болотного железа, добывавшегося, вероятно, в болотах днепровских плавней. Там же была обнаружена руда криворожского происхождения. Кое-какие

бракованные железные изделия там тоже найдены. Да и вообще и там, и в курганах множество самых разных железных вещей: оружия, ножей, шильев, удила и т. п. Шлак от варки железа и обломки глиняных горнов для этой цели найдены на территории этого городища тысячами. Там же обнаружены обломки сопел от мехов из глины, кузнечные пробойники, зубила, один молот какого-то специального назначения.

Одни и те же мастера лили медь, варили сыродутным способом железо, т. е. восстанавливали его прямо из руды крайне неэкономно, так что в шлаке оставалось от 40 до 60 % пригодного металла. Эти же мастера ковали оружие и орудия, отливали стрелы, котлы и украшения. Не было узкой специализации. Отходы всех этих ремесел постоянно обнаруживаются вокруг и внутри обширных в 150—300 м² жилищ того же городища. Особенно примечательно жилище, открытое в 1939 г. В нем и вокруг него нашлось очень много отходов литья и кузнечного дела. Около одной его стены стоял квадратный кузнечный горн с отверстием для сопел. Несколько в стороне находились ямы с древесным углем, необходимым и для кричной варки железа, и для приготовления стали. В одном месте пять больших жилищ с такими отходами окружали деревянное прямоугольное святилище в виде небольшого алтаря — кучи золы. По величине жилищ мы уже установили, что перед нами большие патриархальные семьи, сосредоточившие в своих руках металлургические ремесла. Около 900 га, конечно, не сплошь, были заселены на Каменском городище такими семьями металлургов. Оружие и изделия заполняют могилы и рядовых воинов, и царей по всей приднепровской и приазовской степи. Вероятно, в конце V и начале IV в. до н. э., когда возникло это городище с мощной обороной, оно далеко не в последнюю очередь было обязано своим происхождением необходимости сосредоточить в одном месте вблизи от рудников и рядом с могучими лесами днепровских плавней металлургов. Их труд и без того важный в воинственном скифском обществе с образованием завоевательского Атеева царства стал еще важнее и почетнее.

Оружейное дело не могло ограничиваться только литьем металла и его ковкой. Надо было делать древки для копий и стрел, топорича для секир и рабочих топоров, деревянные плуги из рассох и т. д. Очень возможно, что это ремесло было в руках членов тех же семей, в которых основой были металлурги. Еще сложнее было изготовление луков, но о нем судить можно только по форме их на изображениях. Деревянные части юрт на возках — дышла, ящик, оси, колеса и весь набор деревянных же деталей, ставившихся на землю юрт, — все это находилось, вероятно, в руках специалистов-столяров. Деревянные постоянные жилища — зимники больших семей, такие, как мы их теперь знаем на Каменском городище, требовали труда плотников. Их стены из вертикально врытых столбов и плетней легко гнили в нижней части и требовали постоянной смены. Кузнецы изготавливали множество гвоздей, костылей и всевозможных скоб для этих построек, помогая плотникам. Топоры, долота, тесла, пилки известны и на Каменском городище, и в курганах самих скифов и близких им по культуре нескифских племен лесостепи.

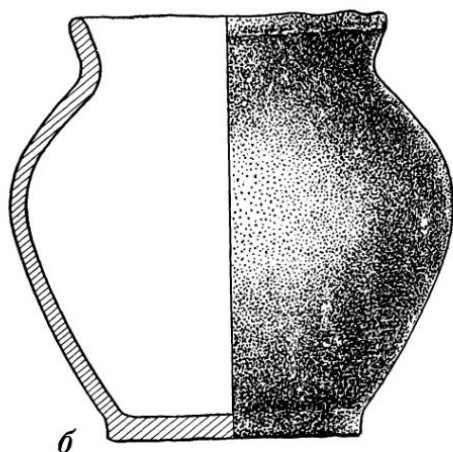
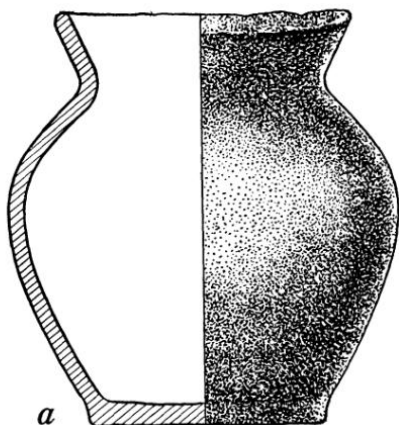
На разные служебные изделия шли кости домашних и диких животных, в частности олений рог. Впрочем, круг ее употребления был очень ограничен. И в скифской степи и на родственной по быту лесостепной территории в VII и VI вв. до н. э. из костей и рога охотно делали украшения для конской сбруи в особом, характерном для скифов, зверином стиле. В частности, из рога делали псалии, палочки с отверстиями: их прикрепляли к концам удила для закрепления ремней уздечки и повода. Их часто украшали головками коней, баранов, орлов, барсов и т. д. на верхнем и копытами коня на нижнем конце. С начала V века до н. э. изготовление этих вещей из кости совсем прекратилось. Лишь продолжалось изготовление колодочек ножей из двух или одной костяных пластинок, прикрепляемых к черенку заклепками. Еще в доскифское время из кости делали четырехгранные и трехгранные, а также цилиндрические наконечники стрел. Первые применялись в VI и V вв. до н. э., последние делались до конца скифской культуры. Косторезы, вероятно, работали вместе с металлургами. В одном жилище Каменского го-

родища наряду с отходами металлургии были найдены обрезки и отпиленные кусочки костей, несколько заготовок от ручек ножей без отверстий для заклепок и с просверленными отверстиями. Тут же вместе с этими обрезками и заготовками были найдены откованные заготовки лезвий ножей из железа с широкими черенками, но неотточенные и без отверстий для заклепок. Значит, то ли косторез делал сам и клинки ножей, то ли он работал об руку с мастером, готовившим ножи. Конечно, он принадлежал к той же большой семье, что и металлурги, из того же жилища.

Геродот сохранил нам известие, что якобы из-за недостатка дров в степи скифы пользовались с этой целью костями животных и у них-де возникла отсюда поговорка, что «бык сам себя варит». Находки древесного угля при раскопках многочисленны, а обилие лесов по берегам Днепра на его степном течении, конечно, давало дрова с избытком. Но то, что кости иногда сжигались, как топливо, несомненно. В одном жилище Каменского городища был очаг-яма, полный одного только костного угля.

Посуда делалась из глины. Гончарный круг так и не привился у скифов. Посуда лепилась вручную из жгутов глины. Под дно на доску или стол подкладывалась у степных скифов мокрая тряпка, как это видно по ее отпечаткам. По формам посуда степных скифов значительно отличалась от посуды племен лесостепи. Об этой последней мы поговорим позднее. Посуда же скифов степей ведет свое начало от посуды поздней срубной культуры. Это по большей части округлобокие горшки с вертикальным, слегка расширяющимся горлом или с мягко отогнутым краем. Чаще они приземистые, реже вытянуты в высоту. Узкогорлая посуда с шаровидным корпусом встречается тоже. Острореберные сосуды единичны; они есть в Ольвии и около нее. Баночных стало тоже мало: они низки и малы. Орнамент не богат.

В раннее время (конец VII и начало VI в. до н. э.) имеются очень редкие экземпляры лощеной посуды, близкой к лесостепной. На простой посуде под бортиком и по плечу бывают на-

Глиняная посуда степных скифов:

а и б — из курганов у с. Кут; в — с Каменского городища

лепные опоясывающие валики, покрытые ямками. К концу V века они совсем исчезают. Остаются на их месте только различные, сделанные палочкой или концом пальца, ямки. Линейный бороздчатый орнамент в виде рядов зигзагов и т. п., продолжающий основную линию орнаментики времен срубной культуры, хотя встречается редко, но все же есть.

Наличие ткачества свидетельствуется находками многочисленных глиняных и свинцовых пряслиц конических и биконических, т. е. грузиков, надевавшихся на веретена для придания им устойчивости. Они часто находятся на поселениях, в частности на Каменском городище. Встречаются они также вместе с остатками деревянных веретен в женских погребениях как их обязательная деталь. Устройство ткацкого стана неизвестно. Отпечатки на доньях горшков говорят об очень тонкой пряже и тканях, о грубых тканях из толстых нитей и о рядне. Материалом служили овечья волна и конопля. Геродот рассказывает об изготовлении из конопли хорошего полотна. Кроме тканей употреблялись циновки. Их плели из тростника, столь обильного в днепровских плавнях. Их отпечатки бывают на доньшках горшков, а остатки в могилах, где ими убирали дно и стенки. Кошма и войлок известны нам из упоминаний у древних авторов, как материал, прежде всего шедший на юрты. Но их, конечно, употребляли и в виде постелей и для завешивания стен.

Ремесла, конечно, большей частью были сосредоточены в руках мужчин. Обработка продуктов скотоводства и сельского хозяйства, а также, вероятно, и изготовление горшков находилось в руках женщин. В частности, в их могилах бывают не только пряслица, но и нарочито «убитые» зернотерки в кусках.

Какая доля труда рабов была в этих работах, неясно. Может быть, ее было немного в ремесле, хотя предполагать такое следует. Рабыни и рабы послабее, конечно, помогали свободным женщинам, может быть, исполняли самую трудную и черную домашнюю работу. О труде рабов в скотоводстве и земледелии известно хорошо. В хозяйстве царей и аристократии была несвободная челядь для личных услуг — об этом свидетельствует и Геродот, и могилы богатых скифов.

Торговля в Скифии имела большое развитие. Данные греческого эпоса позволили нам уже в первой главе установить, что греческие мореплаватели проникли на Черное море задолго до колонизации. Где-то еще во втором тысячелетии до н. э. Иасон с другими героями плывал на корабле Арго в Колхиду (Грузия) за золотым руном. Его обратный путь связывается с северным побережьем Понта Евксинского (Черное море). Он попал в Крым, а затем в устье Дуная. Несмотря на то что эти рассказы, очевидно, являются результатом длительной мифической обработки, в раннем знакомстве со степным Причерноморьем, несомненно, проглядывает какая-то историческая действительность. В то же время, когда складывался рассказ о золотом руне или даже чуть раньше, появились кое-какие вещи явно средиземноморского происхождения, которые подтверждают сношения северо-западного угла Черного моря с греческим миром, имевшим тогда внешность так называемой крито-микенской культуры. Во время раскопок курганов под Усатовым на окраине Одессы найдено несколько кинжалов по форме таких, какие встречаются в первой половине II тысячелетия до н. э. в Гурнии на Крите и в других пунктах Крита, Греции и островов Эгейского моря.

К немного более позднему времени, а именно к XVI—XII вв. до н. э., относится известный Бессарабский клад, случайно найденный незадолго до первой мировой войны у с. Бородино вблизи Белгорода Днестровского. В этом кладе есть парадное серебряное и каменное оружие, которое свидетельствует о наличии очень разнообразных сношений жителей Днепровского и Днестровского лиманов около середины II тысячелетия до н. э. В некоторых его вещах видны сношения с Кавказом, в некоторых — с далекими областями Советского Союза (наконечники копий), с Поволжьем и Прикамьем, а также с крито-микенской Грецией. В состав клада входит серебряный кинжал с золотой накладной пластинкой посреди клинка. Его форма и орнаментация золотом согласуются с рядом

кинжалов из Микен. Массивная серебряная шпилька с ромбической головкой, укрепленной в виде сложных волнистых линий золотой инкрустации, также близко связывается с микенской культурой. Все это, хотя и недостаточно детально, но вполне убедительно показывает, что крито-микенский мир, бывший во II тысячелетии до н. э. уже в значительной степени греческим, имел сношения и торговал с будущей Скифией. Но тот же эпос об аргонавтах убеждает нас, что только отдельные смельчаки отваживались плавать в столь далекие края. Недаром же сохранилась легенда, что сначала Черное море называли «Понтос Аксейнос», т. е. «Негостеприимное море», и только, когда греки с ним лучше освоились, оно стало «Понтос Эвксейнос» — «Гостеприимное море».

Знакомство с северным побережьем Понта, как говорилось в первой главе, не прекращалось и в эпоху создания гомеровских поэм. В начале XIII песни «Илиады» обнаруживается знакомство с далеким народом дивных млекоядов, доителей кобылиц, которых немного позднее Гесиод (VIII в. до н. э.) назвал скифами. Одиссей странствовал по Черному морю и побывал в бухте морских разбойников лестригонов (Балаклава? песня X), а также у киммерийцев в стране мертвых (песня XI).

Явный характер регулярности торговли приобретает только с VII в. до н. э., может быть, с первой его половины, что устанавливается рядом находок, проникших через степь в глубь лесостепи. Это греческая керамика милетских или родосских образцов. Хотя таких находок и немного, но они очень показательны. Ее фрагменты найдены в Ольвии, в Немировском лесостепном городище на Буге, в пределах Киевской области у с. Балтышка, там же на Жаботинском городище, в Донецком бассейне у Криворожья на р. Калитве, на Керченском и на Таманском полуостровах. Еще в начале VII в. до н. э. недалеко от входа в Днепровско-Бугский лиман на острове Березани возник эмпорий (морская торговая станция) греков. Это был, как видно, тогда еще первый и единственный торговый их форпост в Скифии.

Очень существенно назначение греческой импортной посуды древнейшего времени: это все пиршественная посуда для вина — энохи и килики. В немного более позднее время, в эпоху колонизации, с такими сосудами бок о бок встречаются большие амфоры, в которых перевозили по морю вино. Правда, среди греческой пиршественной посуды VII и начала VI в. до н. э., проникшей в Скифию, амфор еще нет, но определенное назначение найденной греческой керамики заставляет думать, что в это время вино по рекам Скифии и по ее дорогам перевозилось в бурдюках. Для перевозки вина в амфорах надо было приспособить и лодки, и повозки и организовать какие-то специальные склады, как в греческих гаванях, чего в глубинной стране еще не было. Характерно, что все известные до сих пор сосуды доколониционного импорта в Скифию принадлежат к числу дорогих художественных произведений, которые могли быть в употреблении только у верхушки степных скифов и сходных с ними по быту лесостепных соседей.

В курганах на р. Калитве (Донбасс) были найдены золотые изделия урартского и ассирийского происхождения. Это вполне соответствует времени последних походов скифов в Переднюю Азию.

Иначе пошло дело после образования греческих колоний, из которых в первую очередь для Скифии имели значение Ольвия и Пантикапей с другими городами Боспорского царства. Первая поставляла в Скифию предметы ввоза по Бугу и Днепру. Проводником товаров из Пантикапея были Ольвия, степные дороги через Северный Крым и безымянное меотское городище в устьях Дона около станицы Елисаветинской. В конце III в. оно потеряло свое значение и захирело, так как прилежащее устье Дона перестало быть судоходным, и возник город Танаис у слободы Недвиговки, так всегда и остававшийся греко-варварским, часто входящим в состав Боспорского царства.

Многочисленные сведения разных древних писателей говорят о том, что Северное Причерноморье было одной из далеких торговых территорий и для собственной и для

а

б

в

Греческие амфоры для вина:

а — фасосская; *б* — производства неизвестного центра; *в* — родосская

малоазиатской Греции. Отсюда, как говорят Полибий, Страбон и другие, шел хлеб, хорошие сорта рыбы (особенно красной рыбы), мед, воск, шкуры и скот. Сверх того, вывозились в большом числе рабы, по выражению Полибия, «хорошего качества». Страбон прямо называет рабов и шкуры кочевническими товарами. Не все из перечисленных товаров приходили, впрочем, из степи. Из их числа, конечно, нужно исключить рыбу. Действительно, городища Скифии и скифской по культуре лесостепи характеризуются почти полным отсутствием признаков рыболовства. Зато в Ольвии и в городах Боспорского царства найдено очень много рыболовных грузил, игл для плетения сетей, рыбозасолочных ванн и т. п. Но со слов Страбона известно, что на Меотиде (Азовское море) меоты, жившие по побережью между Доном и Кубанью, занимались рыболовством. Можно думать и о прибрежном туземном населении Днепровско-Бугского и других соседних лиманов, что оно тоже принимало в этом участие. К тому же и Геродот говорит об осетровых рыбах в Борисфене.

Кое-кто из историков допускает, что через Ольвию и города Боспора вывозился из Скифии корабельный лес. Письменные источники сообщают о вывозе такого леса из Колхиды. Лес в нижнем течении Днепра, в мощных днепровских плавнях, состоит

из пород, которые негодны для морского кораблестроения. Анализ древесных пород деревянных изделий Боспора IV — III вв. до н. э. показал, что туда ввозился тот же самый кавказский лес.

Самой важной статьей экспорта из Северного Причерноморья в классическое время был хлеб, прежде всего пшеница. Нам уже знакомы рассказы Геродота об этом. Он ведь отмечал, что племена по Нижнему Бугу и Днепру сеяли хлеб на продажу. В IV в. до н. э. Боспорское царство взяло немалую часть степного вывоза в свои руки. Экспортное скифское земледелие расширилось на всю степь. Еще во время Геродота Северный Крым был занят кочевьями царских скифов. Но уже в эпоху господства боспорского хлебного экспорта, как говорит Страбон, население крымской степи усиленно занималось земледелием. Огромный хлебный экспорт Боспора не мог базироваться только на собственном сельском хозяйстве. Его цари и аристократия арендовали часть степей полуострова. На монетах скифских царей, чеканенных в Ольвии и в других местах, которые подпадали под их зависимость, изображаются колосья пшеницы, что явно свидетельствует об участии скифской аристократии в экспорте хлеба. Ольвийские надписи говорят, что там в III — II вв. до н. э. бывали крупные хлеботорговцы вроде Протогена. Распространение боспорских золотых и серебряных изделий до украинской лесостепи под Киевом, Полтавой и Харьковом, а по Дону до Воронежа говорит, надо думать, о том, что боспорские порты вывозили хлеб и другие товары из всех степей Поднепровья и Подонья, а также, может быть, из лесостепи, одним словом, отовсюду, где было развито земледелие. Высокая ценность боспорских изделий из золота и серебра, встречающихся в богатых погребениях скифов (Чертомлыцкий и другие курганы), а также в аристократических курганах скифообразной по культуре лесостепи, т. е., вероятно, невов и будинов, указывает на участие и преобладание Боспора в торговле со Скифией в самом широком смысле слова и, в частности, в торговле хлебом, коль скоро именно хлеб был главным предметом боспорской внешней торговли.

Размах вывоза хлеба ослабел в конце III в. до н. э. Причиной была большая конкуренция с черноморским хлебом египетской пшеницы и большее продвижение на запад сарматских племен, которые к началу нашей эры захватили все пространство между Дунаем и Днепром. Они же в основной своей массе, кроме прикубанских сираков, по Страбону, были кочевниками по преимуществу. Со слов того же автора, земледелие сосредоточилось в это время в особенности в руках населения Степного Крыма, который, как и низовья Днепра и Буга, оставался скифским.

Другие продукты, вывозившиеся, как было сказано, из Скифии, играли меньшую роль, чем хлеб: ни мед, ни воск не могли конкурировать с ним. В каких размерах вывозились скот и шкуры, неизвестно. Указания на них определены, но нечасты. Между тем Полибий, сведения которого касаются III и II вв. до н. э., среди «необходимых жизненных потребностей» называет скот, который вывозили из Скифии в Грецию. В эту пору, когда вывоз хлеба с Понта стал несколько спадать, вывоз скота, может быть, несколько увеличился. С давних пор греки знали скифский скот: Гомер описал их коневодство. Он же в Одиссее рассказывает о стадах овец и овечьих пастухах у лестригонов. Геродоту и более поздним писателям хорошо известны кони, коровы и овцы Скифии. Очевидно, вывоз скота и шкур начался либо вместе с греческой колонизацией, либо еще в доколониционное время.

Среди шкур, которые вывозились в Грецию, конечно, была пушнина. Геродот ведь называет торговый путь от Ольвии до Урала и на нем охотничьи племена фиссагетов и иирков. Он знает про ловлю выдр, бобров и каких-то других зверей в стране будинов. По его словам, шкурки этих животных идут на обшивку одежды. Вывозить шкурки, видимо, начали еще до него, а рассказы Страбона про экспорт бобров и их шкур через Танаис указывают на постоянство этой отрасли скифского экспорта в течение ряда столетий.

Из Скифии вывозилось очень много рабов. Греческие причерноморские города были только передатчиками живого товара. Они не делали и не могли делать глубоких походов в степь. Отдельные случаи подобных походов в Скифию бывали, но их немного и они редко имели своей целью непосредственный захват живых людей, да и почти не исходили от греков. Мы уже приводили свидетельство Ктесия, придворного врача Артаксеркса Нота, что в царствование Дария Гистаспа сатрап Каппадокии Ариарамн с тридцатью военными судами напал на побережье Скифии, чтобы захватить «мужчин и женщин». Он имел в этом успех. В 339 г. Филипп II, отец Александра Великого, вторгся в захваченную Атеем Добруджу и захватил будто бы много скота и 20 000 детей и женщин. С карательно-захватническими целями вторгались в Скифию полководец Александра Зопирион и один из диадохов (александровых полководцев-преемников) Лисимах Фракийский. Однако оба они потерпели поражение. Такие одиночные случайные вторжения, которые только отчасти имели целью захват рабов, не могли быть постоянным источником рабской силы. Геродот сообщает про большой, измеряемый сотнями, полон у скифов. Этот полон был, конечно, следствием частых столкновений с соседями — гетами, трибаллами, сарматами и меотами, а также, конечно, и с племенами лесостепи. Пополнялся он, конечно, и из подчиненных скифских племен. Рабы с именами скифов и других причерноморских племен встречаются в античных надписях со второй половины VI в. до н. э., но могли появиться и немного раньше. Их употребляли на разные работы. Они были среди гончаров и среди домашних слуг. Еще охотнее их использовали в качестве государственных рабов-стрелков. Афиняне после Саламинской битвы купили 300 таких стрелков, которые применялись, как полиция. Их казармы были устроены в виде шатров на одной из городских площадей. Со временем их число возросло и кроме скифов сюда вошли и другие стрелки, но ядро оставалось скифским. Скифских стрелков-рабов охотно посылали на войну. В 428 г. до н. э. митиленцы готовились отпасть от афинского союза и закупили на Понте таких стрелков. Их вывозили из Скифии еще в первой половине IV в. до н. э. Имена скифов-рабов исчезают из греческих надписей на рубеже III и II вв. до н. э.; на смену приходят сарматы и меоты. В это время резкого сокращения хлебной торговли боспорские купцы, по-видимому, усилили вывоз рабов; их добывали теперь в территориально близких к Пантикапею землях.

Скифских рабов покупали для себя и соседние греки. Число их в Пантикапее в конце концов настолько возросло, что в самом конце II в. до н. э. они под руководством Савмака, может быть, раба, воспитанного боспорским царем Перисадом, сумели-таки захватить на некоторый срок власть в свои руки. Полководец Митридата VI Диофант, как мы знаем, подавил это восстание.

Взамен большого вывоза в Скифию и через нее на глубинные территории шли продукты и изделия греческого ремесла. Часть импорта поступала из-за моря, часть из мастерских Ольвии, Боспора и других городов Северного Причерноморья. За все время истории скифов состав предметов импорта оставался довольно постоянным. Еще до колонизации стало ввозиться вино. Тысячи фрагментов больших греческих амфор, в которых привозили этот товар, находят при раскопках городищ, сотни целых, особенно из курганов, хранятся в наших музеях. Скифы быстро приобрели вкус к вину. Их умение пить и шумно веселиться вошло у греков в пословицу. Поэт второй половины VI в. до н. э. Анакреонт уже хорошо знал эту манеру:

Ну, друзья, не будем больше
С таким шумом и ораньем
Подражать попойке скифской
За вином, а будем тихо
Пить под звуки славных гимнов.

Если грек хотел на банкете пить, вопреки обычаям, чистое, неразведенное водой вино, он обращался к рабу с возгласом: «Подскифы!», т. е. «Налей чистого вина». В Скифию в таких же амфорах шло оливковое масло; но источники о нем сообщают мало, может быть, потому, что его ввоз в этом направлении был второстепенным.

Вино ввозилось главным образом с островов Эгейского моря, а именно: с Хиоса, Коса, Фасоса, Родоса и других; из Малой Азии сюда шло вино Синопы и Гераклеи, городов северного побережья этого полуострова. Масло, как можно судить по клеймам на амфорах, шло с острова Самоса и из той же Синопы. Шло оно и из других центров, например из Милета, славившегося этим товаром, но его амфоры не клеймились и неизвестны по виду. Сохранилась надпись начала II в. до н. э. из Афин, в которой говорится о богатом экспортере оливкового масла на Понт, гражданине этого прославленного в древности города. Сами греческие города Северного Причерноморья не культивировали его. Они его в основном и потребляли. Однако известны находки амфор из-под этого масла в Скифии. Боспор и Херсонес разводили виноград и делали вино. Их амфоры хорошо известны в степи, которая, следовательно, пользовалась этими винами.

Со времени греческой колонизации в степь и лесостепь сильно увеличился ввоз столовой глиняной посуды, непосредственно связанной с употреблением вина. Встречаются сосуды туалетного назначения для благовоний и притираний. Так как спирт не был известен, то духов в нашем смысле слова не было. Этот товар весь был в виде мазей то жидких, то гуще. Он помещался в разной форме флаконах, носивших наименование арибаллов, лекифов, алабастров и амфорисков. Те же сосуды изготовлялись еще и из цветного стекла. Но туалетных сосудов много меньше, чем столовых — для вина. Сосуды эти, чем дальше от греческих городов, тем реже. В погребениях рядового населения степей около Ольвии и в самых низовьях Днепра они сопровождают почти каждого покойника. Но уже в окрестностях Никополя на сотню курганов известно 2—3 греческих сосуда. Что касается амфор — их фрагментов много и в курганах, и на огромном Каменском городище. Далее на север их число все более падает. Другое дело — курганы аристократического слоя: в каждом из них есть и амфоры, и килики, и канфары (высокие двуручные кубки) и т. п.

Шли в далекую степь и ткани, и одежда. Об этом сообщают греческие писатели. Но сами ткани, и это понятно, почти отсутствуют в археологических коллекциях.

В VI столетии до н. э. Ольвия уже прочно обосновалась на северо-западном украинском побережье. Много ее товаров встречается по Бугу и Днепру вплоть до Киевщины и Полтавщины. Она доставляла вино с острова Хиоса и из других мест Греции. Ионийская, родосская, самосская, коринфская и аттическая посуда шла сюда в большом числе. Зеркала в ионийском стиле, стеклянные и пастовые бусы, красивые серьги и другие украшения тех же образцов, что и в самой Ольвии, встречаются повсеместно в скифском Побужье и Приднепровье. Торговое влияние Ольвии в VI и V вв. до н. э. распространяется очень далеко. Ее изделия доходят до северных границ Украины, а отдельные вещи ольвийского ремесла попадают под Астраханью, Куйбышевом, Бузулуком и Орском. Известно несколько зеркал с Волги и Урала собственно ольвийской работы. Попадали они туда по известному уже читателю торговому пути от Ольвии на северо-восток.

Уже на рубеже VI и V вв. до н. э. началась конкуренция с Ольвией со стороны других городов, особенно тех, в дальнейшем, которые в конце V и начале IV в. до н. э. объединились в Восточном Крыму в сильное Боспорское царство. Со скифами в торговле во второй половине VI в. до н. э. стали состязаться донские меоты через упомянутый город, у станицы Елисаветовской в устье Дона. В состав его курганный группы входят большие и очень богатые курганы меотской знати, ничем не беднее курганов настоящих скифов, вроде Чертомлыцкого и т. п. Через этот город товары Боспорского

царства шли вверх по Дону, до курганов воронежских будинов. Геродот упоминает еще на побережье Азовского моря в области царских скифов греческий торговый город Кремы. В раннюю эпоху господство Ольвии в этом деле несомненно. Торговый караванный путь скифских купцов от нее вел не только на Волгу. Проторенный военными набегами VII в. до н. э., он поворачивал также на Кавказ. Ольвийские зеркала, сделанные на вкус степного потребителя, в «зверином» стиле, попадают на Северном Кавказе, особенно в районе Пятигорья. Об этом ответвлении торгового пути на Кавказ сообщает автор IV в. до н. э. псевдо-Скилак. Его описание через триста с лишком лет повторяет Страбон.

Благополучие Боспора базировалось на экспорте хлеба, и он старался, расширив свои владения, сосредоточить в своих руках этот вид торговли. Во вкусах скифской аристократии чеканщики Пантикапея изготавливали драгоценное оружие туземных типов, оправленное в отлично выработанное золото, и золотые и серебряные сосуды туземных и греческих образцов. Уже в IV в. до н. э. первоклассные боспорские изделия достигли Воронежа. В это самое время, как выразительно свидетельствуют археологические памятники степных Заволжья и Приуралья, туда почти совсем перестали доходить греческие товары из причерноморских портов, их заменили товары Средней Азии, Хорезма и Парфии. Интересы Боспора расширялись не в ту сторону: она тогда была бесхлебна. Экспансия боспорской торговли по Дону прервала и торговлю Ольвии до Урала. Только когда заволжские сарматы распространились через Дон в приазовские степи и к концу II века заняли их до Днепра, сухопутная торговая дорога, но уже с Боспора, вновь обрела свою жизнь; во II — I вв. до н. э. всевозможные греческие изделия снова пошли в заволжскую степь.

Интересы Боспора не могли ограничиваться вывозом хлеба только из восточной Скифии. Этот вывоз был очень велик. Совершенно ясно, что Боспор наложил свою руку и на приднепровскую Скифию, и на ее лесостепных соседей-невров и будинов. В курганах нижнего степного, т. е. собственно скифского, Приднепровья, особенно в Днепропетровской и Запорожской областях, найдены роскошные произведения боспорских мастеров. В величественных погребениях этого времени, принадлежавших скифским царям и аристократии, полно такого импорта. А дешевые греческие изделия попадали в руки рядовых скифских общинников.

В кургане Солоха на земле с. Знаменки на Днепре, против Никополя, всего в 18 км от Каменского городища, найдена драгоценная посуда из золота и серебра, золотой гребень (табл. III, IV) с изображением сражающихся скифов, серебряный горит (налучье) с боевой сценой, может быть, изображающей известную легенду о восстании молодых рабов.

В Чертомлыцком кургане под Никополем в числе других ценностей найдена серебряная уникальная ваза с чудесным рельефным фризом, который изображает скифский кочевой быт: скифы среди конского табуна (табл. I). Тонкое знакомство с подробностями такого быта, с костюмом и оружием во всех упомянутых изделиях выдает руку причерноморского мастера. Распространение подобных вещей, кроме Скифии и земель невров и будинов, только на территории Боспорского царства не позволяет видеть в них работы иных мастеров, как только боспорских, специально пантикапейских. В обычных курганах простых скифских общинников и сходных по культуре лесостепных племен среди разных предметов греческого ввоза попадает чернота глиняная посуда боспорских мастерских. Среди очень редко встречающихся в Скифии греческих монет попадают чаще всего пантикапейские. Они от IV и III вв. до н. э. в некотором числе есть на Каменском городище против Никополя. Севернее известны две золотые боспорские монеты IV в. до н. э., использованные как вставки-печати в перстнях в одном кургане у села Рыжановки Киевской области, да одна — боспорская же — медная монета III века до н. э. с Бельского городища Полтавской области.

Мало-помалу Боспор стал самым влиятельным импортером в Скифию. Это не значит, конечно, что Ольвия окончательно утратила свою роль. Раскопки в ней показывают, что она и дальше вела интенсивную торговлю в западной Скифии и развивалась в выдающийся торговый порт. Как видно из ольвийской надписи в честь Протогена, относящейся к III в. до н. э., в Ольвии и тогда были крупные экспортеры хлеба. Но ее новый расцвет в это время объясняется тем, что она вошла в систему боспорской торговли, не вступив в его состав политически, возможно, вследствие своей отдаленности от Боспора. В ней найдено много пантикапейских монет этого времени, тогда как ольвийские монеты в Пантикапее и других городах Боспора начисто отсутствуют. Торговля Боспора подчинила себе ольвийскую, но в то же время частично способствовала ей. В круг этой торговли вошел и Херсонес, главным образом как экспортер своего вина. Этот вывоз шел, как можно судить по находкам клейм на херсонесских амфорах, с одной стороны, в Елисаветовском городище, а с другой стороны, в Ольвии, через эти важнейшие торговые гавани. Клейма Херсонеса встречены на Каменском городище, в Чертомлыцком кургане и в других местах.

С середины III в. до н. э. хлебный экспорт через Боспор снизился. Какие-то внутренние события и натиск сарматов на добрых полтора столетия ослабили это государство в политическом и экономическом отношении. Ольвия со второй половины III в. до н. э. снова стала торговать самостоятельно. Во II в. до н. э. развились по Бугу и Днепру на несколько десятков километров в глубь страны городки-фактории скифов, отчасти служившие для обороны против сарматов. На Каменском городище против Никополя найдено много вещей, импорт которых через Ольвию еще в III в. до н. э. не вызывает сомнения, а также ольвийских монет III в. до н. э., в том числе один небольшой их клад. Новое самостоятельное существование Ольвии продолжалось недолго. В середине I в. до н. э. геты, фракийское племя, объединили всю Фракию под начальством царя Биребисты, перешли Дунай, взяли и сожгли Ольвию. Город перестал существовать. Соседние скифы, привыкшие через этот эмпорий получать греческие и вывозить свои товары, уговорили разбежавшихся ольвиополитов вернуться на родное пепелище и восстановить город. Так и было сделано. Ольвия заняла только небольшую часть старой городской территории и никогда больше не достигла своего прежнего значения.

В результате развития торговли с Боспором и Ольвией в IV в. до н. э. сильно возрастают богатства скифской аристократии, особенно на Нижнем Днепре. Но и скифские племена лесостепи и северо-западного Кавказа мало от них отстают. У Никополя на обоих берегах расположены мощные царские курганы с их золотым инвентарем. Тут же лежит на левом берегу Днепра самое большое из скифских степных городищ того времени около с. Каменка Днепроvская, уже знакомое читателю. Оно существовало с конца V по конец III в. до н. э. Это был не только административный, промышленный, но и торговый центр степных скифских племен.

В глубь страны товары переправлялись разными способами. Можно, думается, не сомневаться в том, что греческие купцы на своих кораблях с товарами плавали вверх по главным украинским рекам. Древние писатели отмечают хороший фарватер Днестра. По Бугу греки достигали границ племен алазонов и пахарей, где в эту реку впадал горько-солёный ручей. Описанное место было недалеко от начала лимана, где-нибудь у Николаева: выше воды Буга пресны. Геродот сам там побывал и видел бронзовый котел царя Арианта. Есть одно свидетельство о том, что уже в начале VI в. до н. э. греческие купцы плавали даже выше этого места — до Немировского городища в Винницкой области, т. е. почти на 300 км от Ольвии. На этом поселении был найден местный столовый сосуд с процарапанной застольной надписью по-гречески, которую не мог сделать в столь раннее время ни один туземец. Геродот указывает место, до которого по Днепру плавали суда и до которого его знали греки. Скорее всего это переправа у Каменского городища, где до образования Каховского моря были постоянные, трудно проходимые для судов

мели. Тут-то и возникло Каменское городище, конечно, отчасти как перевалочный пункт греческих товаров на более легкие скифские челны. Длина Днепра вымерена у Геродота числом дней плавания. Страбон просто говорит о протяженности судоходной части Днепра, хотя его цифра явно мала и условна. К тому же его сведения о Борисфене вообще не совсем точны. Существовали и сухопутные способы сношений. На городище Ольвии сохранились следы улиц, выходящих в степь в разные стороны. Одна из них и сейчас продолжается вверх вдоль Бугского лимана до Николаева. Это, конечно, та самая дорога, которой Геродот ехал в Эксампей.

О торговом пути скифских купцов за Дон и далее через степи савроматов и леса будинов куда-то к Уралу уже не раз упоминалось. За пределами этого пути жили-де люди с козьими ногами и люди, спящие по полгода. Дальний конец этого пути отмечен находками зеркал ольвийской работы с фигуркой барса или с бараньей головкой на конце ручки, изготовленными в скифском «зверином» стиле греками-литейщиками. Отдельные вещи и подражания им в поднепровско-ольвийском духе встречены в могильниках и на городках племен, живших по Каме в VII — III вв. до н. э. Открытая на них археологами материальная культура по месту открытия первого могильника у деревни Ананьино близ города Елабуги названа ананьинской. В вещах «звериного» стиля и в оружии этих племен обнаруживается значительное влияние приднепровской Скифии. Геродот знал только о скифских купцах, ходивших в эти края, конечно, караванами. Только от скифов был известен этот путь и живущие вдоль него племена и народы. Неясный рассказ про гелонов, которые жили в стране будинов и будто бы происходили от греческих купцов, а также рассказ про Аристия, поэта VII или VI вв. до н. э., который якобы проник до самого дальнего на этом пути народа — исседонов, были, может быть, отдельными попытками или случайными проникновениями греков при скифских караванах по этому торговому пути. Однако неполная осведомленность Геродота и всех позднейших античных авторов в правильной географии земель за Танаисом-Доном, а тем более самое смутное понятие о Волге, которая окончательно стала известна только со времен Клавдия Птолемея, знаменитого астронома и географа II в. н. э., не позволяет видеть хоть какого-нибудь постоянства в путешествиях туда греческих купцов. Может быть, такие попытки прекратились задолго до Геродота, так как его сведения об этом только пересказы. Фантастические рассказы о краях за землей аргишпеев — возможное следствие того, что дальние племена старались напугать скифских купцов, а эти последние — греческих, чтобы сохранить только для себя торговые выгоды.

Скифия так и не приняла, как говорилось, греческой монеты для внутреннего обращения. Десятка два-три медных монет Ольвии, Боспора, Тиры, македонских царей Филиппа II и Александра Великого и некоторых случайных городов собственной Греции, найденных на Каменском городище, неизвестны ни вкладах, ни в курганах внутри страны. Они, очевидно, назначались для обращения с заезжими греками и греков с местными мастерами и мелкими торговцами, не проникая в толщу трудового туземного населения. Такой же была, конечно, и медь Скилура, не проникавшая далее ближайших окрестностей Ольвии и самой Ольвии, чеканившаяся на ее монетном дворе. Ее, может быть, уплачивали мелким производителям хлеба из миксэллинов, а они тратили ее на мелочном ольвийском рынке. Но, как видно, большой нужды в ней не было: собственная ольвийская медь с успехом с ней конкурировала. Затея Скилура исчезла с ним самим. Очень вероятно, что скот, особенно кони и быки, служил основным мерилем ценности товара, как это было у гомеровских греков, у римлян и у других народов. Он определенно служил товаром, как хлеб и рабы, и, может быть, мерилем обмена при внешней торговле. Он может быть тем же и для внутреннего оптового обмена. Как видно из хранящихся в скифских курганах золотой, серебряной и бронзовой ценной утвари и других предметов, скифы-аристократы постигли вполне ценность этих

металлов, но копили их и хранили преимущественно в утвари пиршественного назначения. Так, еще в недавнее время в Индокитае и на Зондских островах богачи — феодалы и купцы накапливали сокровища в виде многих тысяч медных гонгов и барабанов.

У многих народов Центральной Африки монетой служат или настоящие или символические наконечники копий из железа без сколько-нибудь точного веса: гарантия их стоимости — целость их острия и черешка. Может быть, разменной монетой служили у скифов бронзовые наконечники стрел, как железные дротики в недавней Африке. И в расхожем колчане их число достигало сотни, а в богатых погребениях их находят иногда целыми мешками по 500, 600 и более штук (в кургане Солоха, в одном из курганов у с. Петуховки близ Ольвии, в богатом кургане около Елисаветовской станции на Дону более 90, у с. Дарьевки на р. Роси и в других). Склонность к накоплению стрел здесь налицо. Стрелы ходили и целиком с древком, как видно по этим огромным кошелам. Наконечник и без древка мог служить монетой: вспомним, как царь Ариант, исчисляя своих воинов, собрал с каждого по наконечнику (по-гречески «ардис») и воздвиг из них огромный котел. Здесь и первичный налог, и превращение его в обычное сокровище-накопление. Прибавочный продукт попадал в руки аристократии и царской династии в таком количестве, что любые сокровища могли идти за хозяином на тот свет или, как в этом случае, посвящаться богам.

С конца VII века до н. э. скифские лук и стрелы распространились из наших степей на всю Фракию и по Дунаю до страны нориков, современной нам Австрии: основные образцы стрел в известном тамошнем Гальштаттском могильнике VI — V вв. до н. э. — скифские. Во Фракии на рубеже VI и V вв. до н. э. стали распространяться в качестве монет отлитые в форме скифских плоских наконечников символические бронзовые стрелки. Оттуда они проникли, как вторичные, на остров Березань, а отсюда в самом малом числе на территорию Ольвии и на близкое к ней побережье. Однако в глубь скифских краев этот тип символических монет-стрелок не проник. Он так и застрял на побережье. Да и в ближайших окрестностях Ольвии действующие стрелы-монеты сохраняли свое хождение. В кургане у Петуховки как раз того же времени найден колчан-кошель более чем с 350 стрелами. За пределы самой Скифии это обращение распространилось еще в первой половине V в.: таков курган близ Дарьевки на р. Роси в стране невров; в нем, при большом количестве золота, найдено 400 стрел в особом мешке. Обычно колчан включает у рядового воина от 60 до 200 стрел. Он был, как видно, кошельком для покупки мелочей на любом греческом рынке или на своем скифском. Он же служил для последней расплаты со смертельным врагом.

Но любой скиф или живший скифским бытом невр, будин или меот понимали стоимость золота: недаром почти все раскопанные «царские» курганы ограблены.

С I — II вв. н. э. на сократившемся до размеров акрополя Каменском городище попадаются серебряные римские монеты. Их тоже очень немного. Значит, они имели небольшое хождение в повседневном быту. Но попадают в степи их клады. Через степь они идут в руки лесостепной аристократии, главных контрагентов греко-римских купцов. Торговля еще глубже проникла и в скифское общество и к его соседям. Все больше она разрушала первобытнообщинные и первичные государственные примитивно-рабовладельческие отношения у скифов, сарматов, меотов и их северных соседей.

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОГО БЫТА СКИФОВ.

ПАМЯТНИКИ У ДНЕПРОВСКИХ ПОРОГОВ.

СКИФЫ В КРЫМУ. ТАВРЫ

Геродот знал скифов, охарактеризовал их политическое и этническое единство, описал воинственные нравы и попутно сообщил о ряде соседних с ними народов, этнически нескифских, иных по языку, но сходных с ними по образу жизни и обычаям. Позднейшие писатели или повторяли его сведения, или примешивали сведения об этих народах к более новым данным.

Археологи долго изучали памятники лесостепных и степных народов скифского времени суммарно, не отделяя их памятники от скифских. Намечались местные различия в материальной культуре, но все же весь очень сходный материал объединялся под одним понятием скифской культуры. Уже

в предыдущих главах, знакомясь с социально-политическим строем скифов и их хозяйством, приходилось упоминать о некоторых сходных чертах и об участии в торговле лесостепных племен. К концу 40-х годов XX в. накопилось много археологических данных, позволяющих определить признаки, специфические для скифов причерноморских степей, для меотов Прикубанья, для территории среднеднепровского Правобережья, где мы склонны помещать неуров, и для такого же левобережья, где, вероятно, жили будины и гелоны. Оружие, конское снаряжение, так называемый «звериный» стиль, кое-какая металлическая и иная утварь, а также орудия труда, отчасти костюм и некоторые украшения на всех этих территориях сходны почти в мельчайших деталях.

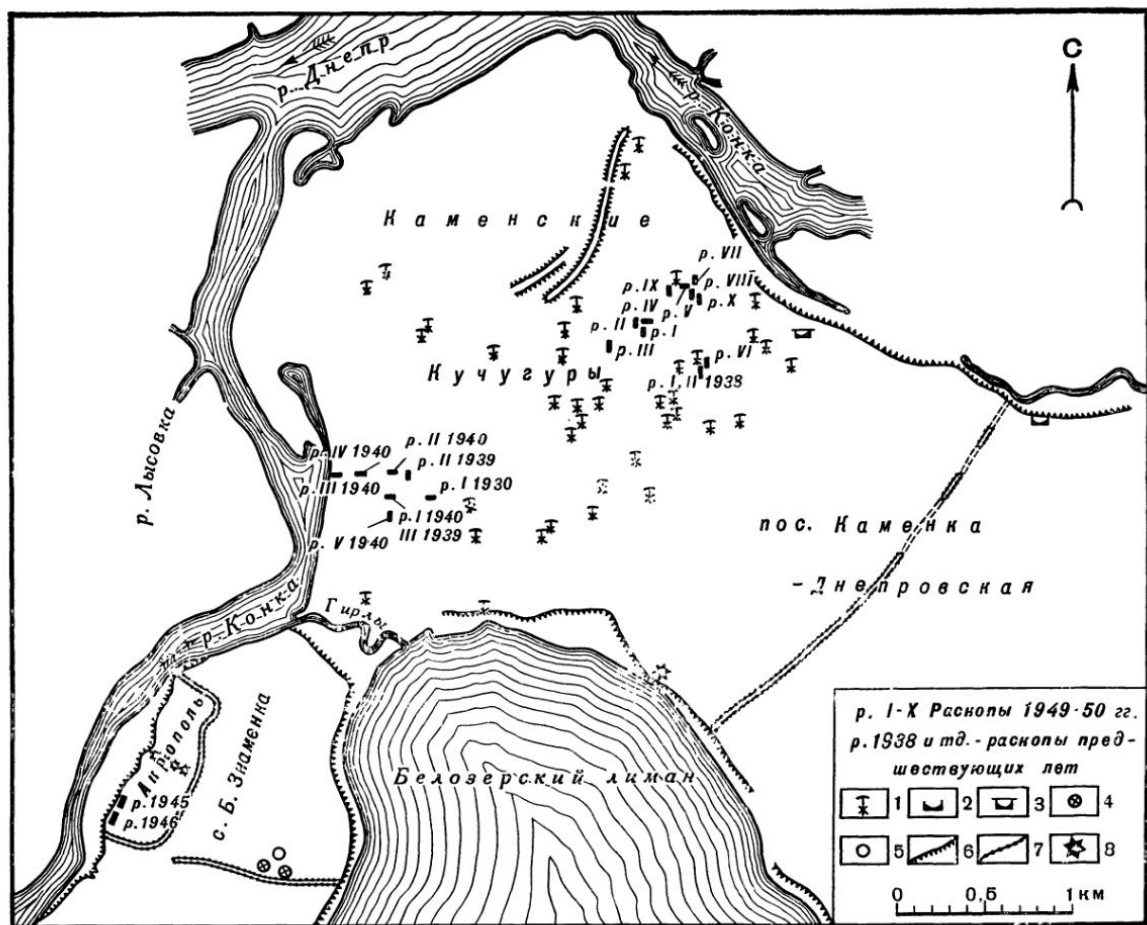
Это и есть то общее для скифов и соседних народов, что с полным правом объединяется как скифское в быту их всех. Но в поселениях и жилищах, в посуде из глины и в некоторых украшениях, а особенно в погребальных сооружениях и обрядах есть специфические отличия по областям, намеченным в науке как территории этих народов. С ними мы и познакомимся в этой главе.

Скифы в собственном смысле слова, самоназвание которых сколоты, — обитатели степей. В их стране еще во время Геродота не было городов. Отец истории объяснял это их преимущественно кочевым образом жизни. Возможно, что и земледельческие племена степного Побужья и Поднепровья были полукочевыми. Их поселения практически почти неизвестны: чаще всего это — ничтожный след на местах более древних поселений племен срубной культуры. Немного своей керамики и обломки греческих амфор — вот и все. Лишь по Бугскому лиману есть несколько поселений с каменными постройками у Широкой Балки, у Закисовой Балки, у Дидовой Хаты, у Варваровки около Николаева. На поселениях у Широкой Балки есть небольшие землянки размерами 2,5—4 м в длину, 2,3—3,6 м в ширину, если они четырехугольные; если круглые, то 3—3,5 м в диаметре.

Пола — глинобитные, ступенчатые входы с узкой стороны. Отопление — простые глинобитные очаги. Есть одна печь, может быть, для просушки зерна. Мы уже упоминали об этом поселении, расположенном чуть ниже Ольвии, в связи с находкой в нем хлебных зерен. Возникнув в VII в. до н. э., это поселение приобрело затем каменные постройки и после VI в. до н. э. совершенно эллинизилось. Местная посуда лишь кухонная, остальное — греческое. Таковы же и остальные поселения выше Ольвии. Преобладающий тип построек — каменные длинные дома, разделенные на несколько комнат. Этот тип существовал потом и на более поздних городищах по Нижнему Днепру. Побужские поселения следует, вероятно, считать принадлежащими эллинам-скифам Геродота, позднее называвшимся миксэллинами. Земледельческий характер этих городков особенно хорошо выражен в открытом поселении у Варваровки на окраине Николаева. Там были обнаружены П. Н. Шульцем обширные колоколовидно расширяющиеся книзу с крутой горловиной греческого образца ямы для хранения зерна. Но и эти городки во время Геродота еще не были укреплены.

На Нижнем Днепре известно несколько неукрепленных поселений с очень слабыми остатками жизни скифского времени, т. е. VI — III вв. до н. э. Только на рубеже V и IV вв. до н. э. здесь возникли два города. Один у Белозерского лимана под Херсоном. Он занимает несколько сот гектаров, но почти не изучен, да и мало доступен изучению, так как покрыт виноградниками. Грандиозно знакомое читателю Каменское городище. Площадь его около 12 км². Впрочем, ныне его северная часть после тщательного предварительного изучения покрыта водами Каховского моря. Городище находится прямо напротив Никополя, на левом берегу Днепра. Значительная часть этого не известного нам по имени города располагалась на теперешней дюнной молочайной степи, на так называемых Каменских Кучугурах. Почти со всех сторон этот город был защищен крутыми берегами Днепра, Конки и большого Белого озера (иначе тоже Белозерского лимана), образуемого речкой Белозеркой перед впадением ее в Конку. На востоке и юго-западе оно выходит в открытую степь, со стороны которой было укреплено земляными валами, теперь почти разрушившимися. Между этими валами и заселенной частью Кучугур пустое пространство шириной от 800 до 1200 м, может быть, для загона скота и защиты деревянных построек от зажигательных стрел.

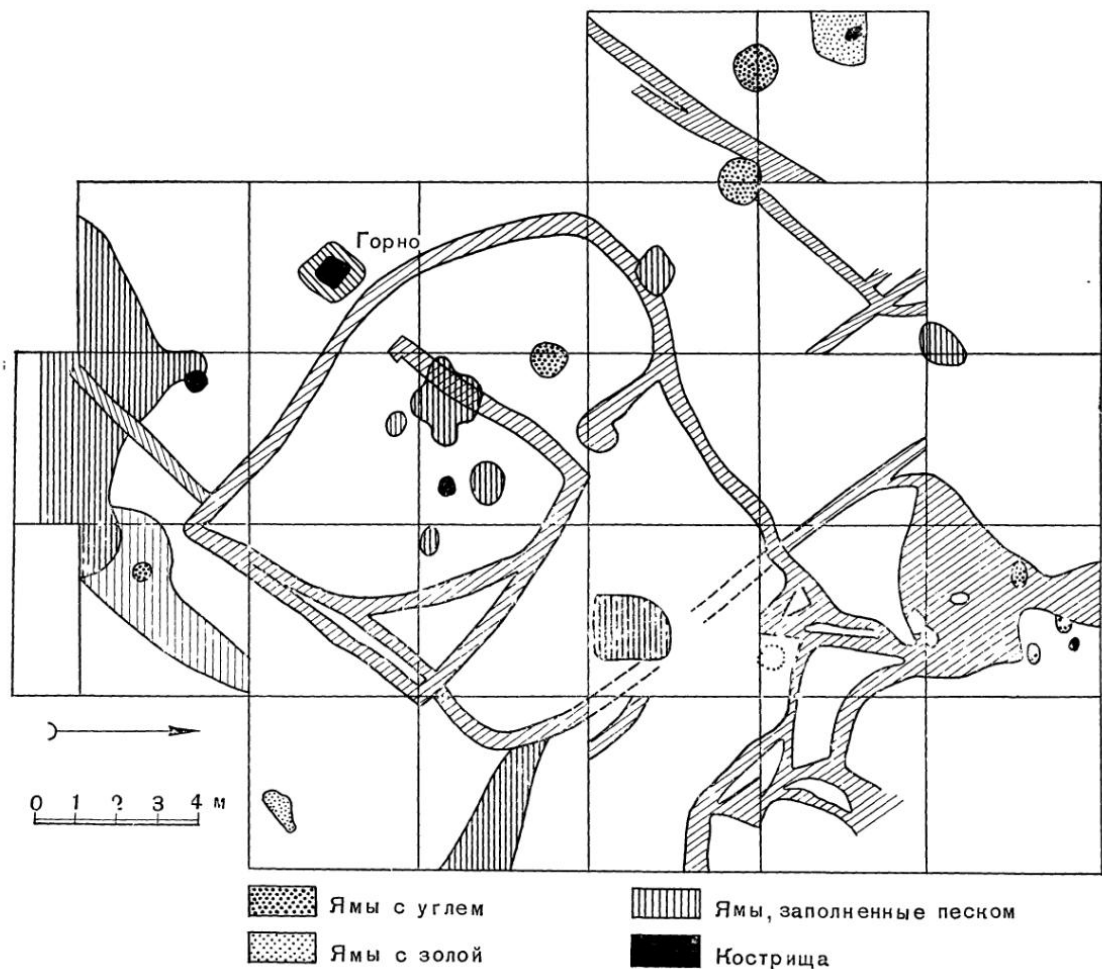
В юго-западной части городища к внешнему валу над обрывистым берегом Конки примыкает дополнительное укрепление, вероятно, аристократическая часть города и, несомненно, его своеобразный акрополь. Его вал был сверху дополнен стеной из сырового кирпича. Середина окружена каменной стеной из двух блоковых панцирей,

План Каменского городища;

забутованных в промежутке рваным камнем. На городище обнаружено несколько типов деревянных жилых домов. Один тип — овальное или неправильно четырехугольное помещение, окруженное боковыми пристройками. Другой тип — близкое к четырехугольнику здание с округлыми углами, в 2—3 комнаты, расположенные в ряд по меридиану или широте. Вход делался чаще с южной стороны. В северной или средней комнате помещался глинобитный очаг, плоский или круглый. Двускатная крыша покоилась на столбах, шедших по длинной оси жилища. Площадь таких домов от 40 до 150 м². Стены зданий делались из вертикально врытых в землю бревен, может быть, завешивавшихся внутри кошмами. Кроме таких домов имелись четырехугольные землянки, также разделенные на комнаты, с углубленным двориком перед ними.

Вокруг жилищ первых типов и во двориках землянок обнаружены всевозможные остатки от варки руды, кузнечного и бронзолитейного мастерства, подсобных сооружений для ремесленных работ. Здесь патриархальные семьи занимались своим основным ремеслом. Иногда такой производственный коллектив жил в нескольких домах (пока известно от двух до пяти); один раз, как уже сказано, обнаружен храмик домашнего огня, а вокруг него четыре больших дома. На акрополе Каменского городища,

План остатков жилища

занимавшем площадь около 30 га, сохранились остатки каменных построек в виде отдельных плит и вымосток. Керамика и другие находки на городище представлены такими же вещами, что и в курганах этого времени и на других поселениях. Греческий импорт — амфоры, чернолаковые сосуды, украшения. На акрополе — обломки краснофигурных сосудов, в частности одного кратера (чаша для подачи вина на стол и смешения его с водой).

Около конца III или начала II в. до н. э. огромное Каменское городище прекратило свое существование. Оно ограничивалось с тех пор площадью одного только акрополя. Вниз от него по Нижнему Днепру, у всех переправ на левом и правом берегах его, возникло до полутора десятка городищ вплоть до Днепровского лимана. Подобные городища распространены далее на запад до Днестра по лиманам и побережью, как раз в пределах сохранившегося царства, к концу II века сжатого сарматами с востока, а потом и с запада. Эти городки живут в общем до начала III в. н. э. Они, вероятно, погибли после вторжения северных племен, например готов. Городки были укреплены,

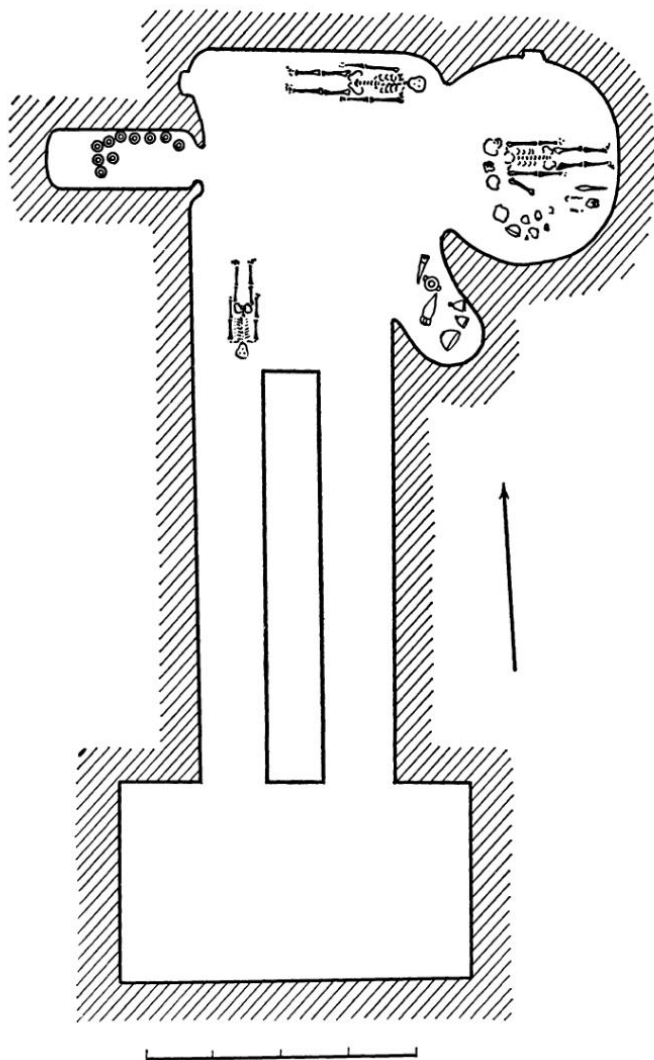
вероятно, против сарматов в первую голову для защиты днепровских городов и переправ, то земляными валами, то каменными или сырцовыми стенами. Иногда с одного бока или внутри у них был акрополь. Жилища строились из камня: стены клались из рваного камня-известняка. Вместо цемента применялась глина. Это были дома в 3—4 комнаты в ряд, длинные и узкие, с ящиками-закромами или с каменными ступами по углам. Их каменные прототипы — умиксэллинов IV — III вв. до н. э., деревянные — на Каменском городище. Кроме того, бывали такие же дома в виде прямоугольника разных размеров, с разными пристройками, по типу некоторых домов с Каменских Кучугур. Иногда часть домов была из плетня, обмазывавшегося толстым слоем глины с половой и соломой. Жернова разных типов, ступы и закрома — показатели дальнейшего развития земледелия. Керамика в основном развивается из старых форм посуды Каменского городища. К ней примешивается немного типов гетской придунайской посуды. Наблюдается большая эллинизация быта и тенденции к сношениям с Западом.

В примыкающих к ним бескурганых могильниках большей частью применяются формы скифских могильных сооружений, иногда сарматских. Оружие, украшения и туалетные принадлежности обычно бывают сарматских типов. Но в керамике сарматское влияние незначительно. Сарматы, передвигаясь с востока на запад, принимали местные формы простой посуды, сохраняя в ней только немного своего. Античный импорт более всего составляют амфоры поздних типов и краснолаковая посуда вместо чернолаковой. Этот облик изменившейся по-своему позднейшей скифской материальной культуры относится ко времени господства сарматов, к эпохе со времени Скилура и подробнее рассматриваться нами не будет.

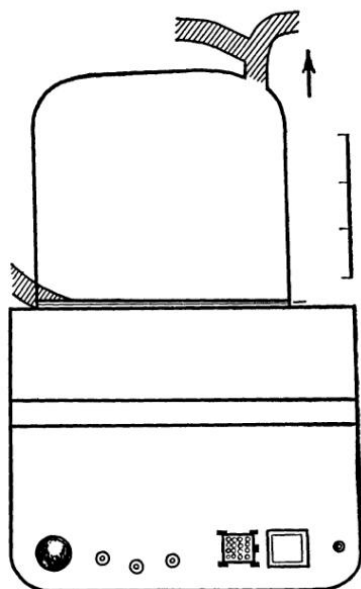
В собственно же скифское время, т. е. в VII — III вв. до н. э., скифская материальная культура степи составлялась именно из тех форм вещей, которые потому и получили название скифских, что бывали в скифской среде и распространились оттуда на север в иноплеменную лесостепь. Основным ее отличием является глиняная посуда, с которой читатель уже знаком.

Зато отличны погребальные сооружения и обряды. Сначала это были впускные в более древние курганы ямы, часто не достигавшие подошвы кургана. Они перекрывались деревом и в общем совершенно повторяли сооружения и обряд IX — VIII вв. до н. э. Только стало мало скорченных костяков. Они по большей части вытянуты, лежат головой на запад или восток, но сопровождаются обычным вполне «скифским» набором вещей. Этот тип могил сохраняется до V в. включительно. Впрочем, откуда-то начинают проникать с VI в. единичные погребальные сооружения в виде небольших подземных камер или подбоев, так называемых катакомб под северной стенкой входной ямы. Несмотря на несомненную значительную заселенность степей в это время, как об этом свидетельствуют Геродот и другие авторы, в разных курганах известно не больше двух десятков скифских погребений VII — V вв. до н. э. Это отчасти дело археологической случайности, отчасти, может быть, обычай хоронить покойников в разных местах без сосредоточения в одном месте. С V в. до н. э., во всяком случае со второй его половины, известно несколько курганных групп, в которых курганы насыпались специально для скифских покойников и включали по несколько десятков насыпей. Ямы с перекрытием становятся редки, от Днестра до города Бердянска решительно преобладают подбой или подземные камеры-«катакомбы». Эти катакомбы и подбои, достаточно обширные, чтобы вместить покойника с его инвентарем, расположены обычно по широте, под северной или южной стенкой входной ямы. Иногда вместо входной ямы — узкий ступенчатый спуск — «дромос» к середине стенки катакомбы. Порой «дромос» подходит к узкой и длинной катакомбе с запада или с востока так, что покойник лежит к нему головой или ногами.

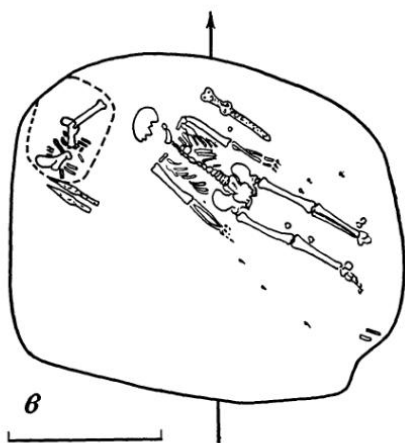
Вообще, вытянутое положение покойника головой на запад или восток — основной тип ритуала, причем ориентация покойника обычно западная или восточная более

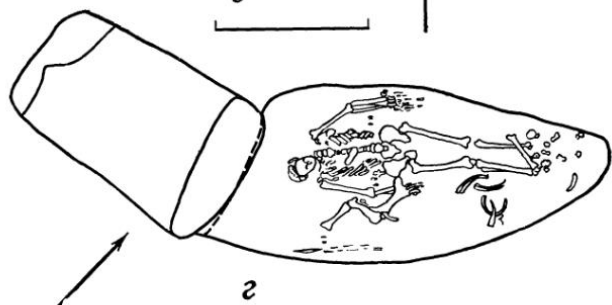
a

б

в

г

a — план центральной катакомбы кургана Солоха; *б* — план боковой катакомбы того же кургана; *в* — план катакомбы рядового скифского воина из окрестностей г. Никополя, раскопки 1937 г.; *г* — то же, из раскопок 1961 г. у кургана Солоха

или менее характерна для каждой данной курганной группы. Наиболее значительны по числу насыпей курганные группы у села Петуховки близ Очакова, к западу от города Никополя, у села Кут того же района и вокруг «царского» кургана Солоха в 18 км от Каменского городища на земле села Знаменки. Вновь и вновь они продолжают открываться. Есть один тип могил, обычный на Днестре под Тирасполем, при котором все то же — и обряд и устройство могил, но покойник лежит головой на север. В других группах этот вариант или вовсе отсутствует, или составляет очень небольшую примесь: вероятно, это иноплеменный приемши в роды Приднепровья. В курганах остатки поминания покойника: кости животных, съеденных на тризне, обломки амфор от вина и местной посуды. С самим покойником — у мужчины снаряжение воина: меч, копья (обычно два), у левого бедра пучок стрел (до сотни и двухсот); луки не сохранились. Вместо целого коня обычно сопровождает хозяина часть его туши в виде половины грудины с передней ногой без хребта на деревянном блюде, при этой пище — железный нож с костяной ручкой. Только в двух-трех случаях в насыпи погребены 2—3 коня. Женщина — с бусами, серьгами, веретеном, на которое надет грузик-пряслище. Ее сопровождает та же заупокойная пища: бок коня или коровы. Овцы клались нечасто и целыми тушками. Только изредка в могилах простого населения попадаются золотые серьги, такие же бусы, или золотые тонкие бляшки, которыми обшивался край одежды.

Сооружения и ритуал царских и аристократических курганов, по существу, те же, но в сравнении с курганами рядового населения в них все грандиозно, а инвентари роскошны. Если курганы рядовых общинников редко превышают в высоту метр, а в диаметре имеют 18—20 м, то курганы царей и аристократии достигают в высоту 10—20 м. Под краями насыпи клали каменное основание; самая насыпь сооружалась в два, иногда в три приема; порой ее основной конус делался из сырцовых комков и перестилался слоями тростника. Их подземные камеры-катакомбы, только осложненные образцы широтно расположенных катакомб рядовых воинов; они часто имеют подземный коридор от входной ямы, достигающей глубины до 10—18 м. Яма иногда засыпана камнем. В насыпях курганов — следы тризны: кроме костей животных, съеденных и сминавшими, и обломков амфор от выпитого греческого вина здесь утварь вроде котлов и жаровен, остатки сломанных погребальных колесниц, а именно: железные шины от колес, бронзовые навершья с изображениями зверей или божеств, снабженные погребушками или шариками в полости (они украшали дышла колесниц и погребальные балдахины), удила коней и их наборные узды, словом, все то, что сопровождало покойника до его загробного жилья и являлись частью процессии. В катакомбах — дополнительные камеры для слуг и тайники для роскошного инвентаря. Золото, серебро, бронза в виде роскошной пиршественной утвари, оружие в золоте вместе с простыми обиходными вещами, греческая чернолаковая посуда, столь редкая у рядовых членов общины, целые остовы жеребят, коров и баранов, в качестве заупокойной пищи, положенные в бронзовые котлы, — все это сопровождало покойников. Слуги и женщины, иногда со своими служанками, сопровождали царя в его загробный путь. В особых могилах или в подземных коридорах погребали коней в полной сбруе числом от 2 до 11; рядом в особых ямах — конюших со скребницами и путами, вооруженных, как подобало скифу-общиннику, луком и стрелами.

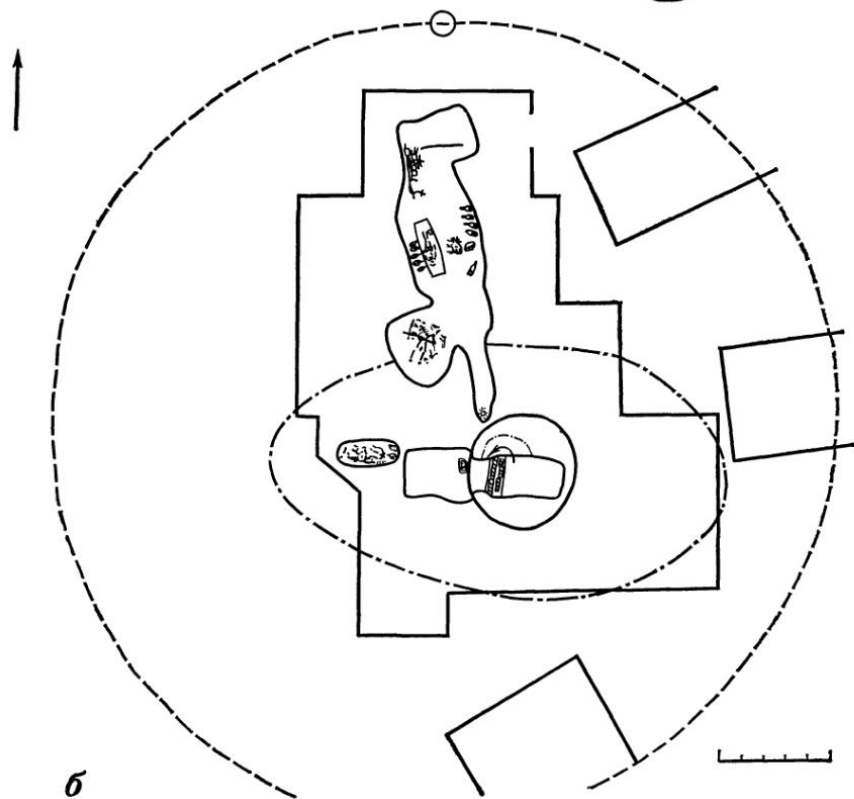
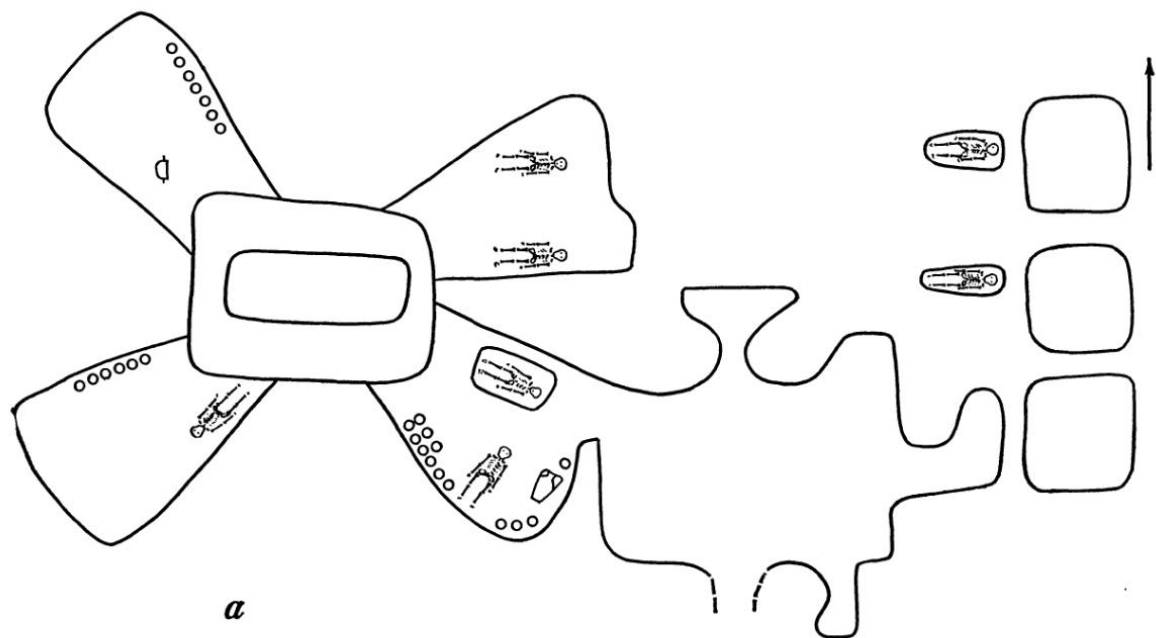
С 50-х годов прошлого века археологами раскопано около тридцати курганов с «царскими» погребениями. Раскопки их (и очень удачно) проводил сначала известный знаток русских древностей И. Е. Забелин, среди изученных им курганов особенно важен Чертомлыцкий. Затем они копались sporadически разными лицами. В 1911—1916 гг. их раскрывал Н. И. Веселовский, в том числе знаменитую Солоху. После Октябрьской революции несколько таких курганов в пятидесятых и шестидесятых годах вскрыл А. И. Тереножкин. Важнейший из них — Мелитопольский. Их территория

от станции Апостолово на западе до города Ногайска на востоке. Только один из них — да и тот вскрыт случайно в 1862 г. — относится к VI в. до н. э.; это Острая могила близ села Токмаковки в Никопольском районе. Здесь было впускное погребение скифского времени в кургане бронзового века, как это характерно и для многих погребений рядовых общинников того же времени. Среди находок из золота там есть золотая же обкладка ножен акинака ранней формы, с обратнoсердцевидной крестовиной и сердцевиным расширением нижней части ножен с двумя противолежащими друг другу изображениями львов-грифонов (т. е. крылатых львов), хвосты которых украшены орлиными головами.

Уже в первой четверти V в. до н. э., если не раньше, появились аристократические курганы, насыпанные специально для скифских военачальников над катакомбами обычного образца. Таков, например, курган Бабы, в котором найден котел скифского типа, но в архаическом ионийском стиле и сероглиняная пелика (широкобрюхая столовая ваза с высоким горлом и двумя вертикальными ручками) такого же раннего времени. Может быть, по примеру подобных аристократических курганов над катакомбами, к концу V в. этот обычай возобладали и у рядовых общинников — насыпать курган специально, а не пользоваться более древним и предпочитать камеры-катакомбы простым ямам.

К концу V и первой половине IV в. до н. э. относится упоминавшийся курган Солоха, имевший первоначально 18 м высоты и насыпавшийся дважды. Основная его могила в центре была ограблена. По бокам входной ямы были две параллельно ей по широте расположенные катакомбы, одна для утвари (см. рис. на стр. 65), другая для покойника, оказавшегося совершенно ограбленным. В первой находились типичный бронзовый котел, бронзовая четырехугольная решетка — тележка на четырех колесиках для жарения и развозки жареного мяса между сотрапезниками, деревянная миска с золотыми набивками, изображающими рыб, серебряный килик тридцатых годов V в. до н. э., глиняная очень типичная амфора того же времени и т. п. В другой катакомбе было несколько десятков золотых нашивных бляшек с одежды покойника, с изображениями двух геральдически поставленных сфинксов с одним общим лицом впрямь, грифонов с орлиными головами, сцены побратимства скифов, а также в виде пальметок, миниатюрных масок покойников и т. п. Около этой могилы находилась яма с погребением двух коней в золотых уздечных наборах: налобники в виде передних частей львиноголовых грифонов, нащечники в виде орлиных крыльев и наносники в виде стилизованных фигур рыб (табл. IV).

В юго-западном поле того же кургана находилась вторая катакомба (см. рис. на стр. 65), лишь случайно не подвергшаяся разграблению (грабительский лаз прошел в небольшом расстоянии от нее). Она представляет собой очень усложненный вариант обычной широтной катакомбы. От небольшого входного колодца на север шел длинный подземный коридор. В конце его обширная подземная комната с несколькими добавочными камерами. В преддверии главной камеры двое слуг — взрослый без вещей и отрок с бронзовыми стрелами у левого бедра и двумя железными копьями. Под ее северной стенкой головой на восток — оруженосец или телохранитель с колчаном стрел при железном мече и трех таких же копьях. В восточной стенке была особая, почти круглая катакомба и в ней главный покойник головой на запад. При нем (табл. IV) справа акинак в золотых ножнах с изображением сцен борьбы зверей. Рукоять имела навёршье в виде сжатой когтистой лапы орла с головой сайги на перекрестии, имеющем форму бабочки, сложившей крылья. Руки были в золотых браслетах. На шее — гривна из золота (ожерелье в виде обруча) с концами в виде львиных голов, тянущих за гордиев узел. В головах был греческий аттический шлем. Тут же золотой гребень для бороды с изображением схватки двух пеших скифов с конным (табл. III). У правой руки — бронзовый скипетр-шестопер. На плечах — сетка из золотых цилиндров, по четыре

а — план погребения в Чертомлыцком кургане; б — план Мелитопольского кургана, раскопанного в 1954 г.

на каждой ячейке, с зерновидными подвесками и нашитые на одежду золотые бляшки с изображением свернувшегося дикого козла. Вдоль правой же руки стояло семь бронзовых и серебряных чаш разных форм, чернолаковый килик и деревянный сосуд. На двух из серебряных сосудов — конные скифы охотятся на львов. Эта охота только кажется нереальной. В ту пору во Фракии еще водились львы. Скифские цари роднились с фракийскими, гостили у них и, конечно, могли принимать участие в львиной охоте. Покойного царя сопровождали стрелы с обычными бронзовыми наконечниками и еще ряд разных предметов. В особой камере стояло около десятка амфор для вина. В особом тайнике находилась роскошная золотая фиала (плоская чаша с полой выпуклостью в середине) с несколькими рядами быков, терзаемых львами. Здесь же лежал серебряный горит, на котором изображена схватка бородатых скифов с молодыми безбородыми воинами. Может быть, здесь изображена схватка молодых рабов со своими хозяевами, о которой повествует Геродот.

Не менее существенно ознакомиться с знаменитым Чертомлыцким курганом, раскопанным очень тщательно И. Е. Забелиным в 1862—1863 гг. у бывших Чертомлыцких хуторов, теперь село Чкалово, близ Никополя. Курган имел в высоту 21 м и в диаметре около 130 м. Он принес немало интереснейших вещей. В основании краев насыпи лежала мощная каменная крепида (подошва). Насыпь досыпалась не менее двух раз. Грандиозное сооружение покрыло собой небольшой курган бронзового века. На глубине 10 м находились остатки тризны. В нее кроме костей и обломков винных амфор и простых сосудов входило 220 пар железных конских удиц, при них золотые нащечники в виде крыльев и много бронзовых бляшек, обломки шин от колес, бронзовые навершия и многое другое. В центре была глубокая входная яма, во всех четырех углах которой косым крестом располагались узкие длинные катакомбы. В юго-восточной стояло несколько винных амфор и бронзовый обычный котел и висело несколько одежд в золоте. В северо-восточной — еще 6 амфор и при них лежал костяк с колчаном в 67 стрел с обычными наконечниками и множеством фигурных золотых бляшек, может быть, это сопровождающий царя в загробное путешествие виночерпий. В юго-западной катакомбе два костяка рядом головами на запад. Оба в золотых и серебряных украшениях, при мечах с золотыми рукоятками, украшенными слабо рельефными фигурами барсов и оленей и с колчанами, полными стрел. Это, конечно, слуги — товарищи, охрана царя.

В четвертой северо-западной катакомбе на особом ложе располагался головой на запад женский костяк, усыпанный золотыми бляшками, когда-то нашитыми на платье, и в головном уборе из золотых лент с растительным орнаментом и изображением борьбы зверей. Среди бляшек были изображения Геракла, борющегося со львом, сражающегося с грифоном скифа, скиф, пьющий из рога перед сидящей на троне богиней в длинных одеждах с зеркалом в руке. С боку от нее — костяк слуги или служанки, головой к хозяйке, в углу и вдоль противоположной стенки стояли 14 винных амфор. Именно здесь найдена знаменитая серебряная амфора, которая уже неоднократно упоминалась (табл. I). В ее горлышке ситечко для процеживания вина. На плечиках между ручек два грифона терзают оленя. Ниже идет опоясывающий фриз, где молодые скифы заняты в табуне. Они ловят коней арканами, учат их ложиться и т. д. В середине только что прискакавший воин спутывает коня. Корпус вазы покрыт растительными изображениями и фигурками голубей. Спереди поверх такого орнамента приделан носик в виде протомы крылатого коня Пегаса, а по бокам над ножкой еще два краника в виде львиных голов.

Эта камера служила коридором в главную камеру, где было разбросано множество золотых бляшек с изображениями, лежал золотой горит со сценой из мифов об Ахилле и обычные стрелы с медными остриями. В особой нише два меча с золотыми рукоятками (табл. II). У одного такие же изображения зверей, как были описаны выше, и золотые ножны со сценой борьбы греков с безбородыми варварами (ср. с табл. XXIII). Второй акп-

нак, по-видимому, иранской работы, имел наверху в виде голов комолых бычков и фигур скачущих за антилопами стрелков на охвате рукоятки. Здесь же находился золотой горит со стрелами, украшенный сценой из мифа о том, как Одиссей нашел молодого Ахиллеса, спрятанного в женской одежде своей матерью среди дочерей царя Ликомеда, чтобы тот не шел на Троянскую войну. Одевшись купцом, Одиссей предложил свои товары женщинам, но среди интересных для них товаров подsunул меч. Ахиллес схватил это оружие и таким образом был узнан. У северной стены стоял котел из бронзы с шестью вертикальными ручками в виде стоящих козлов. В нем лежал костяк теленка; в другом котле обычной формы — кости целого жеребенка. Кости человека были разбросаны. С севера шел грабительский лаз, но ограбление почему-то не удалось.

На запад от главной катакомбы в трех ямах лежало 11 коней в серебряных и золотых наборных уздечках и некоторые в седлах. Налобники-протомы львиноголовых грифонов, вырезные нащечники с выгравированными фигурами орлиноголовых грифонов с телом, переходящим в пальметки, остальные бляхи круглые без изображений. Удила и псалии обычные для этого времени. Деревянные седла по краям обиты золотыми лентами с волнами и завитками. Двое конюших со скребницами и колчанами стрел, оба в золотых украшениях, правда, простых, каждый в особой яме были положены служить при этих конях.

В 1954 г. был раскопан А. И. Тереножкиным курган на территории города Мелитополя. Он был не очень велик — около шести метров в высоту, при диаметре около 40 м. Холм насыпался дважды (см. рис. на стр. 68). Нижняя часть состояла из слоев глиняных вальков, проложенных слоями тростника, верхняя из земли. Центральная могила — в катакомбе на глубине 12 м. Поперек входа лежал семилетний слуга-мальчик без вещей. Катакомба была совершенно ограблена: по дну ее были разбросаны железные чешуйки от панциря, железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел и другие мелочи. В яме-тайнике лежал золотой горит с бронзовыми стрелами. Горит (табл. XIX) сделан на той же форме, что и Чертомлыцкий. Грабители его не заметили. Таких точно горитов теперь известно четыре: один был найден на Киевщине, другой в кургане у Елисаветовского городища в устьях Дона. Пантикапейские мастерские выполняли одинаковые вещи для скифских и меотских царей. При горите была перевязь с 70 нашитыми на ней золотыми бляхами: скиф пьет из ритона (рог для питья) перед сидящей богиней с зеркалом, точная реплика таких же чертомлыцких блях с одной формы. Это погребения, очевидно, очень близкие по времени. Во входной яме — большой железный киркообразный клевец, редкое в Скифии оружие. К западу от катакомбы в яме лежали два коня с обычными удилами и в скромных бронзовых уздечных наборах.

Под северной полкой кургана была вторая катакомба. Дно входной ямы — на 6 м, а длинной катакомбы, похожей на коридор, на 7 м глубины. В этом коридоре у одной стенки лежала на деревянном ложе служанка в простеньких бусах. У другой стенки стояли одиннадцать винных амфор. В конце коридора в отдельной дополнительной камере лежали раскиданные кости пожилой женщины и частью разбросанные вещи. Около трех с половиной тысяч бляшек, раскиданных второпях грабителями, когда-то украшали ее одежду. На них выдавлены головы бородатых мужчин, головы женщин, лежащие львы, такие же пантеры, паук и пчела, треугольники с мелкими выпуклостями, голова Афины в шлеме из львиной шкуры и т. п. Пестрые греческие бусы лежали в деревянной коробке. Лекана — умывальный сосуд с крышкой и чернолаковая пелика конца IV в. до н. э. стояли тут же. Бляшки с подобными или тождественными изображениями есть и в других курганах. Катакомба очень похожа на боковую в Солохе. Во входной яме сохранились остатки деревянной колесницы с ярмом и дышлом — погребального экипажа царицы.

Было бы очень трудно ознакомить читателя со всеми царскими курганами. Отошлем его к специальным трудам. Упомянем только раньше всех, еще в 1856 г., раскопан-

ный Александропольский курган, находящийся также не очень далеко от Никополя. Он самый молодой по находкам и датируется временем около середины III в. до н. э. Его инвентарь необычайно богат и интересен. Несколько лошадей в роскошных и оригинальных уборах лежали не в особой яме, а в подземном коридоре. В кургане Огуз близ села Белозерки, между Каменкой Днепровской и Мелитополем, был сооружен склеп из скрепленных особыми железными скрепами, залитыми свинцом каменных блоков. И постройка, и ее приемы совершенно греческие: сходными приемами строились склепы этого времени для аристократов Боспорского царства в Пантикапее. Так далеко в степь заходили не только драгоценные изделия мастерских этого царства, но и его каменщики-мастера. Скифский царь пожелал быть у себя в степи похороненным, как боспорский царь.

Скифы хорошо постигли ценность золота, но еще тщеславились часть накопленного брать с собой в могилу. Ведь даже пантикапейские аристократы-греки захватывали с собой в свои роскошные каменные склепы часть своих драгоценностей. Их не смущало то, что еще двумя веками раньше в Афинах знаменитый Солон законом запретил класть в могилу драгоценности, обеспечивая этим наследственную собственность. Этот обычай вызывал похищение сокровищ из могил. Земляные пирамиды скифских царей стояли в глухой степи. При них, да и то недолго, стояли стражи-мертвецы на чучелах коней, которых растаскивали степные птицы и волки. Грабить можно было без опаски. В сыпучую свежую высокую насыпь нельзя было проникнуть сверху. К тому же в некоторых насыпях этому мешал камень крепид. Жажда золота пробуждала суевверных искателей наживы по 60—70 м тянуть от подошвы кургана лаз-коридор, вынося землю мешками или корзинами. Точность прямо направленных к катакомбам грабительских лазов удивительна. Положение катакомбы, очевидно, было достаточно известно. Только в боковую катакомбу Солохи грабитель, почему-то промахнулся, да не до конца ограбил Чертомлыцкую могилу. Значит, грабители были на похоронах и знали, что и где положено. Вероятно, это были знатные люди из других номов или областей, может быть, даже соседние скифам сарматы и меоты. Рядовые общинники едва ли могли бы скрыть свое обогащение. А рабы или слуги из общинников копали под присмотром, по принуждению в пользу своих жадных хозяев. Бывало понемногу золота и в могилах рядовых общинников. Их низкие насыпи грабить было проще. Но почти поголовное их ограбление заставляет предполагать грабеж во время войн. Может быть, оно было массовым в последний кровавый набег сарматов во II в. н. э.

Таковы реальные черты специфических для этого времени могильных сооружений и погребального ритуала степных собственно скифских племен. Геродот так описывает похороны, совершавшиеся в номе Геррос над главными царями и по всей степи над простыми смертными. Большинство курганов, раскопанных археологами, относится к IV—III вв. до н. э. Но поздние обычаи оставались теми же, и ретроспективно подробности геродотовского описания должны быть распространены на эти памятники. Рядовые общинники сорок дней возили труп по родичам. Те гостеприимно встречали этот поезд, со всякими угощениями и поминками. Затем совершались похороны. После них участники очищались в юрте-бане, но не столько омовением, сколько одуряющими парами гашиша, добываемого из семян конопли.

Божественное происхождение царей и их полудеспотическая власть привела к особой обстановке их похорон. За пределами Герроса, т. е. какой-то территории вокруг Каменского городища, по обоим берегам Днепра те же обычаи соблюдались на большей территории, следовательно, и номархи-скептухи погребались точно так же. Вот вкратце то, что рассказывает Геродот. Умер царь и ему готовили большую четырехугольную яму. Покойника бальзамировали: натирали воском и набивали живот душистыми травами. На траурной колеснице тело царя возили по всем ранее подвластным ему народам. В знак печали встречавшие отрезали себе часть уха, царапали себе лицо

и нос, протыкали стрелой левую руку. Но вот похоронный поезд объехал всех, кого положено. Царя везли к могиле и хоронили в ней на особой подстилке-циновке. По сторонам втыкали копыя, в могилу клали одну из наложниц, задушив ее, виночерпия, повара и конюха, слугу, вестника, коней, отборный скот и золотую утварь. Яму покрывали войлоком и досками. Через год собирались снова, делали курган еще выше и на чучелах коней расставляли на конях пятьдесят слуг-воинов, телохранителей из числа свободных.

Многое в этом описании сходно с царскими курганами, вскрытыми археологами. Но есть отличия. Могильная яма—четыреугольник, покрытая деревом, как было до введения катакомб. Обычай втыкать копыя вертикально встречается редко: три раза у степных скифов, раз на Киевщине, раз в Крыму, раз у меотов нижнего Дона. Перечень слуг велик и функционально точно определен. Все это говорит о том, что ольвийский информатор Геродота или же он сам возвел индивидуальный случай с сохранением старого обычая соорудить яму с перекрытием деревом в типичный. Археологи знают, и читатель теперь тоже, некоторые отклонения от этого. Таковы в общем памятники скифских племен степи.

Андрофаги жили выше скифов по Борисфену и того места, до которого плавали по нему греки, но ниже невров, занимавших место между Днепром и Днестром. Из скифских областей ниже андрофагов находился Геррос. Его положение мы пытались определить вокруг Каменского городища. Значит, искать андрофагов надо еще в степной зоне. Пovyше Запорожья, в урочище Кичкас, есть отличающиеся от степных курганы рядового населения. Они имеют каменную подошву. Над ямой, прямоугольной и расположенной в длину по широте, куча камней, иногда в виде правильного параллелепипеда. В той же позе и так же головой на запад, как большинство рядовых скифов, погребены кичкаские покойники. То же у них вооружение и в общем такая же керамика, как на Каменском городище. В одной могиле воин с обычными стрелами и с бронзовым на деревянной ручке молоточком в виде головки орла в правой руке. Это, вероятно, глава семьи или рода. Заупокойная пища здесь — овцы. Облик культуры совершенно степной, скифский. Но Кичкас выше порогов. В Надпорожье известно немало открытых селищ с начала VI и до III в. до н. э. Можно предположить, что это и есть культура андрофагов. Покрытие одной сильной археологической культурой не только скифов, но и других народов не может быть исключено. И вот, культура скифов в собственном смысле слова покрывает, вероятно, народ, который, как говорит Геродот, «другой, а совсем не скифский», и что «они, кочевники, носят одежду, одинаковую со скифской, а людоедствует только один из тамошних народов».

Крым в скифское время не был одноплеменен. По Геродоту, до Таврики, т. е. предгорий и гор, населенных таврами, жили царские скифы и какие-то поработанные ими племена со значительной примесью скифской крови. К ним-то и относится легенда о рабском восстании в начале VI в. до н. э. Страбон рассказывает о делении крымских племен в скифское время на кочевников и земледельцев. Земледельцы зависимы от кочевников и платят им «форос» (дань). Страбон использует данные и своего, и предшествующего времени. Описанная им обстановка имела корни задолго до его времени: ее упоминают аттические ораторы IV в. до н. э. Племена здесь называются, как нижнеднепровские. Можно думать, что это переселенцы отсюда, а под номадами (кочевниками) подразумеваются частью царские скифы. Ведь так их называет Геродот в легенде о приходе из-за Аракса и в рассказе о вторжении во Фракию после похода Дария I в Скифию.

Что скифское население Крыма отличалось от нижнеднепровского и северноприазовского и в собственно скифское время и в сарматское, т. е. со II в. до н. э., отчетливо видно по археологическим данным.

Скифские поселения появились в Крыму на удобных для земледелия местах только

в конце IV в. до н. э. по долинам предгорных рек и на западном морском побережье. Зато скифские курганы встречаются в крымской степи с конца VII в. до н. э. и вплоть до появления сарматов во II в. до н. э. В соответствии с пестротой и смешанностью этнического состава населения Степного Крыма в скифское время погребальные сооружения и обряд не отличаются однообразием. Основные и впускные в курганах, эти погребения заключены и в ямах с деревянным перекрытием, и под палаткой из кольев, покрытых войлоком, и в каменных ящиках, и в катакомбах степного типа (очень редко), и даже в каменных из больших блоков склепах, построенных по правилам греческой строительной техники, со своеобразным ступенчатым сводом. Так строились в IV — III вв. до н. э. роскошные склепы пантикапейской знати в курганах на гряде Юз-оба около Керчи. Курганы скифов есть и в открытой степи и входят иногда в некрополи греческих городов, например Пантикапея и Нимфея. Заметное отличие от степных днепровских в ритуале — почти полное отсутствие конских захоронений и сопровождающих захоронений воинов и женщин. Детали погребений в инвентаре отличаются мало.

Древнейший из скифских курганов расположен на Темир-горе (Керченский полуостров): в его инвентаре — родоская энохоя конца VII в. до н. э. Каменные ящики известны и в V в. до н. э. (Ак-мечеть, ныне Черноморск) и позднее. В первом случае в инвентарь входили очень известные золотые обивки деревянного сосуда с отличным изображением лежащего оленя, во втором при паноплии (полном наборе личного оружия) рядового скифского воина был соблюден обычай вертикального втыкания копий. Перекрытие из дерева обычно и в курганах VI и V вв. до н. э. Таковы курган на Темир-горе и один курган некрополя у древнего Нимфея V в. до н. э. Таковы же и курганы у станции Кара-Киат с богатой в золоте паноплией, напоминающей паноплию приднепровских царских курганов. Каменные подкурганские гробницы вроде синдских с Таманского полуострова, в чем выражается связь с меотскими племенами северо-западного Кавказа, встречены в некрополе древнего Нимфея. Там, кроме обильного, вполне греческого по составу инвентаря налицо и скифский «звериный» стиль, и скифская паноплия, и погребения до восьми лошадей в обычной V и IV вв. до н. э. наборной сбруе.

K V в. до н. э. относится Золотой курган, раскопанный в 1890 г. Здесь впускное скифское погребение в более раннем кургане. На покато́м ложе из земли лежал воин с обычной паноплией. Очень интересен короткий меч в золотых гладких ножнах, с необычным кольцевидным навершием. Оригинален поясной набор: две бронзовые бляшки в виде голов орлиных грифонов, с длинным сломанным под углом языком, две того же металла бляшки в виде орлов в обычной скифской схеме, т. е. впрямь с распростертыми крыльями и с повернутой в бок головой. Поясной крючок — статуэтка стоящей львицы (табл. XXVIII) или пантеры в профиль со скульптурной выдающейся головой впрямь. Ее бронзовое туловище обложено золотом с напаянными по нему миндалевидными сканными гнездами для голубой эмали. Между бляхами и крючком ремень был украшен сорока бронзовыми литыми пуговицами. Была в инвентаре на шее покойника еще гладкая золотая гривна и кое-какие другие предметы.

Совершенно исключителен курган Куль-оба, открытый в Пантикапейском некрополе осенью 1830 г. С него, собственно говоря, начинается все более и более пристальное изучение курганов скифского времени на нашем европейском юге. Хотя он был открыт случайно, но его каменный склеп со ступенчатым сводом и дромосом не затянуло землей, а три костяка со всем инвентарем были на месте. Они были описаны на достаточном по тогдашней методике уровне, все было зачерчено и нарисовано. Ночью, несмотря на охрану, курган был ограблен жителями Керчи. Однако большую часть вещей (табл. VII и VIII—IX) властям удалось найти. Замечательный памятник скифской истории был спасен для науки. Вдоль северной стены лежал царь или скептух, сопровождаемый золотой фиалой, оружием, покрытым золотыми орнаментированными пластинами. Золотая ажурная тиара украшала башлык. Четыре золотые фигурки скифов с горитом

и ритуальным шаровидным кубком и бляхи с фигурами братающихся скифов дополнительно украшали головной убор. Золотая гривна с фигурками верховых скифов на концах украшала его шею. Несколько браслетов было на руках. Одежда была усеяна множеством разных золотых бляшек (табл. XIII, XIV). В особом тайнике лежал щит царя с золотым изображением поджавшего ноги оленя в центре (табл. XVI). На шее оленя добавочно изображена собака, на плече лев, на животе заяц, на крупе орлиноголовый грифон. Сохраняя обычную скифскую позу оленя, мастер дополнил ее вполне по-гречески трактованными фигурами зверей. Ложе царя было обито пластинами слоновой кости со сложными многофигурными резными сценами мифологического содержания.

Рядом с царем лежал скелет женщины. Роскошный в золоте головной убор украшали височные подвески и серьги с изображением головы Афины Фидия, украшавшей Парфенон в Афинах, и другие с рельефными цветами. Все — золото с эмалью. На шее гривна из золота с лежащими львами на концах. Прекрасные золотые браслеты сопровождали покойницу. Между колен стоял знаменитый золотой шаровидный сосуд со сценой из скифского быта: воины перевязывают один другому рану на ноге; еще двое беседуют; в следующей паре один что-то ощупывает во рту у другого; наконец, еще один воин натягивает лук. Оружие, костюмы, внешность — все обычное и характерное. Очень хорошо бронзовое зеркало с костяной ручкой, резной в «зверином» стиле. В ногах царя и царицы лежал вдоль южной стены воин-телохранитель с копьями. Одежда его в золотых бляшках. Два серебряных ритона в таком же стиле, два шаровидных сосуда, серебряный килик, бронзовый котел с костями барана, амфоры с вином, еще такой же котел и другие бронзовые сосуды, ножи с костяными ручками и иные предметы сопровождали покойников. В особой яме была погребена лошадь. Был ли этот царь беглец, вроде Скила, или любитель пожить с комфортом в греческом городе, неясно. Но он унес с собой в могилу в этом отнюдь не варварском городе весь варварски роскошный и кровавый ритуал.

Из рассказанного легко понять, что несмотря на захват и даже первоначальное, может быть, только частичное, порабощение крымских племен царскими скифами, там сохранились свои местные цари, кое-какие заметные особенности в погребальном ритуале и т. п. Отчетливо выраженных скифских поселений до рубежа IV — III вв. до н. э. в Крыму нет, что может объясняться преобладанием кочевого быта и хозяйства до этого времени. Впрочем, в Неаполе, столице скифов после перенесения центра царства в Крым в конце III в. до н. э., найдены кровельные черепицы синопского производства со штемпелями приблизительно середины IV в. до н. э., т. е. на окраине современного Симферополя уже тогда было какое-то поселение с домом греческого типа, возможно, одна из резиденций царя всей Скифии или одного из скептухов. С возникновением поселений на западном берегу Крыма и по речкам в степных предгорьях здесь исчезают таврские поселения. В крымских степях поселения скифов совсем неизвестны; по-видимому, здесь жило только кочевое население.

Многие из этих поселений, возникших незадолго до начала сарматского господства, были укреплены. Площадь городищ от 1 до 3 га. Впрочем, Неаполь (городище Керменчик на р. Салгир у окраины Симферополя) занимал почти 20 га. Городища на мысах — самые обычные. Они укреплялись с напольной стороны. Городища на высоких плато окружались оборонительными сооружениями со всех сторон, а на обрывистом морском берегу — или с трех вспольных, или со всех четырех. Обычно это — каменные стены из двух панцирей, сложенных из рваного или грубо обработанного камня, с забутовкой внутри мелким камнем. Вместо цемента — глиняный раствор. На Неаполе были оборонительные башни, протейхизама, т. е. небольшая стена впереди основной. Там же, по верху каменной стены, шла сырцовая верхняя часть. Порой вокруг стен шел ров. Только на р. Альме есть городище, защищенное земляными валами и рвом. В общем городища позднейших крымских скифов сарматского времени очень похожи по

размеру и ооороне на одновременные нижнеднепровские, но там преобладают земляные валы.

На этих городищах обычны зольники, т. е. иногда огромные кучи золы из очагов. Эти нарочитые показатели благополучия, может быть, служили и местами культа домашнего огня или царского очага. На нижнеднепровских городищах зольники бывают, но редко. В древнейшее время, т. е. в VII — V вв. до н. э., зольники обычны на поселениях по Среднему Днепру. Есть ли связь между теми и другими или обычай возник вновь и самостоятельно, мы не знаем.

Жилища строились на земле или были слегка в нее углублены. Они прямоугольные. Стены — из рваного или слегка подтесанного камня на глиняном растворе, иногда — из сырцового кирпича на каменном основании. Полы мазанные, глиняные. Внутри стены иногда штукатурили. В Неаполе есть стенная роспись в греческом духе.

На городище Кара-Тобе в Евпаторийском районе была раскопана нижняя часть войлочной юрты, круглой в основании. Это — канава и ямки от деревянных кольев. Рядом — небольшая колоколовидная яма. Это, следовательно, зимнее жилище. При летних кочевках и работах в степи также ставили войлочные юрты. Этот обычай, выезжая на свои земли, приняли пантикапейские аристократы. В склепе некоего Анфестерия в некрополе Пантикапея изображена на фреске войлочная юрта посреди степи. К ней подъезжает хозяин в полном вооружении (см. рис. на стр. 46).

Роль Крыма в вывозе хлеба была очень велика. Везде поэтому на городищах есть зерновые ямы, колоколовидно расширяющиеся книзу, с узкой горловиной, обложенной камнем и с каменной крышкой. Они близки к обычным в греческих городах. В одной части Неаполя они очень велики и сосредоточены до шестидесяти в одном месте.

Вслед за сменой скифской культуры старого типа новыми сарматскими формами быта и некоторым изменением обычаев со II в. до н. э. скифские курганы начинают исчезать. Ко II в. н. э. вполне преобладают и здесь, как и на Нижнем Днестре, грунтовые могильники без курганов. Тут они так же располагаются у самых городищ. Катакомбы и подбой здесь преобладают. У Неаполя встречено несколько скальных склепов со стенной росписью: охота на кабана с собаками в чисто греческом духе и другие сюжеты более примитивного исполнения. Очень интересен пристенный четырехугольный каменный мавзолей у одних из ворот этого города. В нем в несколько ярусов располагалось около 70 гробов с покойниками. Со II в. до н. э. в нем хоронили до I в. н. э. включительно. Основное погребение, очень богатое, покоилось в каменном ящике. Покойник вооружен по-прежнему, но его железные, хотя и втульчатые наконечники стрел похожи на сарматские своей легкостью и деталями формы, его колчан украшен гладкой золотой бляхой, нашивные бляшки на одежде геометрические и легкие, золотая мишура служила для той же цели. Фибула при нем совсем необычна для скифов. То же и в остальных погребениях: мечи, стрелы, поясные уборы, нашивные бляшки — сарматские. Есть один длинный кельтский меч и кельтский уздечный набор. Вообще все это в новом духе, рисующем крутой перелом в быту. Подобные массовые захоронения в одном и том же склепе, а иногда и под курганом, насчитывающие от 10 до 170 костяков, в это время достаточно распространены.

Сильно отличались от материковых степняков в скифское время крымчаки погребальными сооружениями и кое-какими подробностями ритуала. В их обиходе было больше подлинно греческих предметов. В погребениях около греческих городов было распространено применение саркофагов, погребальных катафалков и т. п. Но в туземном вещественном наборе было мало отличий. Даже посуда, известная с III в. по городищам, с этого именно времени и с водворением сарматской культуры в скифской среде в основном все та же, что и на Нижнем Днестре. Она лепная, имеет те же формы, которые и развиваются по тому же пути. Только больше и разнообразнее лощеная посуда. Да, пожалуй, среди ранних скифских украшений есть одно специфическое:

длинные и узкие, слабо орнаментированные поперечными полосками поясные крючки, которые решительно отличаются от снабженных широкой пластиной в «зверином» стиле нижнеднепровских и среднедонских. В сарматское время в бескурганных могильниках у городищ почти совсем не клали оружия.

Вот что в общем можно сказать об отличиях в известных памятниках крымских скифов от их степных господствующих племен. Так, в недрах самой Скифии существовала территория, отличавшаяся по этнографической характеристике своего населения.

Таврами греки называли горное население Крыма. Еще Гомер в X песне Одиссеи говорит о том, как его герой попал на север, туда, где в Лестригонии окруженная скалами бухта с узким входом оказалась гнездом диких разбойников-лестригонов, вероятно, одного из таврских племен. Там же находился их город Телепил во главе с царем Ламом. Эта бухта с большой долей вероятности отождествляется с Балаклавской бухтой. Еще в середине V в. тавры, жившие на южном побережье Крыма, «иной» (т. е. нескифский) народ, по Геродоту, отличались дикостью нравов. Любкой попадавший им грек или иноземный моряк, жертва кораблекрушения, приносился в жертву богине Деве, храм которой находился где-то на Гераклеюмском полуострове. Голова жертвы представлялась на колу около храма. Средиземноморские греки позднее отождествляли богиню Деву с Артемидой; сюда, по известному мифу, перед походом в Трою была отнесена Артемидой дочь Агамемнона Ифигения, ставшая у тавров ее жрицей. Сюда за нею приходили ее брат Орест и его друг Пилад. Таким образом, с микенских времен до Еврипида донесли греки через Гомера эту легенду о диких нравах лестригонов-тавров и их кровожадной богине. До Страбона сохранились живые сведения о разбоях тавров, которые продолжались незадолго до него из той же бухты, носившей в его время название Бухты Символов.

Заманчивость греческих товаров уже в конце V в. до н. э. заставила тавров пойти на компромисс. На месте какой-то фактории рубежа VI — V вв. в 422 и 421 гг. гераклеоты из Вифинии и изгнанные афинянами жители острова Делос основали здесь колонию Херсонес Таврический. Новые соседи приняли в число своих богинь Деву и клялись ею наравне с олимпийцами, когда приносили присягу родине или заключали международные договоры. Отныне их государственные дела при успехах совершались в их понятиях под ее покровительством. Стоило таврам пустить к себе греков с этой стороны, как и с востока пантикапейцы, феодосийцы и другие греческие колонисты постепенно стали теснить их в горы. Среди греческих рабов в Херсонесе уже в IV в. до н. э. появились тавры. Иллюзия греческой цивилизации стала исчезать. Тавры вступили в союз со Скилуrom против Митридата и Херсонеса. Они долго боролись с Боспором, временно покорились ему в эпоху царя Аспурга (8—38 гг. н. э.) и, наконец, после похода римского полководца Плавтия Сильвана подвергались от поры до времени римской оккупации. С 68—69 гг. н. э. римляне встали здесь довольно твердо. Недалеко от Ялты посейчас есть развалины их укрепленного поста, называвшегося Хараксом.

По Геродоту и Страбону, тавры — народ горный и горной была их страна Таврика. В степях жили скифы. Поселения тавров стали раскапываться археологами преимущественно после Великой Октябрьской революции. Они жили в предгорьях, на равнине Гераклеюмского полуострова и даже на территории Нимфея около Керчи в довольно обширных селищах площадью 1,5—2 га. Понемногу скифские поселения стали их теснить. В 1920 г. Г. А. Бонч-Осмоловский исследовал две пещеры на юго-востоке от Симферополя. Эти пещеры носят название Кызыл-Коба. Отсюда культура ранних тавров получила название Кызыл-Кобинской. Г. А. Бонч-Осмоловский справедливо считал ее за таврскую. Начало ее относится еще к бронзовому веку. Здесь много больше лощеной керамики, чем в степном Приднепровье, где она еще изредка встречается до VII в., но затем исчезает. На изученных открытых селищах известны остатки четырехугольных, даже квадратных наземных жилищ и землянок. Каменные круглые очаги и ямы-

очаги отапливали эти жилища и служили для приготовления пищи. Неглубокие расширяющиеся книзу колоколовидные ямы, зернохранилища и погреба, донесли до нас остатки их земледелия и скотоводства в виде различных зерен и костей скота.

Рано, однако, в первобытных таврских общинах явилась необходимость защищаться, а со временем нападать самим. На рубеже бронзового и железного веков стали возникать, особенно на южном побережье Крыма, частью городища-убежища, частью пиратские гнезда, такие, как на Аю-Даге, на горе Кошке и на Ай-Тодоре, близ Ялты. Некоторые из них были позднее превращены римлянами в укрепленные лагери, таков в особенности Ай-Тодор (Харакс). Там в основании римских крепостных стен лежит циклопическая кладка таврского времени, а в культурном слое попадает кое-какое туземное оружие от VI в. до н. э. до I в. н. э. Лучше сохранила свой архаический облик крепость на Кошке. Это поселение занимает на вершине горы площадку около 1,5 га, среди защищающих ее от ветра скал. С севера и юга, с моря, где к площадке есть доступ, она защищена стенами, сложенными в основании из крупных циклопической кладки блоков, а выше — из камней средней и малой величины. Ее изучил в недавнее время симферопольский ученый П. Н. Шульц. В стене сохранился вход-калитка. Местами стена от ремонта добавочными внешними панцирями достигала до 3 м толщины. Возникло поселение в VII — VI вв. до н. э. Жилища здесь с толстыми каменными стенами и имеют одну-две комнаты. Земляные полы тщательно утрамбованы. Односкатные, бревенчатые, покрытые землей крыши опирались на столбы. На поселении обнаружен зольник, содержащий много керамики, вплоть до начала средних веков. Здесь открыты следы земледелия и скотоводства.

Могильные памятники тавров — каменные ящики. Они известны в ряде мест Горного Крыма. Изучать их начали еще со времен Палласа. Успешно и тщательно произвел их раскопки в 1907 г. Н. И. Репников. В наши дни их исследуют П. Н. Шульц, С. Ф. Стржелецкий и другие крымские археологи. Главная масса этих могильников, относящихся к VI—III вв. до н. э., изучена в Байдарской долине. Эти каменные ящики различны по типам. Иногда над ними насыпался небольшой курганчик. Обычно ящик из больших плит по две по бокам и по одной в головах и в ногах имел размеры, достаточные для одного скелета. Длинной насыпью бывают объединены по 5—7 ящиков вместе. Из насыпи они почти торчат над землей. Встречаются ряды из нескольких ящиков такого же типа, огороженных каждый своей оградой из небольших камней, но одна из стенок — общая для двух соседних ящиков. Ящики накрывались плитами от одной до трех. Костяки, когда они уцелели, чаще одиночные, вытянутые на запад или на север головой. Есть и такие, что включают в себя друг на друге от 30 и даже до 45 последовательно захороненных людей. Там, где Н. И. Репников смог определить их положение, они лежали головами на север, на правом боку, с сильно поджатыми ногами. Размеры таких ящиков побольше. Подобные коллективные захоронения включают оружие IV—III вв. до н. э. На окраине Херсонеса открыт Д. И. Беловым грунтовой некрополь из скорченных костяков, без вещей. Их часто считают таврскими рабами-херсонесцами.

В интересующую нас эпоху с VII до III вв. до н. э., как у всех соседивших непосредственно со скифами племен, это соседство сказалось в проникновении к таврам кое-каких элементов скифского материального быта. Вполне возможно, что воинственность тавров усилилась при соприкосновении со скифами, а склонность к прибрежному пиратству имела своим корнем появление сначала отдельных купцов, а затем и колонистов-греков. Именно с этого времени в быт тавров входит оружие скифских образцов. Прежде всего — это лук и стрелы. Наконечники стрел из бронзы плоские втульчатые, с добавочным шипом-крючком на втулке, имеются уже в верхнем слое Кызыл-Кобинской пещеры. Среди них попадают ромбовидные стрелы старейшего типа VII в. до н. э. В дальнейшем, особенно в каменных ящиках могильников,

появляются обычные плоские наконечники овальных и листовидных очертаний. С ними вместе обильны трехлопастные и трехгранные наконечники-пирамидки массивных очертаний, иначе говоря, набор VI и начала V в. Такие наконечники налицо, между прочим, в доримском слое Ай-Тодора. В одном из каменных ящиков могильника Уркуста I А. М. Лесковым были обнаружены втульчатые плоские железные наконечники воронежского типа. Таврские наконечники, в том числе и железные, отличаются часто особой миниатюрностью. Это указывает на их местное изготовление. Из таврских каменных ящиков Байдарской долины известны два акинака из железа с завитками-навершиями и с широким бабочковидным перекрестьем, что позволяет отнести их к первой половине V в. до н. э. Они меньше обычных скифских.

В культурном слое Ай-Тодора встречены явно доримские железные наконечники копий (листовидные, гладкие и с ребром по середине пера) и подтоки (железная оковка нижней части древка) в основном скифских образцов.

В одном из ящиков Байдарской долины Н. И. Репников нашел множество бронзовых чешуек от панциря скифского типа. Хотя таврские воины не были, конечно, сплошь всадниками уже в силу своего горного образа жизни, в каменных ящиках встречаются удила и псалии. В культурном слое селища Алма-Дере около Бахчисарая найдены прямые роговые псалии с тремя отверстиями, достаточно типичные только для самого начала скифской эпохи. В одном из каменных ящиков есть прямой железный псалий также с тремя отверстиями-ушками. Все известные удила только железные, загнутые на конце в кольцо, т. е. скифские V — III вв. до н. э. Уздечные наборы почти неизвестны. В Кызыл-Кобинском слое Нимфея под Керчью встречена бронзовая бляшка от сбруи в виде головки вепря. Известны большие круглые бронзовые бляшки с ушком сзади, в духе тех, что употреблялись скифами для украшения сбруи в IV—III вв. Есть в одном из каменных ящиков Байдарской долины при колчане стрел пара костяных палочек-застежек, вполне типичных для скифского обихода. У скифов они служили при застегивании разных ремней, в том числе и от сбруи. Такое же их применение возможно было и у тавров.

Оружие таврских воинов изготовлялось по скифским образцам, самым совершенным в то время. Совсем иначе обстояло дело с предметами украшения. Здесь тавры были отчасти самобытны. Этот по преимуществу женский обиход имеет мало общего со скифами, а больше с северокавказским. Здесь общего настолько много, что можно почти не сомневаться в кавказском происхождении хотя бы части тавров.

Римский географ Помпоний Мела писал около 44 г. н. э., что тавры вынуждены заниматься разбоем из-за скудости своей страны. Археологические данные говорят о развитии у них земледелия. На их поселениях встречены зерна пшеницы, ячменя, гороха и фасоли. Найдены виноградные косточки в поселении Учбаш на Гераклеяском полуострове. Можно было бы предположить для этой поры уже не мотыжное, а плужное земледелие в связи с тем, что с таврами со стороны материка граничили скифы, а с Гераклеяского и Керченского полуостровов — греки: те и другие обладали плугом. Впрочем, прямых доказательств плужного земледелия у тавров нет.

Значительную роль играло скотоводство. Тавры этого времени знали корову, овцу, лошадь и свинью. На роль морского промысла разные ученые, изучающие культуру древних тавров, смотрят по-разному. Обобщая этот вопрос, С. Ф. Стржелецкий полагает, что это была очень важная отрасль хозяйства тавров. Добывали разные сорта морской рыбы, дельфинов и съедобные ракушки. П. Н. Шульц на основании своих раскопок городища на горе Кошка прямо считает возможным сказать, что и рыболовство и охота были второстепенным занятием для тавров.

Черная металлургия, кузнечное дело и бронзовое литье у тавров, несомненно, были самостоятельны. Это очевидно по малому размеру некоторых форм оружия — наконечников стрел и акинаков, сравнительно со скифскими, и по самобытным украшениям.

Лишь по богатству и оригинальности таврских украшений можно предполагать богатство и сложность убора и костюма женщин, а отсюда и их труда над изготовлением одежды. Косвенным свидетелем этого труда ткачихи служит костяной гребень от ткацкого стана, найденный в одной из ям таврского поселения, предшествовавшего на Керченском полуострове греческому Нимфею.

Грубая керамика представлена широкобюкими горшками, украшенными в VI — V вв. до н. э. валиками. В то же время встречаются лощеные, черные и коричневые сосуды, похожие на кринки с приземистым корпусом и конически суживающейся вверх шейкой, имеющей отогнутый бортик. Иногда на плечике таких сосудов — гладкий валик. Встречаются миски с загнутыми внутрь краями. Орнамент обычно резной, в виде косых длинных треугольников и других геометрических узоров. Вплоть до середины VI в. до н. э. он затирался, как у племен Киевщины, белой пастой. С начала V в. до н. э. лощение и резной орнамент постепенно исчезают. Таврская посуда похожа на лесостепную по лощению и орнаментике, почти неизвестным в это время у степных скифов. По-видимому, тавры имели этническое родство с населением Северного Кавказа, которое, может быть, восходит еще к эпохе поздней бронзы, и эти связи не прекращались вплоть до скифского времени, хотя первоначальная Кызыл-Кобинская культура не целиком совпадает с северокавказской.

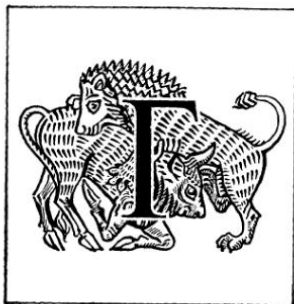
Таковы археологические сведения об этом народе, жившем в горах между морем и собственно скифами.

СКИФСКИЕ МИФЫ И ЭПОС. ИСКУССТВО.

РЕЛИГИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ.

ЗАУПОКОЙНЫЙ КУЛЬТ

реческие писатели, особенно Геродот, донесли до нас отрывки скифских мифов, легенд и эпоса. Читатель уже знаком с разными легендами о происхождении скифов, о трех братьях-основателях. Знакомо нам и имя родоначальника скифов Таргитая, которого греки при передаче одного из вариантов этой легенды превратили в своего героя Геракла. У различных племен степных скифов этот миф имел свои варианты.

Сохранились и отрывки повествований эпического характера о поэтизированных событиях прошлого. Они переданы греками в прозе, часто по-своему в какой-то степени переделаны, но туземная скифская подоснова должна быть их фабулой.

Таково, конечно, предание о вторжении скифов в землю киммерийцев в конце VII в. до н. э. и о внутренних спорах киммерийцев, о взаимоистреблении их царей и о бегстве молодежи перед скифами. Рассказ о восстании рабов по возвращении скифов из переднеазиатского похода, хотя и сильно окрашен греческим представлением о рабах, но, можно думать, взят из какой-то местной легенды. Самым ярким примером творения эпоса на глазах у истории является рассказ о походе Дария на скифов. До Геродота это воспоминание дошло спустя всего шесть-семь десятков лет, но от него веет уже кроме исторической подосновы множеством всяких полусказочных подробностей. Отчасти такие подробности, как повесть о греках, сохранивших мост до возвращения

Дария, об истолковании послания скифов к нему одним из приближенных и некоторые другие возникли в персидской и ионийской греческой среде, как входившей в состав Персии. Но все остальное дышит таким местным колоритом, что не может быть сомнения в туземной скифской основе этого исторического повествования.

В произведениях греческой торевтики (художественной чеканки), как будто изображающих мирные и военные сцены из скифского быта, всегда есть нечто очень индивидуальное, что, может быть, восходит или к неизвестному нам эпическому циклу, или отражает недосказанные Геродотом эпизоды эпоса о войне с Дарием. Такова сцена перевязки и осмотра ран на кульобской вазе (табл. VIII—IX). Такова картина отдыха старых и молодых воинов и отдачи приказа на воронежском сосуде (см. рис. на стр. 149). Обычной кочевой сценой кажется то, как скифы в табуне ловят арканами, учат ложиться и пасут лошадей; но в эту идиллию входит как нечто вполне индивидуальное прискакавший откуда-то и спутывающий лошадь воин, вероятно, вестник какого-то события. Не изображением ли легенды о восстании сыновей скифянок и рабов является изображение битвы бородатых скифов с юношами на горите из Солохи? Живая сцена боя конного и двух спешенных воинов на гребне из Солохи, как и немногие туземные изображения подобных схваток на поясных пряжках, вполне могут быть передачей каких-то эпических сцен (табл. III). Многочисленные нашивные бляшки со сценами борьбы стрелков, посылающих стрелы в разные стороны, со сценой скифов, пьющих из одной чаши, или скиф, гонящийся на коне за зайцем на бляшках из степного Александропольского кургана, — не сцены ли из разных легенд и эпоса? Последние прямо связаны с рассказом Геродота о несостоявшемся сражении между Дарием и скифами из-за того, что скифы погнались за пробежавшим зайцем. Кульобское изображение явно греческой, а александропольское — местной работы, т. е. эпизод этот, вероятно, туземного происхождения.

Когда Атей объединил скифские племена под своей единой властью, то, как помнит читатель, в ход пошли изображения, связанные с генеалогическими преданиями, и сосуды с вероятными эпическими эпизодами, такие, как сцены на кульобском, чертомлыцком и других сосудах. Этим как будто хотели освятить вероятную узурпацию Атеем власти.

Кроме эпоса известно кое-что и из сказочного цикла скифов. Таковы, например, фантастические рассказы о народах в конце торгового пути, о стерегущих золото грифонах и о похищающих его аримаспах, о женской болезни, ниспосланной энареям за оскорбление и разграбление аскалонского храма Афродиты, и т. п.

Воинственный быт отразился в зверином стиле, т. е. в изображениях определенным образом стилизованных сильных и быстрых животных. Читатель познакомится с ним подробно в другом месте этой книжки как с декоративным и в то же время священным и магическим стилем, применявшимся более всего в воинском обиходе гиппотоксота для украшения оружия и конской сбруи. Примечательно, что мы полностью знакомимся с этим искусством скифов, распространенным также и у нескифских народов, таких, как негры, меланхлены и будины, т. е. племен и народов лесостепи, только из археологических памятников. Разве что некоторый намек на звериный стиль содержится в рассказе о дворце царя Скила в Ольвии. Этот дворец был украшен изображениями сфинксов и грифонов. Те и другие фантастические звери известны в разных изображениях звериного стиля, первые, например, на бляшках из центрального погребения кургана Солоха, последние — на множестве повсеместно распространенных предметов от украшений на конской сбруе до нашивных золотых бляшек на одеждах.

О скифских божествах у греческих писателей очень мало сведений. И тут первое место занимает Геродот. Он дает имена скифским богам и тут же поясняет их при помощи греческих названий божеств. Более всех, по его словам, почитают Табити греческую Гестию, т. е. богиню царского очага, и Папая, приравниваемого к Зевсу. Его супруга Гея (Земля) у скифов именовалась Апи. Гойтосир скифов соответствует Аполлону,

Аргимпаса — небесной Афродите, одному из образов этой богини. Посейдон греков именовался Фагимасадом и почитался только у царских скифов. Зевса и Гестию, подразумевая под ними Папая и Табити, называет Иданфирс Дарию своими единственными владыками, чем еще раз подчеркнуто особенное значение этих божеств. Имена скифских божеств почти все объяснимы от иранских корней. Двум божествам — Гераклу и Арею — не дается скифских имен. Впрочем, сопоставляя генеалогические легенды, нетрудно увидеть, что Геракл — это скифский Таргитай, бог-родоначальник. Арей почитался в виде короткого меча — акинака. Позднейшие писатели считали это название именем бога. Но это скорее был фетиш, олицетворявший бога войны Арея греков. Геродот утверждает, что только ему ставились алтари, а другие боги не имели алтарей, храмов и статуй. Арею алтари воздвигались в каждом номе в виде огромных постоянно подновлявшихся куч хвороста. Кровавые жертвы ему приносились теми же животными, что и всем богам, но также в виде каждого сотого пленного железному акинаку, водруженному на таком алтаре. Жертвам на голову возливали вино. Их закалывали над чашей и кровь в ней несли и возливали на акинак Арея. У жертвы отрубали правую руку и бросали ее в сторону от труп. Все это оставляли на месте и по совершении всех священнодействий удалялись.

Остальным богам приносили в жертву всех животных, особенно лошадей, но отнюдь не свиней, которых скифы не разводили. Жертву душили особым приемом. Мясо жертвенных животных варили в больших медных котлах, употребляя вместо дров их же кости. Если котла под рукой не было, то мясо набивали в желудок животного и готовили в нем на костях.

Жрецов отдельных божеств, по-видимому, не было. Их функции исполняли цари и другие лица у священного золота на земледельческом празднике. Гестия-Табити то является как единая богиня, то речь идет о Гестиях царского очага. Им, вероятно, приносили жертвы и, может быть, матери семейств у своих домашних очагов. По крайней мере, на Каменском городище, как уже говорилось, в небольшом, явно необитаемом домике находилась куча чистого пепла. Этот домик, конечно, общинный храмик большой семьи, жившей в четырех, окружавших этот храмик, домах. Утверждая отсутствие храмов Геродот или не знал о таких домашних святилищах и алтарях из пепла, или, скорее, имел в виду общественные алтари, храмы и кумиры в греческом смысле этого слова.

Если у скифов не было профессиональных жрецов, то у них было много прорицателей, которые гадали по ивовым прутьям, разложенным по земле, которые надо было затем как-то перебирать, и по ним давали свои предсказания. Среди этих гадалей были некие «энареи», носившие женскую одежду, делавшие женские работы и не вступавшие в брак. Эти обязанности якобы были возложены на них за разграбление храма Афродиты небесной в Аскалоне в Сирии во время их походов в Переднюю Азию. Так рассказывает Геродот. Подробности об этих прорицателях есть у Гиппократ, к нему мы отсылаем читателя. Афродита-Аргимпаса, по рассказу самих знахарей, ниспослала им пророческий дар. Если заболел скифский царь, то считалось, что кто-то ложно поклялся Гестиями царского очага. Состояющиеся между собой гадали называют виновного. Если они его не оправдают, ему отрубали голову, а имущество делили между гадалелями. Если же большинство его оправдывало, то казнили прорицателей, ложно его обвинивших. Их сажали в наполненную хворостом и запряженную волами телегу; хворост поджигали; обезумевшие от страха и боли волы влекли эту горящую повозку со связанными и с затычкой во рту преступными прорицателями. Впрочем, так их казнили и за другие ложные пророчества. Сыновей казненных убивали, а дочерей не трогали.

Археологические данные позволяют пополнить кое в чем недостаток письменных сведений. Прежде всего — это немногочисленные, отчасти греческой работы, изображения. Папай сопоставлен с греческим Зевсом. Следовательно, он прежде всего бог ясного неба, но и громовержец, кроме того, несомненно, бог-отец. Он отец не только

богов, но и всех скифов, начиная от их царей. Его сын Таргитай-Геракл, герой-родоначальник. Последнее определяется его именем от того корня, который во многих индоевропейских языках обозначает отца. Его кумиров и храмов мы не знаем. По-видимому, к началу V в. до н. э. относится его изображение на одном навершии (рис. на стр. 84), хранящемся в Государственном историческом музее СССР в Киеве. На высоком постаменте стоит нагой бородатый мужчина. Четыре рога поднимаются от его ног, с фигурками идущих по ним волков и с изображениями орлов на их концах, словно парящих над землей с распростертыми крыльями. Такой же орел на голове статуэтки. Рога с волками, по-видимому, символизируют степь и землю с четырьмя странами света. Орлы знаменуют ширь чистого неба. Висящие у них в клювах, на концах крыльев и в руках божества цепочки с бронзовыми колокольчиками с железным язычком внутри, производящие до сего дня звон, не символ ли грома? Апи-Земля — супруга Папая. Среди изображений на навершиях от погребальной колесницы из Александропольского кургана есть фигура женщины с обнаженными пышными грудями и другая на золотой бляшке в складчатых одеждах с двумя баранами по бокам (табл. XII). Не богиня ли это плодородия, мать-кормилица? Может быть, ее же изображает Артемида, владычица зверей, на зеркале греческой работы VI в. до н. э., найденном в одном скифском кургане близ Херсона. Над головой богини два льва, на плечах козочки или овцы. Поклонение такой богине уходит за пределы Скифии и известно в таких же греческих и в туземных изображениях у племен древнего Подунавья и кельтов Швейцарии, древней Гельвеции. Гойтосир — Аполлон, вероятно, бог солнца. Его изображений у скифов мы еще не знаем, разве только уже за пределами Скифии. На золотой пластине из меотского кургана Карагодеуаш на Кубани изображен солнечный бог в колеснице — пример восприятия греческого образа этого божества (табл. XIII). С рубежа VI и V вв. до н. э. в скифском зверином стиле часто фигурирует взятый из греческого искусства орлиноголовый грифон. Он обычный спутник Аполлона. Его голова часто изображается на бляшках конской сбруи и на других вещах. Головы орлов украшали концы луков на фигурах скифских воинов, ставившихся на курганах. Они же украшали иногда колчаны. Орлиный глаз в том виде, как его стилизовали обычно, т. е. простой кружок с выпуклым ободком или розетка с многими лепестками, тоже нередок на конской сбруе, на колчанах и изредка на некоторых женских украшениях. Эти украшения, пожалуй, обычнее других. Вероятно, Гойтосир скифов был и солнечный бог-стрелок, и покровитель коней. Изображения его спутников — орла и грифона — призывали на коня и стрелка-гиппотоксота, покровительствуемого этим божеством.

Табити, главнейшая после Папая богиня, трудно опознается в изображениях женских божеств на скифских вещах. Однако изображения скифа-воина или царя, пьющего из священного сосуда перед торжественно сидящей на троне богиней с зеркалом в руке, вероятно, обряд перед лицом женского божества, обряд приобщения к власти и к покровительству богини. Этот обряд был распространен, в частности, и у меотов Кубани. Только что упоминалась золотая пластина оттуда, из кургана Карагодеуаш (табл. XIII). На ней представлена близкая сцена: царь или воин приобщается перед богиней из ритуального сосуда, вероятно, вином.

Аргимпаса, Афродита небесная, известна по греческим изображениям на зеркалах, где она представлена во весь рост нагой молодой женщиной на ручках зеркал. Их находки известны в одном кургане около Херсона и среди вещей с лесостепного течения Днепра. Значит ее почитали не только степные племена, но и их более северные соседи, может быть, под другим именем. У меотов на Таманском полуострове почиталась богиня Афродита Апатура (может быть, греческое «обманщица»), где ей у принявших ее культ греков Боспорского царства присваивался эпитет «небесная». Какое было ее туземное имя, неизвестно. Что она воспринималась греками в их богословском значении, видно из многочисленных ее изображений. Одно из них только что найдено в древних

Навершие с фигурой Папая из-под Днепетровска

Кепах (по-гречески «сады») на Таманском полуострове московским археологом Н. И. Сокольским.

В каком виде представлялся царским скифам Фагимасад-Посейдон, неясно. Они не были морским народом. У греков Посейдон — бог моря, но и бог коней и коневодства. У остальных степных скифов эти функции выполнял Гойтосир. У царских скифов — особое божество. В предании о происхождении савроматов «свободные» скифы, жившие у Танаиса, т. е. те же царские скифы, представлены как коневоды по преимуществу. Им естественно было создать в своем воображении такой образ.

Скифских кумиров до сих пор не найдено. Геродот утверждает, что их и не было. Однако отождествление им божеств пантеона скифов с определенными греческими богами не может быть произвольно. Появление у скифов фигурок греческих божеств на предметах обихода было естественно. Для общественной стадии военной демократии свойственно представлять небожителей в человеческих формах с определенными функциями в природе и среди людей, даже обходясь порой без антропоморфных изображений. Принимались скифами греческие фигурки тех богов, которым имелись свои туземные

соответствия. Стали появляться и местные, но опять-таки мелкие и встречаемые сравнительно редко изображения богов вроде упомянутых наверхий и блях. Ими, конечно, призывалось магически покровительство их на данное лицо или на его коней.

Геродот, может быть, знал не всех богов скифского пантеона. На некоторых предметах появились изображения головы Афины. Женщина-царица из кургана Куль-оба носила золотые височные привески с головой знаменитой Афины-Девы Фидия. В Александропольском кургане на крупных серебряных бляхах одной уздечки изображена голова Афины-Лемнии, т. е. одной из статуй этой богини с острова Лемноса. Обе вещи найдены в курганах IV в. до н. э. В эту же эпоху распространились и найдены в ряде курганов золотые нашивные на одежду бляшки в виде головы Афины в профиль вправо в шлеме в виде львиной пасти. Скифская аристократия все более и более приобщалась к эллинским понятиям и культуре. В ее среде именно в это время стали распространяться изображения с такими специфически греческими мифическими сюжетами, как узнавание Одиссеем переодетого в женскую одежду Ахилла на горитах из Чертомлыцкого и нескольких других курганов. Может быть, к ним проник и культ Афины. Но возможно и нечто другое. Строй скифского рода и семьи вне сомнения патриархальный. Об этом говорит и весь тон повествований о них у греков, в частности противопоставление их сохранившим черты матриархата сарматам. Генеалогическая легенда прежде всего говорит об отце-предке скифов Таргитае-Геракле. Их верховный бог Папай, т. е. «Отец». Жестокое кровавое захоронение вместе с ними их жен подкрепляют тот же вывод. С востока с ними граничили савроматы, о которых и факты археологии и решительные высказывания древних писателей твердят как о «женоуправляемых». На несколько сот раскопанных скифских женских погребений, совершенно лишенных чего-либо, кроме предметов домашней работы, особенно веретен с пряслицами, и украшений, есть одно, может быть, два женских погребения с оружием на савроматский манер. Это могли быть савроматки, попавшие в гаремы своих соседей и погребенные по своему задонскому обычаю. Не было ли у них воинственного женского вооруженного божества, привнесенного в пантеон своих мужей? Во всяком случае, много позднее у сарматов Северного Кавказа и Украины излюбленными изображениями была фигура воинственной девы и один-другой из ее поддвигов.

Среди божеств назван Геракл. Он — родоначальник скифов по легенде, выслушанной Геродотом от ольвийских греков. Из параллельной легенды, слышанной от каких-то скифов, читатель знает его скифское имя Таргитай. Подвиги Геракла, особенно битва с Немейским львом, и местные изображения подвигов скифа-богатыря, конечно, Таргитая, сражающегося с фантастическими чудовищами, известны в скифском обиходе на нашивных бляшках и наверхиях, как и образы других божеств (табл. XIII). В лице Таргитая-Геракла отразился культ предков. Но его парой была в одном случае змееногая богиня, «полуженщина-полузмея» у Геродота, а в другом — дочь реки Борисфена. В культе предков-родоначальников сохранились, таким образом, какие-то пережитки матриархата, которых так много у ряда народов в легендах и культах праматери-земли, часто принимающей просто облик змеи. Этот культ, по-видимому, особенно сказался в аристократической среде в эпоху Атея и после него, когда столько появилось эпических и генеалогических изображений на предметах обихода. Изображения подобного рода встречаются в очень многих курганах и Крыма, и Подонья, и в собственно скифской степи. Как и изображения других божеств, бляшки и утварь с змееногой богиней на них известны и на степном течении Днепра, и в Крыму, и у меотов Кубани (табл. XIV). Вместе с легендой о трех братьях-родоначальниках распространилась и легенда о их змееногой матери. Иногда под рукой искусного греческого мастера змеи переплетались с вьющимися побегами вьюнков-арацей или просто ими заменялись. Одно из лучших изображений змееногой праматери скифов дано на золотом наноснике кургана Цимбаловой могилы в кочевых степях Нижнего Днепра.

Но эта же богиня и свидетельница сохранения у скифов анимистических представлений о духах — хозяевах мест природы. Она — хозяйка, выражаясь языком фольклора, или нимфа, по греческой богословской номенклатуре, лесистой поймы Днепра — Гилеи, как ее называли греки. Ее отец Борисфен — Днепр такой же хозяин могучей реки. Ольвийские греки изображали его на своих монетах в виде головы бородастого и рогатого бога — обычная схема греческих божеств реки. У меотов Нижнего Дона было одноименное божество Танаис. Вероятно, у многих рек и урочищ и вокруг самих людей Скифии и соседних народов были свои хозяйки и хозяева. Такой была Табити-Гестия, нимфа царского очага, и Гестии очагов больших семей, имевшие алтари в виде кучи пепла, как в Каменском городище. Геродот, как знает читатель, говорит то об одной Табити-Гестии, владычице над самими царями скифов, то о Гестиях царского очага, могших быть, потому что у царя было много мест обитания и очагов, а, возможно, потому что у греков было до трех нимф домашнего очага. Но в Табити-Гестии нужно еще видеть не только хозяйку огня, но и матрилинеального предка каждой данной скифской семьи, подобно змееной богине, такой же праматери всего скифского народа и его царей.

Скифы любили покрывать изображениями зверей оружие и сбрую, а с конца V в. до н. э. с той же целью стали применять и изображения некоторых из своих божеств. При этом стали обшивать ими свои одежды, обивать деревянные сосуды. Звериные изображения, впрочем, по-прежнему преобладали. Не только декоративное, но и магическое значение, а также смысл их как амулетов-оберегов не вызывают сомнения. Все расширяющееся применение таких символов в быту указывает на то, что человек непрерывно призывал на себя покровительство божеств и связанных с ними спутников-животных. Конь, орел, грифон призывали покровительство Гойтосира. Другие животные, вроде оленя, барана или других диких зверей, могли быть связаны с Апи. Недаром же с ней может быть сопоставлена Артемида греков, богиня лесных животных, богиня-охотница. В местных изображениях этой богини на Дунае, у сходных по этому культу, но в остальном совершенно иных племен, ее сопровождают олени и охотники. Олень обычен и у скифов, и у других племен, применявших одинаковый с ними звериный стиль. Он рано есть и у меотов, и у лесостепных племен. Родствен скифам кочевой ираноязычный народ Средней Азии саки. Его имя отождествляется специалистами с общеиранским словом, обозначающим оленя. Предполагают, что у саков он был тотемическим животным, т. е. их предком. Понятие тотема, предка животного, у первобытных народов — самки, относится к очень древней ступени развития, и только как пережиток далекого прошлого оно могло сохраниться у саков, находившихся на уровне военной демократии. Олени в зверином стиле всегда рогатые самцы, т. е. предки уже патриархального по структуре общества. В этом виде то ли от саков, то ли самостоятельно олень в одной и той же позе, одинаково стилизованный, распространен, как мы видели, у всех скифообразных по культуре народов. Едва ли он здесь тотемическое животное. Он, может быть, связан с божеством вроде Апи, владычицы зверей; тогда он ее символ и ее покровительство призывает на себя и на своего коня человек, скиф ли он, меот ли, будин ли или кто-то другой по этнической принадлежности.

Погребальный ритуал скифов читателю уже знаком. Он сходен и у царей, и у аристократии с таковым же у рядовых воинов. Но у первых он роскошен. Их сопровождают жены, слуги и рабы. Слуги скифских царей были часто из числа свободных. Не только хранители царских сокровищ в угловых катакомбах Чертомлыцкого кургана погребены при золотом оружии и в золотых украшениях, даже конюшие — в золотых гривнах и серьгах, хоть и захватили в могилу с собой железные скребницы. Царя, вождя или всадника-аристократа в загробный путь сопровождало хотя и не все имущество, но его значительная часть. Из табуна его сопровождало от двух до десятка или немного более коней. Его кочевое хозяйство символизировали, например, в поминальных остатках Чертомлыцкого кургана, две с лишним сотни удили и конских уборов. Богат был царь

в жизни, был воин и владеец табунов, повелитель множества людей. Это отчасти в полном виде, отчасти символически обеспечивалось ему в загробной жизни. Ставили иногда на кургане статую во всеоружии, может быть, героизированного покойника. Рядовой воин уходил в могилу со всем своим оружием, с серьгой в одном ухе, очень редко с гривной. Конь его по большей части служил для поминок и в качестве напутственной загробной пищи. Он не был владыкой, не имел слуг и гарема. Вот и не сопровождали его слуги и жена.

В общем скиф представлял себе потустороннюю жизнь как некое повторение действительной. Его обеспечивали настолько, чтобы он оставался тем же, чем был здесь, царем, воином, слугой. Социальные порядки по ту сторону смерти представлялись скифу неизменными, земными.

Законы религии блюлись строго. Вероотступничество каралось смертью. Вспомним уже знакомые нам рассказы о гибели, постигшей за это Анахарсиса и Скила.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ МАТЕРИАЛЬНОГО БЫТА СКИФОВ И СХОДНЫХ С НИМИ ПО КУЛЬТУРЕ СОСЕДНИХ НАРОДОВ

последим теперь подробнее то общее, что так сближало скифов-сколотов, меотов и более северных жителей лесостепи в их быту. Более всего объединяют их сходство в оружии, в конском снаряжении и в зверином стиле, т. е. именно то, что позволяет понять Геродота, когда он говорит об общем со скифами образе жизни у нескифских народов, нечто «общескифское». Некоторые из этих особенностей проникают глубоко в Сибирь, например звериный стиль, в меньшей степени сбруя коней и оружие. Но все это там настолько видоизменено и настолько при некоторой степени близости пронизано местными особенностями, что совершенно не может быть объединено под историческим поня-

тием общескифских начал. Поэтому мы не касаемся отражения этих явлений у народов Сибири.

Наиболее полно набор всех общескифских предметов представлен на знакомых читателю территориях и у известных уже ему племен. Ознакомление с общескифскими элементами позволит читателю увидеть, как то с большей, то с меньшей уверенностью отождествляются нескифские, но сходные со скифскими по обычаям народы с носителями той или иной из затронутых ниже в этой книжке археологических культур. Кратко описанные греками почти ненаделенные реальными, кроме географических, чертами народы при этом приобретают конкретный облик, и не только их хозяйство, но и некоторые со-

циальные и политические явления начинают проглядывать сквозь туманную пелену рассказов античных писателей.

Оружие — важнейшая часть прижизненного обихода и погребального инвентаря скифского аристократа и свободного общинника-воина. Оборонительные доспехи, как кажется, отсутствуют в могилах рядовых воинов. Но достаточно вспомнить изображения простых воинов и вождей на таких великолепных образцах греческой торевтики, как кульобская или воронежская ваза, и тотчас же мы увидим остроконечные кожаные башлыки, которые, конечно, играли роль кожаных шлемов, и стеганные, очевидно, тоже кожаные безрукавки, так же исполнявшие роль панцирей (табл. VIII—IX, рис. на стр. 149). Это не удивительно: почти все исторические народы прошли через применение кожаных шлемов и панцирей, прежде чем освоиться с металлическими. Есть собственные скифские и меотские бронзовые шлемы (табл. XXI), они литые, но тонкие с валиками для задерживания меча по бокам. Островатое ребро от носа до затылка идет поверху, иногда с приспособлением для султана. С боков и на тыльной части ряд отверстий для пришивания матерчатого или кожаного защитного приспособления. Этот тип шлема есть на Кубани (Келермесские курганы), но и в других местностях, например, на Нижнем Дону у станицы Даховской, в кургане Солоха на Нижнем Днепре, где он переделан из греческого шлема, и у волжских савроматов, в Сибири и Средней Азии. Изредка применялись греческие шлемы. Аттические с подвижными нащечниками были найдены в курганах на Кубани (у станицы Курджипской), на Киевщине (у Пастерского городища); в Солохе переделанный на скифский образец аттический шлем. Коринфский шлем с глазными отверстиями, наносником и неподвижными нащечниками изображен на конном скифе, украшающем ручку золотого гробца из Солохи (табл. III), и один раз был найден у с. Ромейковки в Киевской области.

Кроме кожаной стеганой безрукавки, застегнутой налево, опушенной мехом и со свисающими спереди острыми концами, которая, как видно на упомянутых вазовых изображениях, надевалась поверх вышитой рубахи с очень длинными рукавами, были в ходу металлические панцири. Греческие панцири почти не употреблялись. Один бронзовый панцирь — кираса с изображением головы Медузы на груди был найден в одном из меотских курганов у ст. Елисаветинской на Кубани (табл. XV). Очень редко у рядовых воинов (всего несколько случаев) и почти обязательно у воинов аристократов (таких случаев много) применялся чешуйчатый панцирь из бронзы (рис. на стр. 139) или железа. Чешуйки четырехугольной формы с округленным низом пришивались медными заклепками к рубашке, сплетенной из тонких ремешков. Плотнo налегая друг на друга, ряды чешуек были трудно проницаемы, но доспех был гибок благодаря подпущке из тонких ремней. Панцири коротки, с короткими рукавами. Несколько раз панцири из костяных чешуек были найдены в лесостепи (например, в Аксютинецких курганах на Суле). Такие бронзовые панцири были переняты у урартов и ассирийцев во время закавказских походов скифов. Находки бракованных панцирных чешуек на Каменском городище, а также на некоторых лесостепных городищах позволяют говорить с уверенностью о местном изготовлении таких панцирей.

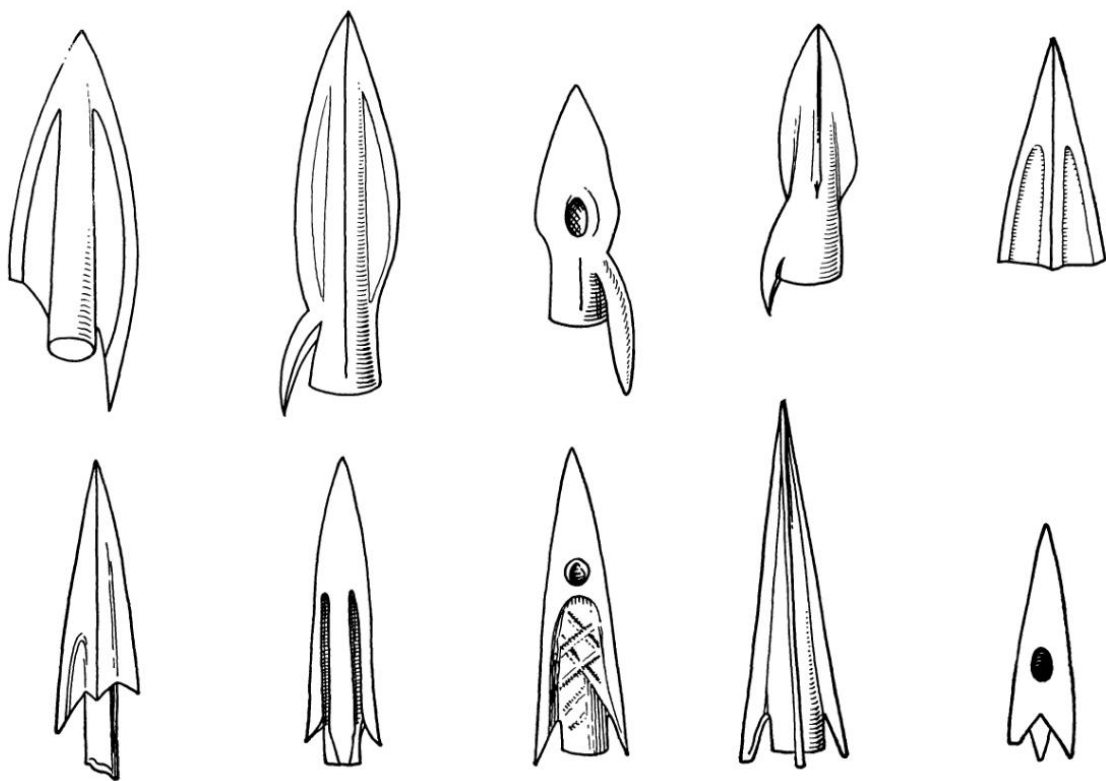
В дополнение к кожаным безрукавкам, а также к чешуйчатым панцирям, для ношения на нем горита с луком и стрелами на левом боку и акинака на правом, применяли кожаный пояс в 5—10 см шириной, окованный сплошь узкими поперечными пластинками из бронзы или железа. Находки таких поясов в погребениях, особенно у знатных воинов, обычны. Часто такой пояс изображался на чреслах каменных статуи воинов, ставившихся на курганах.

Щиты (табл. VIII—IX, рис. на стр. 149) известны чаще по изображениям на изделиях греческой торевтики, например на кульобском и воронежском сосудах, на гребне из кургана Солоха и др. Известны они и в натуре. На обеих этих вазах изображены прямоугольные с округленными углами щиты, конечно, из кожи, покрывавшие воина впло-

роста. Такой же щит, но еще более мягких контуров, сплетенный из прутиков или ремешков, — в руке всадника на гребне из кургана Солоха. Щит — полумесяц, должно быть, из кожи в руке одного из пешеходных воинов на том же гребне. В натуре на Кубани (Костромская станица) и в дельте Дона в курганах у станицы Елисаветовской известны круглые щиты диаметром около 50 см, конечно, всаднические. Первые из железа с золотым изображением оленя в центре, елисаветовские из бронзы без украшения. Подобные изображения золотых оленей известны в Куль-обе и в одном из курганов Аксютинцевой группы на р. Суле. Можно с уверенностью предполагать, что и там были такие же щиты, но либо деревянные, либо кожаные.

Ноги защищали длинные штаны. Во всех областях попадаются греческие бронзовые кнemiды, защищавшие ногу от колена до голени, но они редки и то только в аристократических могилах. Однажды штаны были обшиты сплошь панцирными чешуйками (курган № 2 из раскопок Д. Я. Самоквасова в урочище «Стайкин верх» на Суле).

Скиф был конным стрелком (гишпотоксот по-гречески). Лук и стрела — его главное оружие. Лук, сделанный из дерева и сухожилий, известен нам по рисункам на греческих вазах, в частности по изображениям на обоих сейчас упоминавшихся драгоценных сосудах. Он в натянутом боевом состоянии, судя по размерам драгоценных горитов, например чертомлыцкого, не превышал 80 см. Его контуры как бы из двух рогов. Где его держат рукой, он вогнут. Гекатей Милетский сравнивал его с контурами Черного моря: ветви лука у северо-западного и северо-восточного берегов, тетива — южный анатолийский берег, считавшийся прямым. Легенды окружали скифское стрелковое дело. Одни

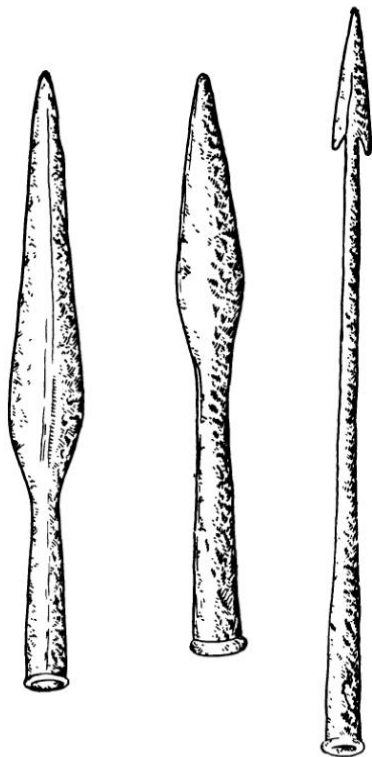

Наконечники скифских стрел из бронзы

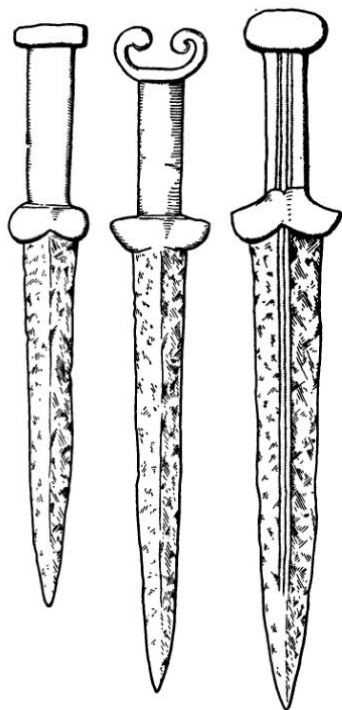
мифы твердили, что какой-то скиф учил стрелять Геракла, бывшего героем-лучником. В одном из преданий о происхождении скифов, наоборот, Геракл принес в Скифию свой лук и завещал его одному из трех сыновей, рожденных ему от полуженщины-полузмеи, дочери реки Борисфена. Лук достался, как мы помним, меньшому из них Скифу. Предания говорили, что в VII в. до н. э. мидийский царь Киаксар поручил обучение своих сыновей стрельбе из лука пленным скифам. К сожалению, луки, если не считать нескольких полугнилых палочек от них, которые были найдены при погребенных, в натуре неизвестны. Слева на поясе носили накоротке горит (налучие) с луком и стрелами в нем или колчан со стрелами и лук. Слева горит изображен на фигурах скифов в торевтике; и в курганах пучки стрел и остатки горитов и колчанов находят слева от покойника. Колчаны в виде футляров из кожи на дереве или из коры, иногда ярко окрашенной в красный цвет, наполнялись стрелами остриями вниз, числом от полусотни до двухсот. Впрочем, иногда воинов сопровождали запасы стрел либо в особых колчанах до 400—500 штук (курган Солоха), либо в нескольких колчанах (курган у станицы Елисаветовской — более 90 стрел). Некоторые из горитов-налучий покрывались золотыми или серебряными пластинками, с художественными изображениями (Солоха и другие курганы).

Вооружение воина гиппоксота появилось в конце VIII — начале VII в. до н. э. Уже тогда у протомеотов на Кавказе, у предков скифов и у киммерийцев на берегах Черного моря, у чернолесских племен лесостепи подготавливался набор стрел, обычных в собственно скифское время. К концу VII в., когда сложились все основные черты скифской культуры, установился и набор наконечников стрел. С этого времени и до середины V в. до н. э. они либо плоские, с ромбовидными, лавролистными, простыми листовидными, однокрылыми с одной выведенной в длинный шип стороной или с дзушипными треугольными головками, либо трехгранные и трехлопастные с дуговидными лопастями и гранями, нередко с добавочным шипом на обязательной втулке для древка. Впрочем, трехгранные или трехлопастные пирамидальные наконечники приземистых очертаний есть уже в конце VII в. до н. э. Их грани или лопасти закончены в шип, втулка часто вся внутри головки, обрезаемая. С середины V в. до н. э. массивные пропорции заменяются более стройными, вытянутыми. Древко было из дерева, часто из березы. Его длина 60—80 см. Оно окрашивалось красными и черными поясками друг под другом и оперялось в нижней части, которая была немного шире и получала зарубку для тетивы. Наконечники почти сплошь были бронзовые и лишь изредка железные, выкованные в подражание бронзовым. Еще реже их делали из кости, сначала пирамидальные, четырехгранные, затем такой же формы, как пуля современной винтовки, цилиндрикоконические. Бывали и наконечники из дерева, вырезанные вместе с древком и в подражание бронзовым. Все эти наконечники, где они встречаются, клались обычно в колчан по несколько штук вместе с бронзовыми, которые составляют подавляющее большинство. В наших музеях хранятся тысячи бронзовых и немногие сотни других наконечников. Только у меотов на Кубани и у будинов на Среднем Дону железные стрелы применялись почти наравне с бронзовыми. Преобладание бронзовых наконечников в ту пору, когда все остальное оружие и орудия труда делалось из железа, объясняется тем, что стрельба велась массой стрел, одна за другой. Поэтому их так много в колчанах. Отлить в формах много наконечников, наполняя формы друг за другом, скорее, чем их ковать. Железо тогда плавить не умели. Отливка бронзовых наконечников производилась в медных трехсоставных формах.

Наравне с луком и стрелами обязательным оружием гиппоксота были копья и дротики. Их или метали, или ими кололи, нанося удар сверху наискось вниз. Железный наконечник длиной 24 см и более имел перо лавролистной или простой листовидной формы, иногда с ребром посредине, с конической, хорошо откованной без щели тульей. В тулью вставлялся верхний конец тщательно выструганного круглого в сечении древка. Внизу для прочности его оковывали подтоком, т. е. железной цилиндрической или за-

Слева — наконечники копий; справа — наконечник дротика

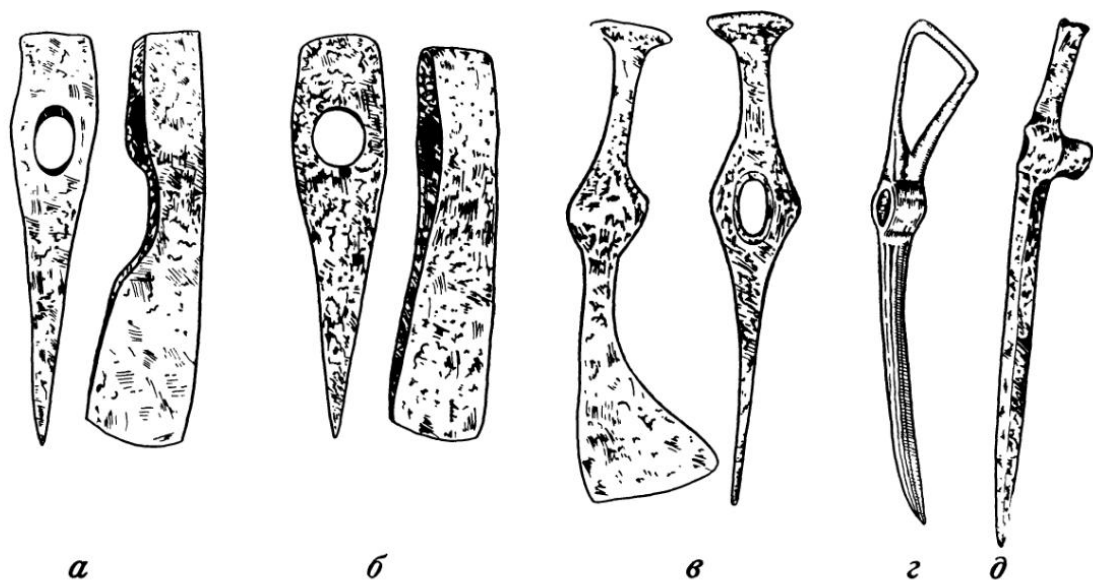
Мечи-акинaki из Киевского музея (с. Аксютинцы)

остренной, или имевшей форму рюмки на ножке трубкой. Постепенно перо вытягивалось в длину, становилось узким и утрачивало ребро посередине. Это связано с все более и более широким применением панциря. Длина всего копья целиком от 1,80 до 2,10 м. Дротики той же длины, с таким же подтоком имели иной наконечник. Короткая коническая туля имела продолжением длинный стержень с небольшим треугольным пером о двух шипах внизу с обеих сторон. Копья и дротики носили обычно по два, но иногда покойного сопровождало и большее число их.

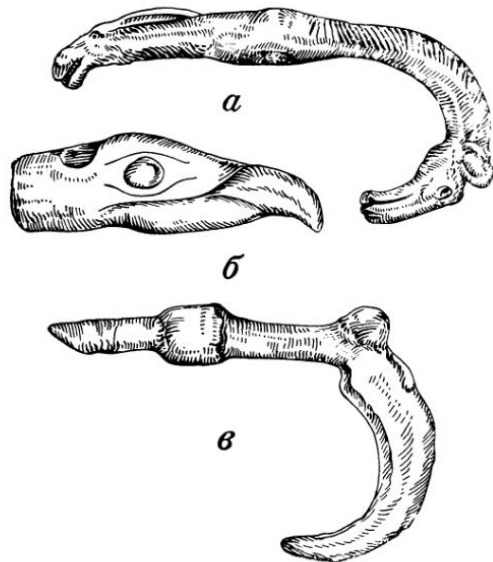
Меч короткий, колющий, 45—60 см длины. Очень редко длиннее. Иногда это кинжал 30—45 см. Его называли персидским словом акинак. Во время переднеазиатских походов скифы заимствовали эту форму меча у персов. В дальнейшем он, однако, развивался у них по-своему. В VI—V вв. до н. э. его двулезвийный клинок имел почти параллельные стороны, постепенно на конце переходившие в острие. Ручка была сплошь железной. Навершие имело вид короткого поперечного бруска, перекрестие — вид сложенных крыльев сидящей бабочки, или перевернутого сердца. С конца V в. и до конца скифского периода в III в. до н. э. клинок приобрел вид узкого равнобедренного треугольника. Это, вероятно, как и сужение пера копья, было связано с распространением панциря. Набалдашник либо приобрел вид плоского овала, либо двух сведенных клювами орлиных голов, либо еще чаще сжатой орлиной лапы. Охват рукояти и перекрестие снабжались рельефными фигурами барсов, оленей или другими изображениями. Перекрестие стало узким в виде бабочки, а иногда даже треугольным. Рукоять могла быть

одета золотом (табл. II) или изредка костью. Меч — оружие далеко необязательное для рядового воина, но очень обычное для аристократа, царя или военного вождя. Иногда обычно кожаные или деревянные ножны покрывались золотой пластиной. Известно несколько мечей в таких ножнах, с одной формы, на которых греки сражаются с какими-то молодыми воинами. Известны золотые ножны с фигурами фантастических грифонов с крыльями в виде рыб и с головами львов, быков, баранов, орлов и людей. Это урартская или кавказская работа. Есть ножны с прекрасными изображениями в собственном скифском зверином стиле. У ножен под рукоятью меча делалась лопасть, за которую ремнем меч прикреплялся к поясу справа. Снизу ножны окованы железной, бронзовой или костяной пластиной, то в виде утиного носа, то в виде широкого полукруга, выходящего за границы ножен. Выше такого полукруга захлестывали ремень, чтобы привязать меч вокруг бедра или в другом месте к поясу. Иногда это осуществлялось при помощи второй лопасти внизу ножен. Оковки ножен украшались изображениями львов в геральдической позе или согнутых в полукольцо пантер.

Геродот не раз упоминает секиру (сагарис) как оружие скифа. При трех братьях-царях, основателях царства, в числе упавших с неба даров был и боевой топор из золота. Археологически известны топоры железные. Они разных типов, обычно с узким лезвием и четырехугольным, а изредка круглым молоточком на обушке. Проух — круглый. Около тридцати таких топоров найдено в погребениях скифских воинов. Очень много их в курганах лесостепной полосы, особенно в левобережье. В степи найдено недавно один-два экземпляра. Может быть, они там реже бытовали, но, возможно, это результат того, что археологи случайно очень мало вскрыли там ранних скифских курганов. В Крыму их известно 2—3 штуки. Из степи происходят две статуи воинов, из-под Херсона и из-под Жданова, с секирами у пояса справа. Боевые топоры изображены у одного старого и у одного молодого воина на воронежском сосуде, на калатосе с головы жрицы Деметры из кургана Большая Близница на Таманском полуострове. Боевые топоры в руках молодых воинов на горите из Солохи и на ножнах Чертомлыцкого кургана. Значит, бос-

а — а — железные топоры; г — железный клевец из Мелитопольского кургана; д — бронзовый клевец с Цукурского лимана (Таманский п-ов)

Бронзовые знаки власти:

a — из кургана у с. Аксютинцы; *б* — из кургана в урочище Кичкас под Запорожеством; *в* — из кургана Острая могила у г. Ногайска

вероятно другое. Известно, что у многих народов древности долгое время в железном веке делали из бронзы предметы ритуала или знаки власти, также игравшие иногда священную роль. Так, например, у римлян жрецы-фециалы, объявлявшие мир или войну, имели право пользоваться только медной бритвой. У греков целебные и колдовские травы следовало жать по росе медным серпом. У народов придунайской гальштатской культуры в VII—V вв. до н. э., т. е. у кельтов, нориков, фракийцев бронзовые боевые топорыки бытовали в качестве знаков власти при железных копьях и мечах. Нечто подобное было у скифов и у соседних с ними сходных по культуре народов. Это некие подобия клевцов из бронзы, иногда способные служить в роли боевого оружия. В таком случае это — головки орлов, тяжелый клюв которых и молоточек-обушок вполне смертоносны. Одна из них из степи (урочище Кичкас у Запорожья), две из лесостепи с правобережья. Две секирки из бронзы, одна на длинной медной ручке, обе с обушками в зверином стиле, происходят из посульских курганов. 4 или 5 экземпляров бронзовых клевцоподобных легких наверший в различном зверином стиле найдено в разных курганах лесостепи, степи (у Ногайска) и у Симферополя. Таким образом, они свойственны всем скифоподобным по культуре народам. Эти вещи или не имеют, или едва-едва могут иметь практическое значение. Однажды (Кичкас) бронзовая головка орла на деревянной короткой ручке лежала в правой руке небогатого воина. Фигурный клевец в духе последней группы изображен в руке вождя на золотых нашивных бляхах из одного Аксютинского кургана на Суле. В самой Солохе есть при погребении царя скипетр в виде шестопера из бронзы.

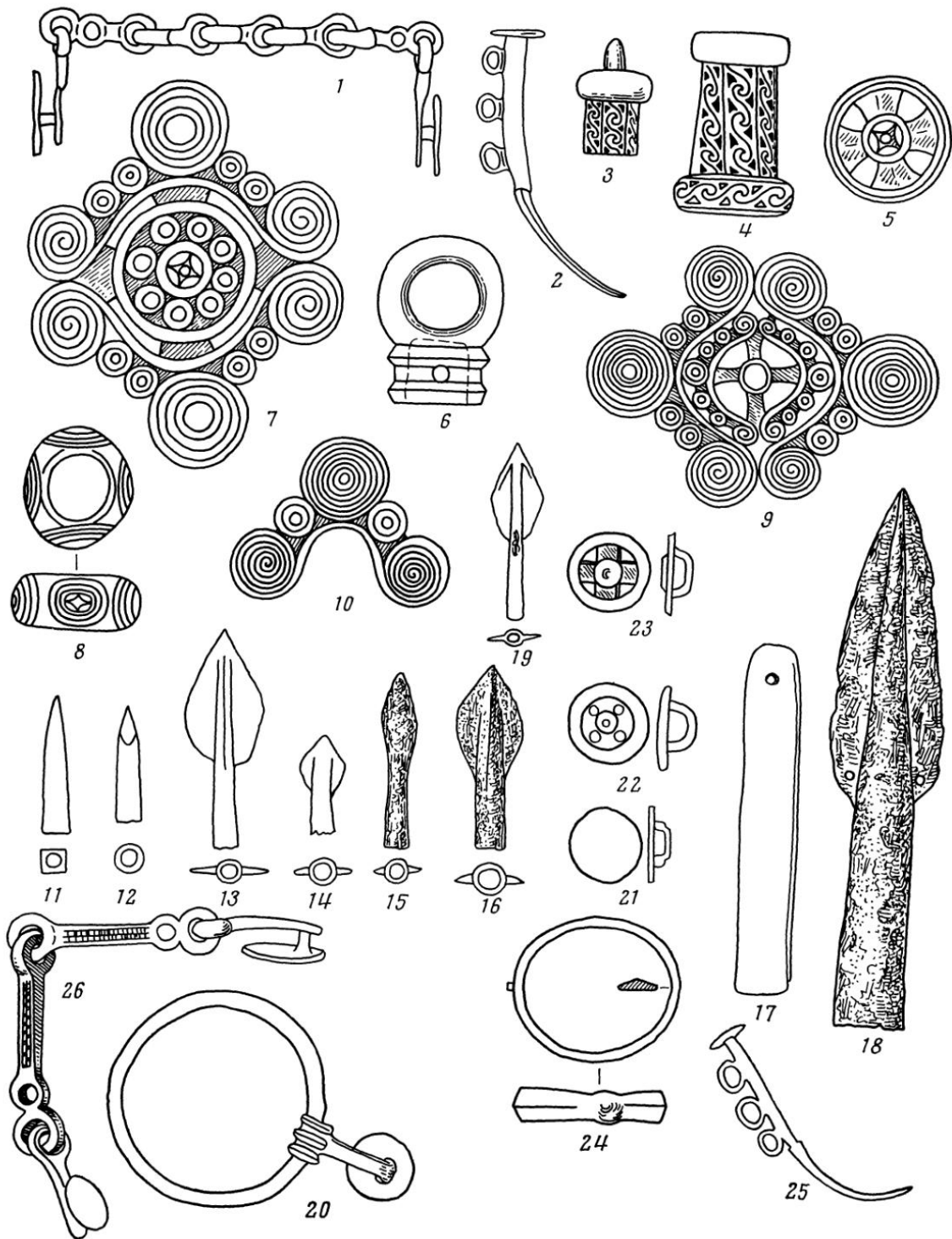
Таковы известные сейчас группы скифского вооружения, привившегося во всех однокультурных областях.

Конское снаряжение, свойственное скифам и их соседям, стало складываться еще в недрах протомеотской и поздней срубной культуры. С конца VIII и в VII в. до н. э. устанавливаются две формы бронзовых удиц. Это бронзовые удила, либо заканчивающиеся на концах двумя одно за другим колечками, либо колечко имеет форму стремечка.

порские мастера видели их в руках туземцев. Очень хороша секира из одного кургана у аула Келермес (табл. XXII) на Кубани. Ее обух и рукоятка покрыты золотом в роскошном зверином стиле.

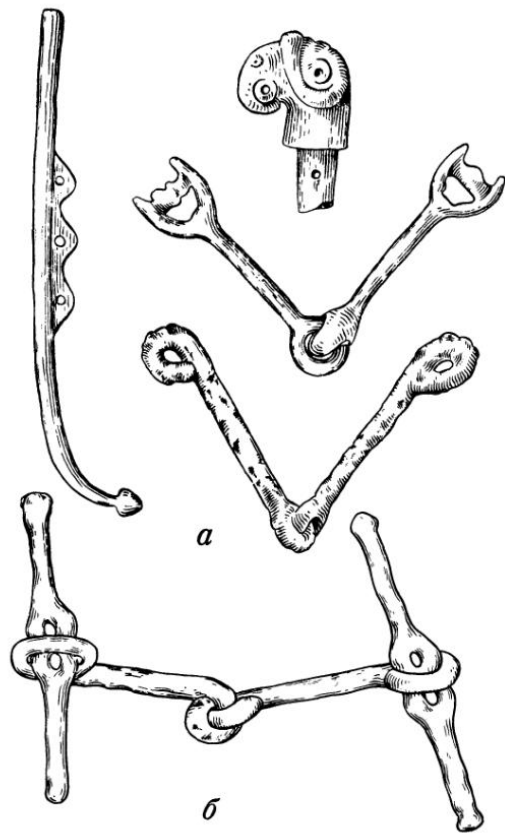
Клевек или чекан у скифов и лесостепных соседей не слишком обычное оружие. Во всяком случае на Урале и особенно в Сибири, откуда они известны в числе многих десятков, они гораздо более распространены. Известно три длинных железных клевца, похожих на небольшие кирки, с небольшим цилиндрическим обушком и с втулкой у проуха. Один из них с р. Роси, другой с Сулы и третий из Мелитопольского кургана, раскопанного в 1954 г. А. И. Тереножкиным.

Своеобразный по форме бронзовый клевек был еще до революции найден в могиле синдского воина у Цукурского лимана на Таманском полуострове. У него обушок в виде тупого треугольника. Он, конечно, мог быть из бронзы потому, что относится к рубежу VII—VI вв. до н. э., когда отдельные предметы вооружения еще изготовлялись из бронзы. Однако вполне

Снаряжение предскифского гипнотоксота:

1 — 18 — комплекс вещей срубной культуры из-под Симферополя; 19 — 26 — комплекс вещей чернолесской культуры из с. Бутенки

Удила и псалии скифского времени:

а — стрелевидные бронзовые и железные удила с боковой петлей, псалий с тремя отверстиями и роговое украшение псалия из Келермесских курганов VI в. до н.э. на Кубани; *б* — железные удила и псалии V—III вв. до н.э. из Киевского музея

одна или две-три наборные узды — вот его полное снаряжение, перешедшее к меотам, скифам и другим их однокультурным соседям. При этом почти одновременно облик гиппотоксота становится характерным и в тех областях, где в скифское время жило кочевое население и где земледелие было основой при господстве воинской аристократии, вероятно, ведшей кочевой образ жизни среди оседлых первобытных этнических общин. Очень может быть, что этот обиход всадника-лучника возник именно в тех областях, где население перешло к кочевому скотоводству. Там и тут встречен этот набор вещей, но он есть в наибольшем количестве на Северном Кавказе и в степях, и в предгорьях, и на территории земледельцев, и на территориях кочевой части меотов. Представлены наборы этого типа и на территории притясминских племен чернолесской культуры, и на левом берегу по Ворскле и на Дону у Воронежа, т. е. в местах, где можно предполагать невра и будинов Геродота.

Скифские узды менялись во времени. Удила и первого, и второго типа в употреблении у предскифских гиппотоксотов дожили до скифского времени. Первый двукольчатый тип исчез на рубеже VII и VI вв. до н. э., второй, с кольцом в виде стремечка, прожил

Сзади этих колец поверхность длинных звеньев удила бывает покрыта поперечными выпуклостями, косыми крестами и т. п. для придания удилам некоторой строгости. Ко второму кольцу удила первого образца или у шейки удила второго типа привязывали псалии. У первого типа они изогнуты внизу вперед и имеют с противоположной стороны три петли, у вторых они или прямые или изогнуты то с тремя овальными отверстиями на концах и в середине, то с муфточками около отверстий, украшенных вписанными в круг розетками, ромбами или косыми крестами, которые уже давно истолкованы как солярные знаки, т. е. знаки, изображающие солнце. Во внешние кольца удила первого типа вставлялось по звену в виде подвески с кружком, иногда так же украшенным солярным изображением. Уздечные бляхи имели вид кружков с солярным изображением или гладких, с ушком на обороте, вычурных лунниц с рядом (от трех до семи) кружков или спиралей, возможно, тоже солярных. Сопровождались эти наборы еще большими кольцами с передвижными по ним привесками в виде кружков. В одном комплексе гиппотоксота из-под Симферополя все эти украшения, делавшиеся из бронзы тончайшим образом выполнены из рога. Особенно тонко выработаны лунницы, попарно сведенные концами и украшенные в середине между собой одним из солярных изображений.

Таким образом, к концу VIII в. до н. э. какие-то экономические и социальные сдвиги сделали мужчину и степных и лесостепных территорий гиппотоксотом. Лук и стрелы, пара копий, иногда прямой, короткий колющий меч из железа, последний, впрочем, очень редко,

всю первую половину VI в. до н. э., но одновременно с ним появился и во второй половине того же столетия стал господствующим новый образец всегда железных удиц, у которых конец был загнут в круглое кольцо в бок от основного стержня. Оба эти образца удиц применялись с псалиями о трех отверстиях или ушках, имевших форму либо металлического, чаще железного стержня, загнутого на одном конце назад и с ушками в ту же сторону, либо чаще рогового, редко металлического, прямого стержня с головкой лошади, кошачьего хищника, барана, орла или грифона — орла с рогами, барана на верхнем и с конским копытом на нижнем конце псалия (см. рис. на стр. 96). С конца VI в. и вплоть до начала II в. до н. э. последний тип железных удиц с боковым кольцом был единственным. Псалии о трех отверстиях заменились псалиями о двух отверстиях на самой середине стержня в восьмеркообразном расширении. Такой псалий вставлялся в петлю на внешнем конце. Он имел обычно вид прямого стержня или был согнут в виде латинского S или русского заглавного С. Делались они из железа или бронзы, украшались обычно на концах простыми плоскими или коническими шляпками; только на рубеже VI и V вв. до н. э. иногда вместо таких шляпок делались головки животных или крылья птиц и т. п. В V—III вв. до н. э. такие удила бывали очень строгими: сади псалия была обращена шипами к губам коня небольшой крестовиной. Повод крепился к удилам посредством надетых на конечные кольца удиц треугольных подвижных железных петель, а иногда прямо к кольцам удиц.

Продававшиеся концами в отверстия псалий ремни оголовья украшались богатым роговым, бронзовым, а то даже серебряным и золотым набором. Последнее главным образом у степной, но иногда и у лесостепной аристократии. Этот набор начал вырабатываться взамен старого с его солярными символами еще в конце VII в. до н. э. В VI и V вв. до н. э. он был особенно богат бляхами с изображениями зверей. На лбу привешивался легкий налобник в виде протома (т. е. голова, грудь и передние лапы) оленя, коня или львиноголового грифона. На скрепах ремней за ушко были подвешены фигурки лежащих или летящих в прыжке барсов, козлов, оленей, головки львов, орлов, медведей, кошачьих хищников, волков, грифонов, задних лап хищных животных и ног коня, лап и когтей орлов, стилизованных глаз орла и т. п. В VI в. на местах скрещений ремней надевались круглые столбики из кости или бронзы с перекрестными отверстиями. Вниз от налобника на носовом ремне привешивалась ромбовидная бляха — наносник, очень вытянутая в пропорциях. Чаще его делали гладким бронзовым, но иногда украшали изображениями зверей. На одном золотом налобнике начала VI в. до н. э. из кургана у села Журовка на р. Тясмине изображены олень в летящем галопе и орел с распростертыми крыльями, терзающий зайца (табл. XVIII). На одном серебряном наноснике из кургана у села Аксютинцы на р. Суле изображены два ряда орлиных голов, смотрящих в стороны друг от друга.

Роскошные уборы царских курганов в степных районах в IV и III вв. до н. э. меньше украшались в зверином стиле. Налобник на них обычно имеет вид протома львиноголового грифона. Наносник, если он есть, стилизовался в виде рыбы. Около ушей висели своеобразные пластины, только сохранившие контуры задних лап хищника; их поверхность покрывалась резьбой в виде сидящего грифона, тело и лапы которого превращены в пальметки. Остальные боевые бляхи оголовья круглые с золотой или серебряной шишечкой в середине. Впрочем, в Краснокутском кургане Днепропетровской области ушные бляхи украшены изображениями змей, а боковые крестовидно поставленными головками коней. В кургане Солоха ушные бляхи из золота имеют вид птичьих крыльев, а наносник рыб из того же металла. В Чертомлыцком кургане есть одинаковые наборы из золота, серебра и бронзы. Нащечные бляхи Александропольского кургана тоже золотые имели изображения львов, грифонов, человеческой головы, окруженной бычьими головами, а две серебряные украшены головой Афины впрямь.

Грудь парадных коней украшалась лунницами, колокольчиками, большими трапе-

певидным и бляхами и кругами. Все это скреплялось цепочками и должно было произгудать сильный шум, бряцание и звон. Обычно убор этот делался из бронзы. Язычки у бронзовых колокольчиков изготавливались обязательно из железа. Бывали случаи, как, например, в кургане Чмырева могила у села Б. Белозерка Запорожской области, что весь нагрудный набор делался из золота и серебра.

В ряде курганов IV—III вв. до н. э. были обнаружены остатки деревянных седел. По краю к ним прибывались золотые полоски с волнистым краем. На одной костяной пластинке из скифского кургана Куль-оба (около Керчи) изображен конь под таким седлом, имеющим вид деревянной или кожаной подушки.

Широкое применение имел не только верховой, но и упряжной конь. Наряду с ним был и упряжной вол, служивший и при пахоте, и при кочевке. Гиппократ так писал о кочевых скифах: «У них нет домов, а живут они в кибитках; кибитки поменьше — четырехколесные, а другие — шестиколесные. Со всех сторон они закрыты войлоком и устроены, как дома — одни с двумя, а другие с тремя отделениями. Они непроницаемы ни для дождя, ни для снега, ни для ветра. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов. Рога у них не растут от холода. В таких кибитках живут жены, а мужчины ездят верхом на конях».

Около станицы Елисаветинской на Кубани известны остатки погребальных повозок с четырьмя и шестью колесами. В них запрягали попарно цугом до шести коней. В насыпях Чертомлыцкого и других царских курганов найдены брошенные в остатках тризны железные шины от колес погребальных повозок. В Мелитопольском кургане А. И. Тереножкин в 1954 г. нашел остатки повозки и деревянных ярем вроде современных украинских.

Дышла колесниц и столбы балдахинов на царских повозках украшались бронзовыми навершиями в виде прорезных яйцевидных или шаровидных бубенцов, внутри которых катались железные или медные шарики. Наверху они украшены головками или фигурками животных. На втулке или стержне они помещались вертикально. Их много у меотов Кубани и у племен, живших на Ворскле. На Киевском берегу и у степных скифов их мало, конечно, потому что в силу археологической случайности в этом краю пока мало раскопано курганов VI—V вв. до н. э. Зато в царских степных курганах IV—III вв. до н. э. множество наверший, развившихся из первоначального типа. Прорезные фигуры грифонов, оленей, божеств увешивались бронзовыми бубенчиками с железными язычками и круглыми бляшками на длинных цепочках (табл. XII, XVII). Их бряцание и звон были далеко слышны.

Конюшие, сопровождавшие вождей в потусторонний мир, имели с собой железные скребницы для чистки коней; образцы их обнаружены в Чертомлыцком и других царских курганах.

Звериный стиль подал нам о себе весть, когда мы говорили о приемах украшения оружия и конских узд. Он получил свое название за своеобразно стилизованные фигуры зверей или изображения их преувеличенно заметных голов, лап, ушей, глаз, крыльев и т. п. Выполненные в чеканном, тисненном, литом, резном золоте, серебре и бронзе, в кованом железе, в резных рогах и кости такие изображения украшали много вещей, прежде всего оружие и конский убор.

Сюжеты этого стиля не слишком многочисленны. Из хищных зверей изображались лев, барс, медведь и очень редко волк. Первых скифские вожди, вступавшие в брак с фракийками, видели, бывая в гостях во Фракии, где львы тогда еще водились, вторых на Кавказе, куда скифы вторгались. Но все же это заимствованные, хотя и по-своему переработанные образы. Барс порой бывал заменен рысью и дикой европейской кошкой, еще недавно водившейся в днепровских плавнях. Такой кошачий хищник чаще всего изображался в позе присевшего на корточки и готового к прыжку, иногда свернувшимся в кольцо или полукольцо. Из хищных птиц обычен орел впрямь с распро-

стертыми по бокам крыльями и с поставленной в профиль головой. Раз а два встречены несомненные фигуры черного ворона.

Из травоядных больше всего изображались благородный олень, лось, дикий козел, кабан, очень редко заяц. Обычно эти животные представлены с поджатыми ногами, в позе так называемого летящего галопа или, вернее, среднего момента прыжка. Часто при этом голова животного повернута назад. Есть случаи, передающие не прыжок, а спокойное состояние лежащего животного. Изображения полных коней, баранов и быков не применялось. Чаще всего изображались их головы, иногда задняя нога и особенно часто конское копыто.

Изредка, заимствованные частью с Переднего Востока, а частью от греков, представлены фантастические грифоны, т. е. крылатые львы, чаще с орлиной, реже с львиной головой. Драконы очень редки. Они есть на золотых обивках деревянных сосудов (Семибратние курганы на Таманском полуострове) и в Александропольском кургане около Никополя у степных скифов.

Очень обычные сцены, иногда довольно сложные (например, лобная золотая повязка женщины из Чертомлыцкого кургана, ножны меча Ушаковского кургана у станицы Елисаветинской в дельте Дона), посвященные передаче преследования или терзания травоядного хищником (табл. XXIII). Хищника иногда заменяет орел. Такие сцены отличаются слабой динамикой. Они схематичны и мало жизненны.

Этот стиль изображал или сильных и поражающих хищников, или быстрых, чутких и способных к сопротивлению животных. Органы поражения и чувств увеличивались и подчеркивались. Пасть наполнена зубами. Когти и клюв нарочито выделены. Ухо, ноздри, глаз увеличены. Копыта вытянуты и заострены. Клювы загнуты в могучую спираль и т. д. Можно усилить все животное, особенно на плечах или тазовом поясе, изображением целого сильного зверя или его поражающего, или несущего (нога, крыло), или чуткого органа. Сами органы поражения, быстроты и чувств были темой особых изображений. Нередко сбрую коня обвешивали бляшками в виде головок орлов, грифонов, львов, барсов, медведей, волков, козлов, оленей, лосей, баранов, копыт коня, оленя, рогов (редко), крупа хищника с лапами и хвостом, лапы или когтя орла, ноги коня с копытом, крыльев птицы, орлиных глаз, ушей оленя или коня и т. д. Ручки мечей украшались сверху лапой орла или двумя друг к другу повернутыми его же головами. Несколько особняком стоят изображения рыб, известные весьма редко, только в виде конских паносников и золотых накладок на деревянных сосудах.

При всей сложности стилизации и выработанности схем очень верно передавались детали их: горбатый нос лося, приподнятая сверху бивнем губа кабана и его пяточок, выгнутая спина кошки, глаз орла и т. д.

Рассмотрим одно из произведений этого стиля — колчан из Витовой могилы в верховьях Ворсклы (табл. XX). Вдоль верхнего его края — 11 пантер, готовых к прыжку. Их плечи украшены орлиными головами. Всеми способами подчеркнута сила этих пантер. Посредине колчана большая, сильно выпуклая круглая бляха — глаз орла, обрамленная по низу бортиком с резными схематическими головками орлов одна за другой по кругу. Четыре круглых маленьких розетки — обычная схема орлиного глаза — расположены по четырем углам квадрата, в центре которого находится первая огромная бляха. Ниже полукругом шесть фигурок козлов в летящем галопе с головами, повернутыми назад. Вдоль полукруглого дна колчана ряд из 11 орлиных головок вверх клювами. Назначение колчана — носить стрелы: сила этого оружия, меткость и быстрота полета, с большим талантом выражена в каждой детали и во всей композиции в целом. Все эти бляхи — золото на фоне красной кожи.

Мотивы звериного стиля как нельзя лучше соответствуют стремлениям скифа, всадника и воина, метко поразить, быстро настигнуть, быть всегда наготове. Украшая оружие и сбрую, эти сюжеты словно призывали на всадника и коня заключенные в них свой-

ства. В то же время поражающие предметы и острые чувства словно охраняли их от беды и сглаза. Некоторые из образов зверей, как мы уже видели, могут быть связаны с богиней Апи и с Гойгосиром.

В женском обиходе на первых порах звериный стиль применялся реже. Глаз орла, его же голова или лапа, как на мече, встречаются на зеркалах или на их ручках (табл. V). Не призывают ли они ясность и неотразимость на хозяйку зеркала? На круглом щитке ручки зеркала на двух столбиках в середине задней его стороны есть изображение орлиного глаза, козла, вепря. Иногда орлиный глаз-розетка украшает головку булавки. Греческие мастера-ольвийцы изготовляли зеркала с головками баранов и статуэтками барсов на конце ручки и с фигурками оленей в летящем галопе в ее основании, а также и зеркала с ручкой на обороте. То и другое — в совершенно местном стиле. Позднее любимые детали женского туалета украшались зверями и сценами борьбы.

Утварь украшалась в зверином стиле лишь крайне редко. Известны бронзовые котлы с ручками в виде оленей и козлов. Часто ручки в виде горизонтальных сплошных выступов и края деревянных сосудов обивались золотыми пластинками, украшенными в таком же стиле. Могло обиваться ими и тело сосуда; приведем для примера рыб из золота на стенках деревянного таза из кургана Солоха, фигуры медведей на ручках сосудов Частых курганов, кабана на оковке ручки из Александропольского кургана, три трехмерных головки коней на середине ободка с края чаши оттуда же. Это, конечно, украшение, но, может быть, призывавшее на пьющего из миски свойства изображенного животного.

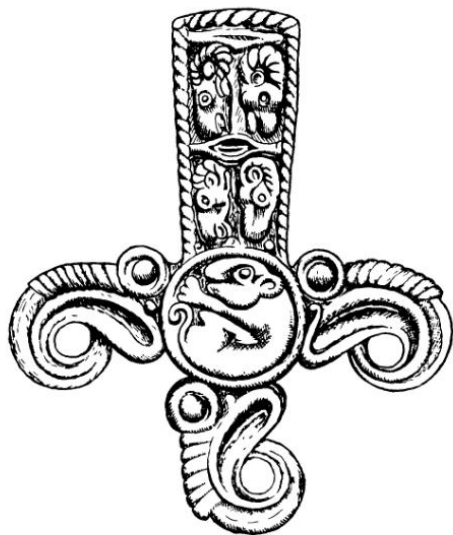
Стиль был, конечно, с самого начала отнюдь не только сакральным. Он был и декоративным: много художественного чутья и таланта потрачено на создание его шедевров. Но сначала его функции были уже, и применение имело довольно ограниченные и определенные обычаи рамок. К тому же в VI в. он безразлично обычен и в могиле рядового общинника, и в городищенских слоях, и в аристократическом обиходе всадника-аристократа. Но уже в V в. он становится все более и более декоративным. Правда, в прежнем духе украшаются оружие и сбруя, но и нашивавшиеся на одежду бляшки, и золотые ленты, диадемы цариц, и поясная пряжка царя, и браслеты, и гривна — все чаще теперь украшались в том же стиле, явно распространявшемся на все предметы обихода, но ставшем прерогативой царя, всадника-аристократа и их жен и приближенных. Вещей в зверином стиле полным-полно в так называемых царских курганах и почти начисто нет в сотнях рядовых курганов степняков-общинников и в слоях могучего Каменского городища. То же самое — в лесостепи и на Кубани.

Большинство вещей выполнено в очень невысоком рельефе или неглубокой гравировкой на плоскости. Трехмерность почти отсутствует. Она есть только на вершинах архаических наверший, в той же манере выполнялись налобники, главным образом в виде протом грифонов. Совершенно особняком существуют стоящие фигурки хищников, у которых тело выполнено невысоким рельефом, а голова повернута прямо к зрителю и трехмерна. Таких фигурок очень немного и все они относятся к рубежу VI—V вв. до н. э.

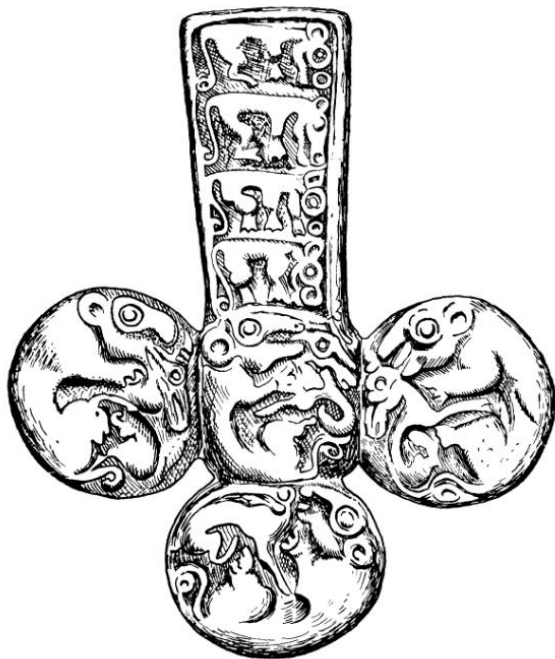
Животные трактованы в раннее время (VI—V вв.) большими, резко ограниченными участками тела. Это явное перенесение на них приемов резьбы по дереву. В V—III вв. фигуры животных и их детали становятся по большей части вытянутыми в длину и как бы истощенными. Сухие и небольшие мускулы вытесняют прежнюю манеру, хотя схемы, кроме согнувшейся в кольцо кошки, остаются в общем прежними. К IV в. в звериный стиль проникли греческие растительные мотивы, особенно пальметки и побеги. Иной раз они переплетаются со звериными изображениями. Совершенно поразительны в этом отношении нащечники с вычурными контурами задних лап хищника. На многих из них центральная часть пластины занята контурами сидящего орлиноголового грифона. Его голова и шея — орлиные. Контуры лап, туловища и крыльев превратились в пальметки, но силуэт сказочного зверя легко определяется.

Греческие мастера из соседивших со скифами колоний быстро начали изготовлять вещи со звериными изображениями, часто в совершенстве передавая сюжеты и прием звериного стиля в скифском духе. Особенно еще в VI в. успели в этом деле ольвийские греки. На почве Ольвии найдено несколько форм для отливки бляшек в зверином стиле, есть оттуда же и резные костяные вещи. В самой Ольвии в погребении VI в. обнаружена типично скифская крестовидная бляха в зверином стиле из числа тех, что известны и собственно скифской работы и которые употреблялись то как наносники для коней, то как украшения ремней, прикреплявших к поясу гориты и колчаны. Особенно же удачны были греческие по типу уже упомянутые зеркала, украшенные на конце ручки бараньей головкой или статуэткой пантеры. Они столь удачно подражали местному стилю и так привились, что не только широко шли на Дунай, Днестр, Буг и Днепр, но проникали даже на Кавказ, Волгу и на далекий Урал, вплоть до городов Бузулука и Орска.

Мастера Пантикапея и Фанагории также сумели дать превосходные образцы звериного стиля (табл. XVII), начиная с VI и до III в. до н. э. Недаром же они соприкасались со скифами Крыма и с меотами Кубани. Превосходные серебряные псалми из курганов Ульского аула явно сделаны греком: руку греческого мастера выдает гравировка львиных фигур на их поверхности. Еще раньше по времени котел с ручками в виде оленей в ионийском стиле, найденный там же. Роскошный герб со щита из Семибратних курганов с оленихой и олененком тоже по динамичности сцены вполне мог выйти из рук грека. Туда же может быть отходят и золотые обивки с фантастическими зверями и с совершенно греческой по трактовке сценой — орел терзает зайца. Нечего и говорить о превосходном гербе из Куль-обы — лежащем олене, столь хорошо передающим ту же схему, что и в Костромской станице (табл. XVI), с некоторыми изменениями в стиле. Но украшение шеи фигуркой собаки и живота — фигуркой зайца совершенно невозможно в

а

б

Бронзовые крестообразные бляхи в зверином стиле:

а — от колчана из Ольвии; б — от горита из кургана Опишлянка на р. Ворскле

местном зверином стиле, в котором подчеркивались плечи и бедра. Грек-мастер понял сюжет в целом, но не сумел стилизовать его по-скифски, усилив только плечо львом и бедро грифоном, как это не сделал бы меот. Этот олень — решительное подтверждение роли Боспора в создании шедевров торевтики, вышедших из его мастерских и известных в «скифских» курганах на Дону, Днепре и его притоках в V—III вв. до н. э.

Но не только в этом отношении повлияли мастера-греки (на Боспоре среди них и эллинизованные варвары) на звериный местный стиль. Изготавливая гориты, мечи и другие вещи по скифо-меотским образцам, эти мастера покрывали их своими мифическими сценами или эпическими и бытовыми скифскими (горит Солохи, Кульобский и Воронежский сосуды и т. п.), но при этом, отвечая вкусу потребителя, прибавляли в виде дополнительных изображений сцены терзания оленя грифонами, львами или барсами.

Сцены терзания, выполненные греками, отличаются реализмом и динамичностью и тем самым вносят новую струю в звериный стиль. Помимо того они добавили к звериному местному стилю свои растительные орнаменты, о чем уже говорилось.

До сих пор неясно, откуда произошел этот стиль. Во всяком случае, предскифское время на изучаемых территориях его еще не знало. Попытки произвести его на Урале или в Сибири от немногочисленных изображений зверей эпохи поздней бронзы (Горбуновский торфяник и сейминско-турбинские памятники на Урале, карасукская культура в Сибири и Казахстане) явно насильственны: не совпадают ни сюжеты, ни приемы стилизации, ни функции. В VI в. в тагарской культуре Сибири прослеживаются те же мотивы и приемы, но они много беднее одновременных скифских и скорее зависят от них. На Урале и Каме, в лесных могильниках и городищах ананьинской культуры, они никак не раньше скифских. Из всего этого вытекает, что он для скифских, меотских и лесостепных племен — новообразование второй половины VII в. Есть вещи смешанного урарто-ирано-скифского стиля, например меч и секира из Келермеса, меч из Литого кургана. Есть подобные единичные находки в Иране. Древнейшие из них и наиболее полные по набору происходят с Кубани. Нам представляется возможным, что здесь они и сложились в основном, как и вся эта группа сходных предметов, быстро проникнув затем при скифских походах в Иран, в степь и в связанную с ней лесостепь. Конечно, это только предположение; раз проникнув в степь и лесостепь, этот стиль одновременно и параллельно развивался и здесь. Гипотеза же об алтайском и среднеазиатском истоках этого стиля неприемлема хотя бы потому, что эти области достигли полного расцвета звериного стиля тогда, когда в скифо-меотском мире он стал глхнуть. Впрочем, в них этот позднейший стиль — результат развития всего того, что жило в Причерноморье начиная с конца VII в. Однако в последнее время в Казахстане и на Сыр-Дарье было обнаружено несколько находок звериного стиля заведомо начала VI в., правда, более всего близких к савроматским.

В конце последней войны были сделаны находки в северном Иране с изображениями зверей в переднеазиатской ирано-ассирийской трактовке и в чисто скифской манере. Ряд сюжетов, а также передача сухощавой мускулистости зверей, действительно, заимствованы скифами и меотами из Передней Азии. Но изображения в скифском духе, сходные с келермесскими на Кубани и другими подобными, не восходят ранее, чем к рубежу VII—VI в. до н. э. Следовательно, иранские находки не раньше, само предположение о тамошнем исходе звериного стиля меотов и скифов невероятно и теперь остается только предположением.

Человеческие изображения (табл. XI) в скифском искусстве малочисленны и не выходят за пределы двух-трех простейших застывших схем. Воин представлен в виде каменного четырехстороннего столба, со слабым рельефом или, вернее, резьбой. Лицо схематично, правая рука на груди держит ритон, левая положена на горит. Меч и горит занимают свои обычные места. И то и другое схематично, но соответствует действительности и приторочено к пластинчатому поясу. Иногда бывают дополнительные мелочи:

гривна на шее, нагайка у пояса, панцирь или лук с орнаментом в зверином стиле и т. п. Известно около 20 таких фигур, стоявших на курганах. Они происходят с Кубани, с Нижнего Дона, из Приазовья, степей Нижнего Днепра и Буга; недавно они найдены и в лесостепи. Может быть они изображают героизированных покойников. Несколько каменных изваяний скифов известны с территории Добруджи. Есть, как мы уже видели, небольшая группа божеств. В этих редких человеческих фигурах скифской работы чувствуются заимствования от греков, но идея своя или издавна очень привившаяся.

Не в этом выражалось основное греческое влияние на антропоморфные сюжеты скифской работы. В IV—III вв. до н. э. одежда скифских аристократов обшивалась золотыми бляшками с геометрическими, растительными, звериными, человеческими изображениями. Эта мода воздействовала на скифское искусство. В нем появились бляхи собственной работы со сценами охоты на зайца (Александропольский курган), с двумя всадниками, скачущими друг на друга (где-то в Херсонской области), бой всадника и пешего, скиф с клевцом-скипетром на троне (Аксютинцы) и т. п. Можно отметить несколько мотивов, словно иллюстрирующих передаваемые Геродотом легенды. Часть из них может быть связана с почитанием Таргитая-Геракла, предка скифов. Такова сцена сражения вооруженного мечом героя с львиноголовым грифоном, пожирающим другого зверя на навершии из нижнеднепровского кургана «Слоновская Близница». Есть нащечные круглые из золота бляхи, на которых лицо молодого бога окружено семью головами быков. Не Геракл ли это второй этногонической легенды среди быков Герiona? Пара серебряных нащечников Александропольского кургана изображает молодого скифа, на скаку преследующего зайца, — мотив Геродота о несостоявшейся битве персов со скифами, когда скифы увлеклись охотой за зайцем, пробежавшим перед их боевым строем.

Те же мотивы встречаются и в более тонком греческом боспорском исполнении. Змееногая богиня-прародительница фигурирует на нашивных бляшках из Кульобского кургана, на конском наноснике из Цимбаловой могилы у с. Б. Белозерка, на ручке серебряной чаши из Чертомлыцкого кургана. В Кульобе есть нашивная квадратная бляшка с изображением бородатого скифа, поражающего зайца копьём. На золотом гребне из кургана Солоха два пешеходных воина нападают на всадника.

Во всех изучаемых областях наблюдается, по-видимому, довольно много общего в костюмах и женском и мужском. Во всяком случае он одинаков при изображении туземцев на греческих вещах из золота и серебра (табл. III, VIII—IX, рис. на стр. 139). Сходен с этими изображениями и костюм каменных скульптур воинов. Впрочем, у меланхленов, т. е. «носящих черные плащи», был свой, по крайней мере, верхний костюм. Мужской костюм состоял из кожаной безрукавки-панциря, отороченной мехом и застегивавшейся на левую сторону, из нее выходили рукава мягкой рубахи, длинные и складчатые. То узкие, то широкие штаны опускались до щиколотки, где они заканчивались над кожаными мягкими полусапожками без каблуков, обтянутыми у той же щиколотки ремнем. Вышивка покрывала и камзол-безрукавку и штаны в виде плавных завитков и волн. Может быть, бывали и вышивки в зверином стиле, но нам они неизвестны. О поясе и головном уборе говорилось в связи с оружием. Геродот рассказывает о меховых тулупах.

Женский костюм известен хуже. Это длинное складчатое платье. На голове нередко мягкое покрывало, ниспадающее до пояса (табл. VIII—IX, рис. XIV). Был и другой головной убор, на котором остановимся ниже.

Мужчины ходили с бородами. Известны гребни с редкими зубьями для их расчесывания, но таких гребней немного. Наиболее известен и не раз уже упоминался золотой гребень из Солохи. Есть костяной с золотой ручкой в зверином стиле из Частых курганов под Воронежем и костяной откуда-то из лесостепи, хранящийся в Киевском музее. Вероятно, в ходу было немало деревянных гребней, до нас не дошедших. Конечно, не в меньшем числе были они и в женском обиходе.

Зеркала — повсеместная деталь женского обихода. Они известны с начала VI в. одинаково как греческие, так и туземные. Греческие зеркала разнообразны по форме (табл. V). Помимо собственно греческих из Ольвии еще поступали зеркала в зверином стиле, о которых уже говорилось. Для VI в. обычны три формы собственно местных зеркал: 1) с ручкой на обороте в виде кружка на двух ножках, 2) с петелькой на обороте, имевшей остроугольную форму, и 3) с ручкой на краю.

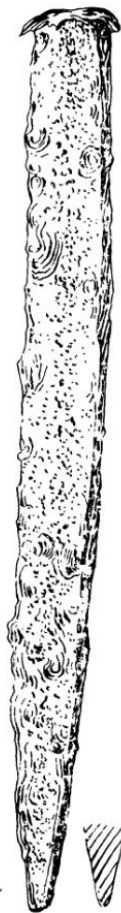
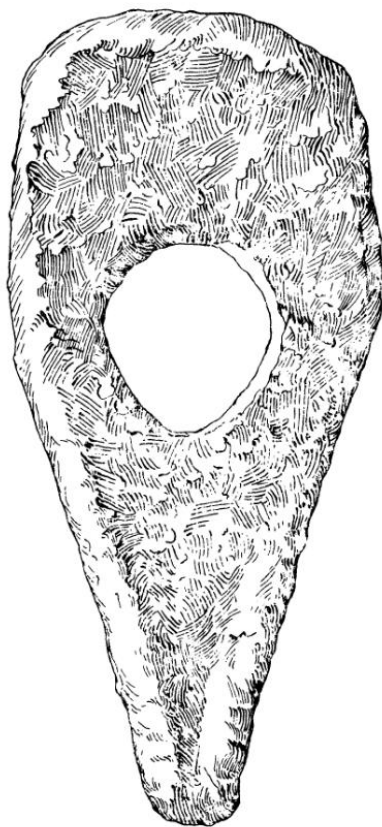
Головной убор мужчины известен, иногда башлык покрывался драгоценным футляром тигровой (Куль-оба). Женский убор то имел остроконечную форму, если судить по золотой пластине с изображением богини в таком уборе (курган Карагодеуаш на Кубани) или расширялся вверх, нередко покрывался двумя-тремя золотыми полосами с растительным узором из вьюнков, а то и в зверином стиле со сценой борьбы зверей (Куль-оба, Чертомлык, Аксютинцы — курган 1902 г. и др.). К ним подвешивались сверху и снизу каплевидные привески. Уборы эти дополнялись серьгами и височными привесками.

Что такой сверкающий золотой головной женский убор обычно греческой работы возник как местный, видно по известному головному убору из кургана у хутора Синявки близ Канева: там на лбу черепа сохранилось два ряда треугольных блях, имевших по углам по три выпуклых кружка; на темени — три ряда олений в летящем галопе. Все это нашито было, конечно, на какое-то истлевшее мягкое покрывало.

Височные «гвоздевидные» привески имели в эпоху VI—V вв. до н. э. вид выпуклой круглой бляшки со стерженьком, согнутым в колечко на обороте с шишечкой на конце. Они есть в лесостепи и в Крыму. Из степи известны только драгоценные, с головой льва на бляшке и головой барашка на конце стерженька. Они известны в числе нескольких штук еще в Ольвии. Они проникали и на север, вплоть до Тясминских курганов. Есть и еще кольца греческой работы и разных форм. Серьги не очень многочисленны. Большею частью они греческой работы и потому разнообразны, встречаются и в степи и в лесостепи, но довольно редки. В IV—III вв. очень распространились серьги в виде довольно большого кольца из тонкой, иногда реберчатой, перекрученной проволоки, железной, медной, серебряной и даже золотой. На такую проволочку напускалась бусина или подвеска. Иногда напускалось по несколько бусинок. Женщины носили такие серьги в каждом ухе, мужчины — в одном.

Шейные украшения местного характера — гривны. Они, впрочем, тоже не очень обычны и почти совсем отсутствуют в рядовых погребениях. Часто это просто кольцо из четырехгранной перекрученной золотой или иной проволоки с петелькой и крючком на концах. Есть немногочисленные медные гривны с головками хищников на концах. Это — типы VI—V вв., по-видимому, более всего свойственные лесостепи. Нередко встречаются гладкие золотые гривны с незамкнутыми концами. В VI—III вв. появляются роскошные золотые гривны царских погребений. Все они греческой (боспорской) работы с разными украшениями на концах: протомы всадников-скифов на мужской гривне из Куль-обы, львы, тянущие гордиев узел, на концах гривны из Солохи и т. п.

Ожерелья из бус есть в женских и детских погребениях. Они меняются сообразно с греческой модой. На рубеже VI—V вв. это гладкие или крупнорубчатые бусы прозрачного стекла с большими отверстиями. С этого же времени и до IV в. были распространены пастовые — синие, темно-красные и желтые бусы с различными выпуклыми, часто белосиними глазками. С IV в. много гладких стеклянных бус цилиндрической, яйцевидной, гирькообразной, пирамидальной и т. д. формы. Впрочем, живут и пастовые бусы, в особенности, синие с белыми глазками, правильной цилиндрической и шаровидной формы. Появляются в эту пору рубленные бусы и бисер синего, желтого, красного цвета. Все это привозное. В рядовых погребениях всего по несколько бус в ожерелье, в царских — обильные ожерелья. Особенно интересно, что в Мелитопольском кургане обильные бусами ожерелья лежали в специальных ларчиках. Из местных бус известны только дутые, золотые яйцевидные и боченкообразные с выпуклым орнаментом.

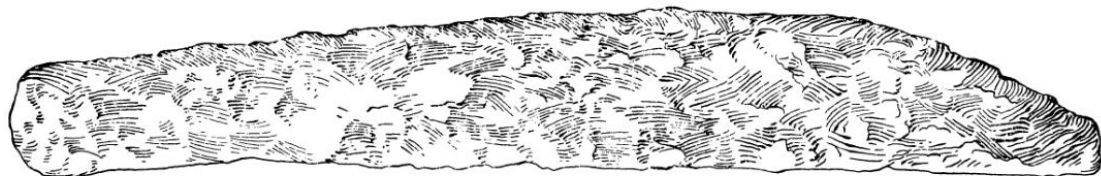

a

б

в

г

Металлургические орудия и железные ножи:

— молот-пуансон с Каменского городища; б — пробойник стлуда же; в — нож с костяной ручкой из с. Жу-
рошки; г — нож с пластинчатым черенком для костяной ручки с Каменского городища

Очень интересно преимущественно мужское (Солоха и Чертомлык) наплечное украшение в виде сетки, на нити ячеек которой надевались золотые цилиндрические зубчатые пронизи, разделенные на узелках мелкими бусинами. Такие же в IV—III вв. до н. э. бывали на Переднем Востоке.

Браслеты встречаются нечасто. В разных местах этой территории есть случаи находок плоских незамкнутых браслетов с головками хищников или змей на концах. На Северном Кавказе известны выпуклые массивные браслеты в таком же духе. Особенности Посулья — массивные замкнутые ножные и ручные браслеты круглого сечения. Есть немало браслетов греческой работы, очень разнообразных. Отметим золотые широкие браслеты со сценами терзания и с растительными сложными орнаментами из Куль-обы.

Перстни тоже не слишком обычны. Разнообразны греческие. Характерны местные перстни: гладкий круглый щиток, от которого идут загнутые друг на друга узкие и острые пластинки, образующие полукруг для надевания на палец. Эти местные перстни нередки в богатых курганах — из золота и в небогатых — из бронзы. Последних много найдено на Каменском городище. Они распространены всюду, кроме Кубани.

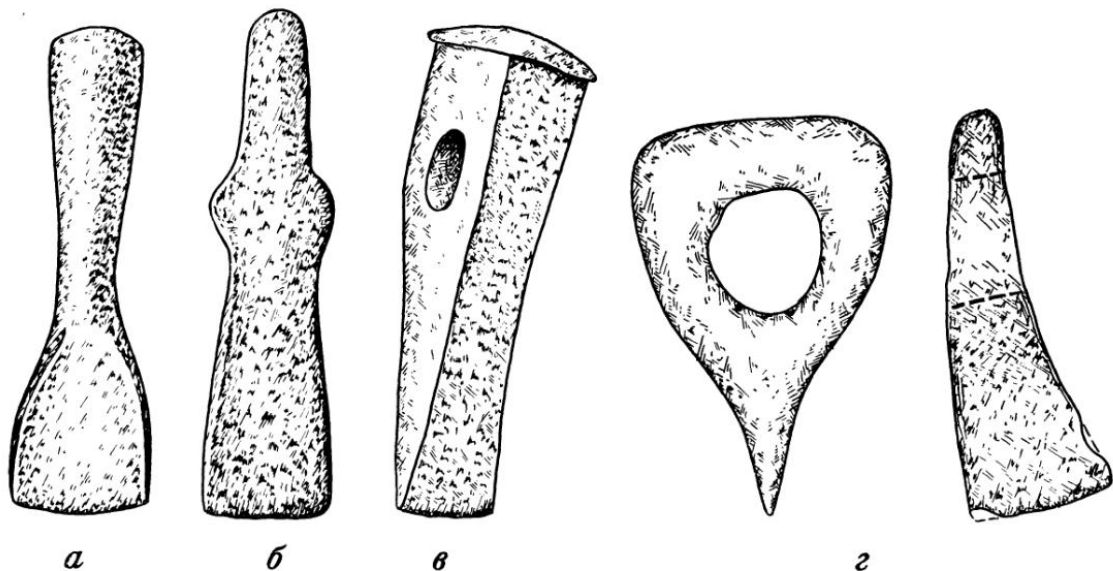
Есть один тип украшений — булавки, — реже головные, чаще скалывавшие одежду (рис. на стр. 159). Их больше на севере в лесостепи обоих берегов Днепра. Там есть гвоздевидные булавки с плоской широкой шляпкой, украшенной розеткой — глазом орла. Есть с шишечкой наверху и расширением в середине. Есть с простым завитком или большой петлей со спиралью внизу. Первые и последние свойственны более VI в. до н. э. Есть ли они в степи, неясно. Там булавок более всего известно на Каменском городище. Они иных форм и чаще железные. В могилах степей они почти не попадаются.

В III—II вв. до н. э. в степи появляются, вероятно, через Дунай, из Ольвии простейшие гладкие латенские фибулы (ср. наши английские булавки) с хвостиком, идущим от приемника к дужке. На севере в лесостепи, уже после скифского времени, фибул много, они разнообразны и появились, очевидно, через Среднюю Европу.

В орудиях и утвари тоже было много общего. Племена, как собственно скифские, так и соседние с ними, делились на кочевые, скотоводческие и земледельческие. У последних аристократический слой был всегда всаднический и, возможно, кочевой. Там, где племена различались по своему хозяйству, кочевники господствовали над земледельцами. Так, по крайней мере, было у скифов и кубанских меотов. В скотоводстве между лесостепью и степью заметны различия в составе стада. В ворсклинско-тясминской и в посульско-донской культурных группах заметное наличие свиней позволяет считать это скотоводство более оседлым. Земледелие было пахотным, судя по легенде о происхождении скифов, где среди священных предметов с неба упал золотой плуг. Если судить по изображению плуга на боспорских медных монетах эллинистической эпохи, это был составной плуг греческого типа, именно плуг, а не соха. Близок ему и деревянный плуг Сумского музея. Судя по легенде, он имел иногда металлический лемех. Из орудий уборки нам известен только серп. В степи он со столбиком на конце ручки. В лесостепи он или такой же, или с крючком вместо ручки. Первый слабо изогнут в пологую дугу. Второй с изогнутой спинкой и слабо выгнутым лезвием продолжает в новом материале — железе традицию крюкастых серпов эпохи бронзы. Он обычен в Посулье и на Донце. На Кубани серпы близки каменским, но угловатого изгиба. Зернотерками, перерабатывавшими хлеб, повсеместно были тяжелые овальные камни длиной до метра с большим овальным терочником.

Однако на нижнеднепровских поселениях, вплоть до акрополя Каменского городища, также и на Кубани появились с среднеэллинистического времени греческие качающиеся прямоугольные жернова. Это — одно из положительных греческих влияний.

Большое сходство изделий металлургии заставляет предполагать и сходство мастерства. Даже в мощном металлургическом центре на Каменском городище в руках одних и тех же мастеров сосредоточивалась вся металлургия, начиная от сыродутного де-

Железные деревообделочные орудия:

а — стамеска; б — тесло; в — топор, найденный в Частых курганах под Воронежем; г — топор с Островежского селища на Донце

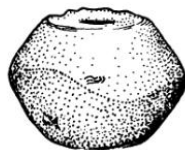
ла, отковки орудий и литья бронзового котла до изготовления ножа и булавки. Все это делалось в пределах одной семьи, а иногда, может быть, рода. Так же выглядела металлургия и на Бельском городище. Но там нет такого сосредоточения металлургов, как на Каменском городище, где концентрация их могла быть вызвана необходимостью, связанной с образованием Атеева царства.

На меньших поселениях тоже заметны следы металлургии, в том числе и на малых городищах посульско-сейминского культурного варианта. Следовательно, сохранились и мастера, обслуживавшие свой родовой поселок. В лесостепной полосе есть некоторое отличие, а именно: от Сейма на юг, вплоть до Ворсклы и Донца, встречаются льячки-ложки тех же типов, что и в лесных городищах Белоруссии, Средней России и Приуралья, ее предпочитали льячкам степной формы.

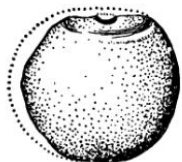
Металлургические орудия пока что известны мало. Есть тяжелый круглообушный молот-пуансон для отковки панцирных чешуек. Встречаются разных размеров зубила и пробойники. Все это с Каменского городища, хотя следы металлургии есть и на Шарповском и на Бельском городищах лесостепи, да и в других местах. Это, конечно, дело археологической случайности.

Немалое значение имела в VI—V вв. до н. э. резьба по кости и дереву. Специальных орудий для нее нет. Мастерам служили, очевидно, ножи, столь обычные на поселениях и курганах. Ножи с горбатой спинкой имели реже прямое, чаще серповидное лезвие, с равным лезвию по ширине черешком, который с середины VI в. покрывался костяной, иногда граненой пластинкой на заклепках. Эти же ножи служили и для любых бытовых функций: чаще всего их находят при заупокойной пище мертвеца. Они бытовали повсеместно. В лесостепях кроме этих ножей бытовали и ножи со стержнем-черешком.

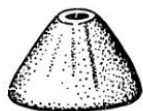
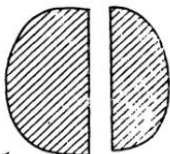
Дерево в быту, даже степном, было в значительном ходу и как поделочный материал при изготовлении частей орудий и оружия, и как строительный материал. Для его обработки употреблялись специальные орудия, которые, однако, известны только в единичных экземплярах. Распространение их можно только предполагать в связи с общим

а

б

в

Глиняные и свинцовое прыслица с Каменского городища (в — свинцовое)

выделывалось деревянной посуду, известной и в степи, и в Аксютинском могильнике, и в Частых курганах.

Немало было домашних работ. Обрабатывались кожи, которые широко шли на одежду и на доспехи. Пряли и ткали коноплю и шерсть; отпечатки тканей обычны на днищах горшков в скифской степной культуре. С Каменского городища известны сечкообразный резак для кожи и нож такого же назначения — с прямой спинкой и дуговидно выгнутым лезвием. Каковы они были в других местах, неясно. Нити прялись и сучились на веретенах с обязательным прыслищем. Прыслища в общем сходны и в раннее и в позднее время, и в степи и в лесостепи. Глиняные — конические и биконические, нередко орнаментированные точками и бороздками. Свинцовые — конические, иногда с вертикальными бороздками; они также встречаются повсеместно. Шили железными иглами, с ушком, длиной от 4 до 20 см. Шилья с насадом и без насада, четырехгранные, таких же размеров. В общем они везде сходны.

В VII—V вв. всюду в лесостепи бытовали проколки из сколов трубчатых костей и из грифельных костей лошади. На Бельском городище и на Каменском встречены берца лошадей и плюсны коров со срезанными продольными плоскостями, сильно заполированными. Это, по современным данным, гладилки для выделки кож. Они встречены также и на скифских поселениях. Так выражено на большом пространстве культурное единство в домашнем ремесле.

Есть еще вещи, неизвестные в рядовом обиходе, но обычные на всей этой территории в быту аристократии (табл. X). Это литые бронзовые котлы на коническом поддоне. Обычно у них две ручки, украшенные тремя шишечками. Иногда ручки имеют вид животных: козлов в Чертомлыцком кургане, оленей — в Ульском ауле. Они появляются в середине VII в. (Кубань) и живут до конца, уходя в сарматское время. Их знал Геродот и сравнивал с одной из форм греческих кратеров. Сам отец истории видел

сходством на изучаемой территории металлических изделий. Известны топоры с довольно широким наварным лезвием и круглым проухом; обух гладкий и округленный (Каменское городище и Частые курганы). Нередки рабочие топоры-колуны с клиновидным лезвием и тупым широким обухом. Есть один обломок пилы с крупными зубьями с Каменского городища. Стамеска со втулкой для деревянной ручки найдена в Частых курганах, там же, где топор. Из того же кургана и из некоторых других лесостепных происходит тесло с выступами по бокам для прикрепления. Но его применение в роли мотыжки для копки земли известно по следам на стенках грабительских ям и могил повсеместно. Такое орудие известно с чернолесского времени. Наиболее интересны два орудия — желобчатые лопатки, с острыми краями, в ладонь величиной, одна втульчатая (Мастюгинские курганы), другая — черешковая (Кузина гора — городище на Сейме). Это, по-видимому, инструмент для выделки бочечных клепок. Они бытовали от Воронежа до Курска, т. е. на протяжении очень большого участка лесостепи между Доном и Днепром. Бондарное дело указывает на возможное изготовление пива, квашеной капусты или чего-нибудь подобного.

Деревянными постройками к жизни было вызвано много форм гвоздей, костылей и различных скоб. Много

огромный священный котел, емкостью в триста амфор, стоявший в священном месте на границе алазонов и скифов-пахарей.

Среди множества греческих драгоценных сосудов аристократического обихода — рог-ритон и круглый с цилиндрическим горлом сосуд — обычны в могилах. На золотых бляшках они изображены в руках скифов во время ритуального приобщения перед женским божеством. Нередко они золотые и серебряные и сделаны боспорскими греками. Есть они на Киевщине, в степи, в Воронежской группе, т. е. общи всему скифскому по культуре миру.

В ряде случаев встречена деревянная утварь. И в степных курганах аристократии, и в лесостепных деревянные миски со сплошными ручками-упорами, иногда полукруглыми, украшались золотыми накладками. В воронежских Частых курганах известна одна такая накладка с изображением медведя, другая в виде фигурки орла. В Александропольском кургане это фигурка кабана из золота, там же край сосуда был отделан золотым ободком с тремя конскими головками. На теле одной такой миски из кургана Солоха были прибиты пластинки золота с изображением рыб.

Известны из кургана Солоха серебряные расширяющиеся книзу кубки с полукруглыми горизонтальными ручками-упорами. Один со сценой охоты на львов и другой — гладкий. В одном из рядовых курганов под Никополем был найден деревянный сосуд с такими же ручками.

В Государственном историческом музее в Москве хранится деревянная миска с бронзовыми ручками, как у котлов. С ней вместе — деревянная рюмка на ножке. Из первого погребения кургана Солоха происходит простой деревянный ковш, найденный внутри бронзового котла.

Пока только в рядовых курганах Никополя известны деревянные, сшитые железными скрепками решетки, на которые клалось напутственное мясо.

В женских степных курганах и на Каменском городище известны только в обломках каменные блюда с низким бортиком. В лесостепи их известно несколько овальных или ладьевидно заостренных. Они украшались иногда головкой барана или полной фигуркой медведя.

МЕОТЫ ДОНА. ОСОБЕННОСТИ БЫТА МЕОТОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА. ИХ ПОСЕЛЕНИЯ И ПОГРЕБЕНИЯ

еоты Нижнего Дона и его дельты были известны Геродоту. Известны и оставленные ими археологические памятники скифского облика с VI по IV вв. до н. э. Ни один из авторитетных древних писателей никогда не считал их скифами. Основная масса меотов обитала, впрочем, на восточном побережье Азовского моря и на Кубани. Сейчас мы остановимся на меотах Подонья. Гекатей Милетский (конец VI в. до н. э.) как и какой-то безымянный местный источник IV в. до н. э. называют это племя иаксаматами. Ему приписывается, как и савроматам, самостоятельное положение женщин и воинственность их быта. Рассказывается легенда о меотской царевне Тиргатао, которая, оскор-

бленная своим мужем, царем синдов, убежала на родину и, явившись назад с войском, жестоко отомстила своему деспотическому супругу.

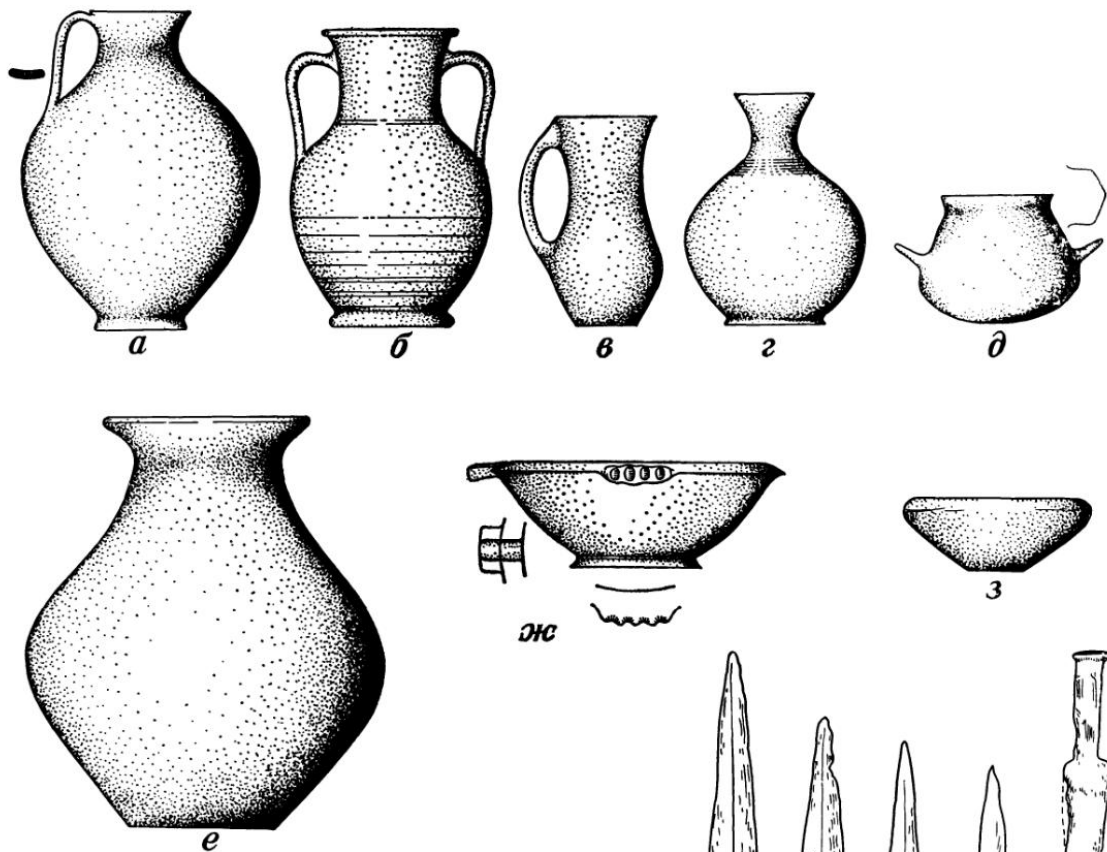
Меотам Нижнего Дона, и прежде всего донской дельты, должно принадлежать Елисаветовское городище, которое лежит на восточном, ныне недействующем устье Дона. Площадь его несколько больше 1 км². Оно состоит из двух рядов земляных укреплений — внешнего обвода с воротами на юг и акрополя. Акрополь расположен внутри города. План города и акрополя — равнобокая трапеция, обращенная широким основанием к реке. Небольшие, но тщательные раскопки показали, что город был заселен сплошь. Дома строились из плетня и обмазывались глиной. План их не выяснен. Рас-

копки дали множество греческой импортной посуды со второй половины VI до III в. до н. э. Зато керамика местная совершенно такая же, как у самих скифов, и по формам, и по орнаменту, и по приемам лепки. Вокруг городища обширная группа курганов. Под их насыпями — прямоугольные ямы, перекрытые тростником (его много в дельте Дона) и деревом. Покойники лежат на спине головой на запад, с тем же расположением оружия и нашивных золотых бляшек, что в степных курганах общинников, и тех же образцов. Но степных катакомб здесь нет ни одной. Только эти курганы богаче греческими вещами: в каждой могиле по несколько амфор с вином, краснофигурные и чернолаковые котилы, скифосы, канфары, килики и другие чаши для вина. Некоторые из небольших курганов Елисаветинского курганного некрополя богаты: в одном из них найден меч (табл. XXIV) в золотых ножнах с изображением львов, преследующих кабана, в очень древнем, еще VI в. до н. э. зверином стиле; меч из другого кургана очень близок по форме и стилю с мечом из кургана Солоха, только сцена на его ножнах иная: оленя терзает грифон.

В эту же курганную группу входит подгруппа больших курганов «Пять братьев». Недавно они были раскопаны. В одном оказался каменный прямоугольный склеп с длинным каменным дромосом, полное повторение склепов прикубанских меотов. Среди исключительно богатого инвентаря были найдены меч в золотых ножнах, с рукоятью и сценой боя греков с молодыми варварами (табл. XXIII) и золотой горит со сценой узнавания Ахиллеса Одиссеем (табл. XIX). Обе вещи сделаны на тех же формах, что и чертомлыцкий и др., но с небольшими подправками и изменениями. Весь облик этой меотской нижнедонской культуры тот же скифский степной. В последние годы раскопки городища и «Пяти братьев» вел ленинградский археолог В. П. Шилов. Это был, несомненно, центр передаточной торговли вглубь по Танаису к савроматам и будинам, обогативший население города, в том числе даже рядовых воинов-общинников. Конечно, вполне можно предполагать, что мы встречаемся здесь с военно-демократическим обществом, вероятно, в конце концов достигшим первых элементов примитивного рабовладельческого государства. Городской характер изученного торгового поселения, при общей близости культуры с таковою уже достигших государственности скифов, позволяет предполагать его у меотов Нижнего Дона. На север их территория простиралась, должно быть, не очень далеко: ведь в трех днях пути от устья Дона в V в. при Геродоте начинались кочевья савроматов.

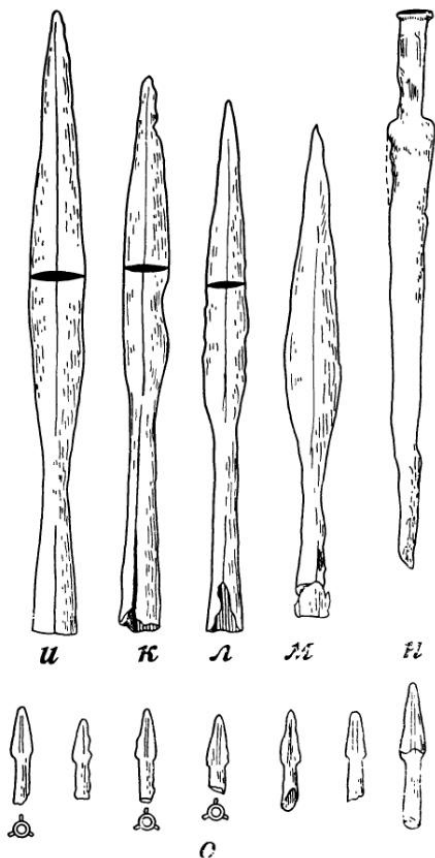
Меотами в узком смысле слова назывались племена, населявшие побережье Азовского моря (Меотиды). Но античные писатели причисляют к ним и племена всего Таманского полуострова (тогда группы островов), в том числе и синдов, живших на острове Синдике. С середины IV в. до н. э. весь Таманский полуостров вошел в состав Боспорского царства. В титулатуре боспорских царей появились меоты, синды и фатеи (одно из меотских племен). Однако изучение поселений, по большей части укрепленных и сопровождающих эти городки бескурганых некрополей, убедительно говорит о том, что с конца бронзового века в этих поселениях от Армавира до станицы Марьинской в среднем течении р. Кубани (Гипаниса у одних и Антикита у других античных авторов) жило однокультурное население.

Его быт и погребальный ритуал отличались таким однообразием и были столь сходны с памятниками Синдики, что трудно считать это население разнородным. Вероятно, это были все те же меоты, но разные их племена, составлявшие отдельные этнические и политические образования, хотя и родственные друг с другом. Площадь городков невелика, но все же по несколько гектар. Они укреплены валами и рвами, а также имеют небольшие внутренние укрепления — акрополи малых размеров. По левобережному притоку Кубани Лабе известно несколько таких же городищ, но они не имеют акрополей. Почти все эти городки и их некрополи открыты и нанесены на карту, начиная с тридцатых годов текущего века известным знатоком археологии северо-западного Кавказа Н. В. Анфимовым. Пока еще не очень большие раскопки показывают, что нижние слои

Керамика и оружие из меотского грунтового
могильника у станицы Пашковской:

а — з — керамика и — м — наконечники копий; н —
мечак-нак кубанского образца о — железные трехло-
пастные втульчатые наконечники стрел

на некоторых из них восходят к VI, а то и к VII в. до н. э. В этих случаях в слоях встречаются черные лощеные черпаки и ковши с высокой вертикальной ручкой и с двумя острыми ушками на ее перегибе, есть биконические и грушевидные корчаги и глубокие миски. Эта керамика, несомненно, очень близка сосудам горных тавров Крыма и племен Среднего Приднепровья. Она также часто украшалась нарезным геометрическим узором, иногда заполненным белой инкрустацией из какой-то пасты. Такое близкое сходство, несомненно, результат тех энергичных торговых и культурных межплеменных сношений, которые существовали в течение многих веков. По мнению знатока этой керамики Н. В. Анфимова, она бытовала здесь до IV в. до н. э., т. е. дольше, чем на Днепре и в Крыму. В это же время, как считает тот же ученый, возникли укрепления на этих до IV в. незащищенных поселениях.

Близ Краснодара расположено значительное по величине Елисаветинское городище (около 11 га). Оно возникло где-то в IV в. до н. э., а эпоха его расцвета падает на III—II вв. до н. э. Его исследовали в тридцатых годах профессор В. А. Городцов и в пятидесятых — В. П. Шилов. На нем открыто около десятка гончарных печей и при них керамический брак. С IV в. изготовленная здесь посуда, сделанная уже на гончарном кругу и по-своему перерабатывавшая местные и античные формы, распространилась по описанным городкам и шла в соседние степи Прикубанья. Это — яйцевидные кувшины с ручкой, миски с загнутыми внутрь краями на небольших ножках или поддоне и очень своеобразные канфары. Цвет лощеной посуды серый и красновато-коричневый. Изготавливались тут и остродонные амфоры для вина. Это был своеобразный центр выпуска гончарной керамики для Прикубанья. В быту Елисаветинского городища много черт сильной эллинизации. Тут много греческой бытовой и столовой посуды, много обломков клейменных средиземноморских амфор, особые четырехугольные жернова, зернотерки греческого типа с насечками, из которых верхний был подвешен над нижним и вращался по нему взад и вперед за ручки по бокам. Много на этом городище боспорских монет. Но при всем том негреческий туземный характер населения очевиден. Жилища строились из сырцовых неформованных вальков из глины с соломой. Они были невелики и напоминали современные кубанские хаты.

Могины VI—V вв. до н. э. есть в Усть-Лабинском и Пашковском могильниках. В них имеется ранняя чернолощенная посуда. С IV в. она сменяется грубой лепной и оригинальной гончарной посудой. Кроме нее немало амфор из-под ввозного средиземноморского или синопского вина. Мужчины часто похоронены с оружием. Справа от погребенных лежит обычно от двух до четырех железных копий с листовидным или ромбовидным пером. Меч носили слева. Это — акинак либо обычного типа, либо чаще местного, с брусом-навершием, без металлического перекрестия. Стрелы обычно слева, как у скифов, то с бронзовыми наконечниками обычных скифских образцов, то железные трехлопастные пирамидальные, со втулкой. Одной из черт своеобразия меотской культуры Прикубанья служат именно такие железные наконечники, с конца VI в. до н. э. они живут до II в. до н. э. К тому же железо здесь в противоположность Скифии применялось для изготовления наконечников стрел очень широко. Изредка есть захоронения коней. В раннем могильнике VIII—VII вв. до н. э. у деревни Николаевки в Адыгее найдены двукопчатые и стрелевидные удила и ранние наконечники стрел, как в курганах предскифского времени в Причерноморье и Приднепровье. Чаще это железные удила и псалии с двумя отверстиями V—III вв. до н. э. В женских погребениях, как и в мужских, много посуды. Множество пестрых греческих бус, височных колец из бронзы с находящими концами, простых проволочных браслетов или пластинчатых со змеиными головками на концах. Глиняные конические пряслища — необходимый спутник меотки в миру и за гробом. У одной был найден крутоизогнутый железный серп с пластинчатым черешком. Ножи с горбатой спинкой и шилья есть одинаково у женщин и у мужчин.

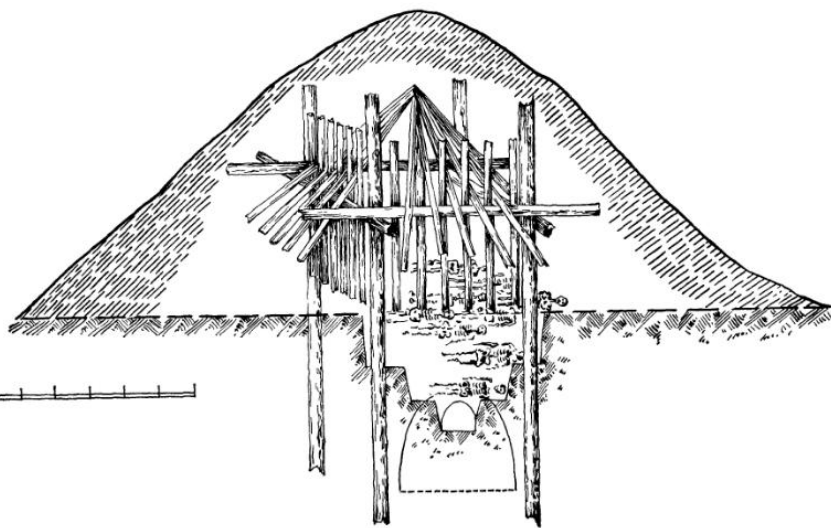
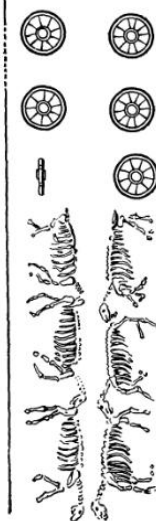
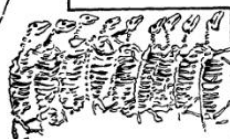
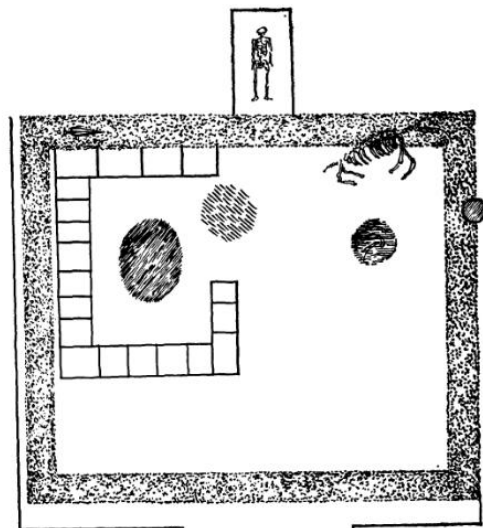
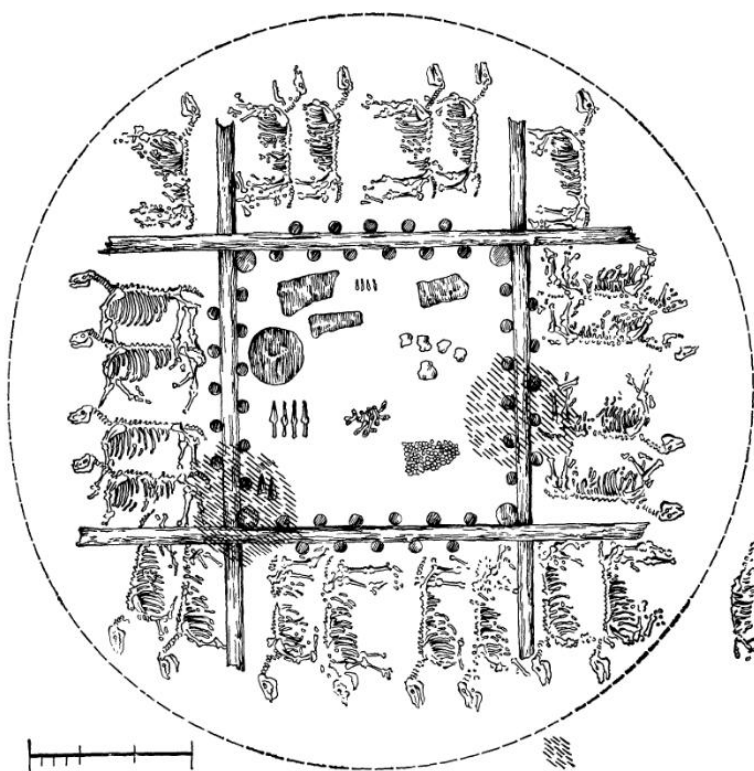
Городки оставались обитаемы, а в могильниках хоронили и тогда, когда со II в.

до н. э. на Кубани появились и стали жить рядом с меотами сарматские племена. Меоты в этих городках жили хлебопашеством. Найдено несколько серпов и один сошник. Известны отсюда зерна мягкой пшеницы, проса и ячменя. Много прямоугольных жерновов греческого типа, как в Елисаветинском городище. Меоты возделывали виноград и жали вино: найдены виноградные косточки. Делали они свои амфоры для вина, свои кувшины и кубки. Состав стада обычный и полный. Много свиней. Это, как везде, признак оседлости.

Рядом с этим оседлым земледельческим миром жил другой мир, кочевой и воинственный. По течению рек Лабы и Белой, а кое-где вдоль Кубани, особенно на ее правом берегу, раскопано десятка полтора больших курганов в 5—15 м высотой. В них ярко выражен быт кочевой и воинственной аристократии меотов. Обряд и сооружения в них, а также инвентарь ничуть не беднее, а то и богаче, чем в царских курганах скифов. Этой роскоши в VIII—VII вв. в степном Прикубанье и отчасти в Пятигорье предшествуют курганы с ранними медными удилами и псалями и уздечными наборами, с набором бронзовых ромбовидных наконечников стрел с длинными втулками. Короче сказать — со всем набором раннего воина-стрелка, как в курганах предскифской степи. Бывают у этих ранних воинов железные и бронзовые копыя и редкие железные кинжалы. С рубежа VII и VI вв. набор оружия и всаднического обихода и изобилие вещей в зверином стиле в основных чертах совпадает со скифским.

К самому раннему времени относятся курганы у аулов Келермес, Ульского и у станицы Костромской. Для всех них характерны погребальные сооружения в виде шатровых остроконечных перекрытий из бревен над огромной ямой или ее частью (10 × 10 м; 6 × 6 м и т. п.), с уступами с одной стороны (Келермес, Ульский аул), или над квадратной бревенчатой площадкой или оградой, соорудившейся на древней поверхности почвы. По сторонам в обширной яме или по сторонам настила располагались убитые ввзнузданные лошади числом от двадцати до тридцати. Наборы узд выполнялись в зверином стиле. На дышлах упряжных лошадей погребальных повозок укреплялись полые наверхия-бубенцы с медными и железными шариками внутри. Они украшались в зверином стиле, так, например, на наверхиях из Ульского аула изображены стилизованные головы орлов. В одном из курганов Ульского аула в насыпи кургана и вокруг погребального шатра на горизонте и в насыпи располагалось более пятисот конских костяков. Некоторые из этих коней лежали рядами вдоль длинных коновязей, некоторые звездой вокруг коновязей-столбов. Сооружения с шатровой крышей, но из камня над большой квадратной ямой сооружались еще во II тысячелетии до н. э., т. е. это ритуальный обычай народа, заселявшего украинскую степь еще в расцвет бронзового века (иное — станица Костромская, курган № 2, раскопки 1897 г.).

К Vв. этот обычай принял иные очертания. Курганы у Елисаветинской станицы имели в огромных, почти квадратных (до 16 × 16 м) ямах, в одном углу каменный из блоков склеп, перекрытый деревом, как и вся яма в целом. К ямам вели обшитые деревом коридоры, в которые ставились погребальные колесницы с запряжкой в шесть лошадей попарно цугом. Колесницы имели ход в 4—6 колес, окованных как и в царских курганах скифов железными шинами. Эти колесницы были без обычных наверхий-бубенцов. Сопровождались главные погребения, которые все сплошь ограблены, погребениями слуг, иногда вооруженных стражей и женщин, то в простеньких бусах, то в золотых украшениях. Их число было от четырех до пяти. То в самой яме, то за ее стеной положено 9 и больше верховых лошадей. В одном из Елисаветинских курганов был найден меч, поразительно близкий с чертомлыцким по декору рукоятки. Склепы внутри ям известны уже в VI в. до н. э., например в одном из курганов Келермесского аула. В кургане IV в. до н. э. у Воронежской станицы на дневном горизонте была сооружена ограда под шатровой крышей, а вокруг нее подковообразный незамкнутый ров с 29 погребенными в нем ввзнузданными конями. В составе наборных узд многие из бляшек напоминают узды,

а

б

а — разрез и план кургана у станицы Костромской; б — план могилы одного из курганов у станицы Елисаветинской

брошенные при тризне Чертомлыцкого кургана. Курганы Келермесского аула и станицы Костромской относятся к рубежу VII и VI вв. до н. э., курганы Ульского аула к VI в., курганы станицы Елисаветинской к V—IV вв. до н. э.

В этих курганах, к сожалению, почти сплошь ограбленных, в специальных помещениях располагались оружие и разная утварь. В келермесских курганах известен великолепный акинак в золотых ножнах и с золотой рукоятью (табл. XXIV). Он украшен в смешанном переднеазиатском (урартском) и скифском стиле. На перекрестии — два крылатых гения по сторонам финиковой пальмы, на лопасти для привязывания ножен — олень с поджатыми ногами и бордюр из орлиных голов. По ножнам цепь из грифонов с львиными, бараными, орлиными и бычьими головами, с крыльями в виде рыб, часть из них натягивает луки, часть идет спокойно. На наконечнике ножен два противоположащих льва (вспомним Острую могилу степных скифов). Роскошная боевая секира на обухе и щеках покрыта золотом с множеством рельефных фигур козлов, львов, пантер, кабанов, медведей и оленей (табл. XXII). На боковых сторонах обуха фигуры гениев с козлиными головами по сторонам кипариса. Найдены золотые ручки от трона с львиными головами, инкрустированные янтарем, вероятно, урартской работы. Среди другого оружия найдены бронзовые шлемы общескифского типа. Вероятно, украшением считалось изображение пантеры из золота. Ее хвост и лапы украшены свернувшимися в полукольцо пантерами (табл. XVII). Золотой венчик со сканными розетками и с выступающей вперед головой ушастого орлиноголового грифона в середине с золотыми зерновидными подвесками на цепочках украшал один из них. Горит был покрыт золотой пластиной, разделенной на квадраты. В каждом квадрате изображение, характерное для так называемого звериного стиля, оленя с поджатыми ногами. Среди келермесских вещей замечательно серебряное зеркало местной формы с фигурами зверей и Артемиды — владычицы зверей (табл. XXVI). Оно относится ко времени около 575 г. до н. э., по авторитетному мнению нашего старейшего антиковеда М. И. Максимовой. Близки по времени, а возможно древнее келермесских, вещи из кургана у станицы Костромской, называвшегося «Большим Разменным». Инвентарь погребенного лежал под шатром на деревянном полу, окруженном более чем двадцатью лошадьми в уздах со стремеvidными и обычными псалиями. Панцирь из железных чешуек, копья и железный круглый щит с золотым оленем в середине — признаки воина-аристократа. Но под этим сооружением была катакомба, а в ней костяк без единого предмета.

В келермесских и ульских курганах с конями находились и остатки погребальных колесниц и наверх бубенцы в виде прорезных шаров или лошадиных голов в первых и в виде орлиных голов во вторых. То золотые, то бронзовые, то роговые наборы все в том же зверином стиле украшали узды верховых коней. В погребениях с середины V и до III в. до н. э., в частности в курганах у Елисаветинской станицы, встречаются мечи чертомлыцкого образца, уздечные наборы, близкие некоторым степным. Оригинальны встречающиеся только на Кубани псалии позднейшего образца, т. е. с двумя отверстиями для суголовых ремней узды, у которых под прямым углом на одном конце помещалось очень массивное, поставленное плоско, а не в профиль украшение в зверином стиле. Несколько дольше, чем в остальных районах распространения скифского материального быта, к уздам делались наборы из бляшек в виде звериных фигурок и голов.

Вовсе не встречается специфический уздечный набор из круглых гладких блях с фигурными большими нащечниками, обычной для этого же времени формы. Лук, стрелы и горит более или менее сходны с теми же предметами из остальных областей скифообразного быта. Гиштокот и у меотов так же был обычен, как и у скифов. Только железные пирамидальные трехлопастные наконечники стрел здесь не реже, чем обычные бронзовые, т. е. так же, как в бескурганых земледельческих некрополях. Специфической особенностью этих курганов было отсутствие раннего греческого импорта. К скифам Крыма и степей и к их лесостепным соседям греческий доколониционный импорт проникал

вполне заметно, причем это выражено, в частности, в находках греческой посуды. В то же время на Кубани этот импорт почти отсутствовал. В келермесских курганах есть лощеная посуда тех же типов, что в грунтовых могильниках. Там же и в других местах есть склепаннные из листов бронзы кубки с ручками, украшенными остроконечными звериными ушками. Это — продукт импорта с горного Кавказа из Урарту. Меч, секира, ручки трона, золотой венчик из Келермеса или носят следы урартского стиля наряду с местным или прямо урартской работы. Лишь зеркало из Келермеса явно греческое. Только после середины VI в. некоторые изделия из ульских и других курганов уже вполне отчетливо говорят о греческом импорте. Появляются чернофигурные сосуды и некоторые предметы греческой торевтики. В курганах с V по III в. сначала появляются краснофигурные, затем просто чернолаковые пиршественные сосуды. Есть и предметы литья и торевтики: бронзовый котел и серебряные гравированные в греческом духе псалии с орлиными головками и фигурками львов. В елисаветинских курганах этих вещей много. Есть прекрасная нагрудная кираса из бронзы с рельефной головой Медузы, встречается уже торевтика с Боспора, вроде горита из кургана Карагодеуашх и некоторых других вещей. Местная посуда в более позднее время в этих курганах необычна. Она есть в кургане у станицы Марьинской IV в. до н. э. Это гончарная посуда работы гончаров из города у станицы Елисаветинской.

Эти курганы, как видно из всего их обряда и отраженного в них быта, были оставлены кочевой аристократией меотских племен северо-западного Кавказа, очень близкой по образу жизни и привычкам к степным царским скифам. В некоторой степени их манера забирать в потусторонний мир свое имущество выражена даже еще отчетливее. Вспомним целый табун из 500 коней, зарытых в одном из курганов близ Ульского аула.

Меоты Таманского полуострова жили в особых географических условиях. Полуостров представлял собой несколько довольно больших островов, разделенных большими рукавами Кубани. Часть их впадала в Азовское, часть в Черное море. Большой остров был занят самым сильным племенем — синдами. Другие племена жили по остальным островам. История этих племен известна мало. Они жили в постоянных экономических и культурных связях с многочисленными греческими городами, как и везде лепившимися по берегу моря. Через эти города шли туземные товары, в частности столь необходимый грекам Средиземноморья хлеб. Синды даже выпускали свою золотую и серебряную монету с изображениями грифонов, коней, распутившей крылья совы и колосьев пшеницы. Колосья пшеницы, конечно, отражение торговли хлебом, а сова с распущенными крыльями взята с монет Аттики, что указывает на экспорт зерна в Афины. Чеканилась эта монета на монетном дворе самого большого из тамошних греческих городов Фанагории. Во второй половине IV в. и синды и другие племена были завоеваны боспорскими греками и быстро эллинизовались.

Главным городом синдов было городище у станицы Варенниковской, возникшее еще в эпоху самостоятельности в VI в. до н. э. Площадь его достигает более 9 га. Для обороны были возведены мощные каменные стены, из которых выступали вперед четырехугольные башни. В нижних слоях его много местной лощеной посуды, как на малых городищах. Около городища находится много курганов, называвшихся в народе «Семь братьев», по самым большим из них. В обширных ямах — сырцовые склепы с деревянным перекрытием, как каменные в елисаветинских курганах. На эти перекрытия насыпалось по большой куче камня. Оружие здесь обычное общескифское. Лишь один раз найдена серповидная однолезвийная греческая «махайра» (меч). Замечательна серебряная бляха от щита или с груди панциря: на ней изображен олененок, сосущий матку, но матка с рогами. Множество всякой греческой посуды, драгоценной и керамической, найдено в этих курганах. Замечательны золотые обивки от краев деревянного или рогового ритона (рог для питья). Они сделаны все в том же общем для скифов и их соседей зверином стиле (табл. XXVII). Прекрасно и динамично выполнена сцена терзания зайца орлом. Очень ин-

тересна «протома» (передняя часть) бородатого дракона в ахеменидском духе, с крылом в виде орлиной головы. Звериный стиль здесь несколько отступает по манере выполнения от обычного и может служить признаком не синдской, а греческой фанагорийской работы. В курганах есть и остатки погребальных колесниц без бубенцов-наверший. Есть там и погребения от 6 до 12 упряжных коней. Их узды по набору близки к елисаветинским. Быт этих аристократов-воинов, может быть членов царской династии, до крайности сходен с бытом меотской аристократии степей Среднего Прикубанья, в частности оставившей елисаветинские курганы.

Очень важен курган Карагодеуашх. В его насыпи находилось два каменных склепа с дромосом в первую комнату и со вторым, соединяющим оба погребальных покоя. На деревянной крыше лежала гряда камней, как в семибратних курганах. В первом дромосе лежали остатки колесниц с двумя или больше упряжными конями. В первой комнате были амфоры, серебряная чаша, бронзовый киаф (черпак) и т. д. В ней же находился скелет женщины в роскошных золотых украшениях, в остроконечном головном уборе с золотым начальником. На нем внизу богиня с киликом сидит на скамье между двух молодых воинов, пьющих один из ритона, другой из сферического ритуального сосуда. Сцена очень близка к бляшкам из Чертомлыцкого и Мелитопольского курганов. Выше бог Гойтосир (Гелиос) на колеснице. На ней еще гривны, браслеты и другие украшения из золота. В среднем дромосе лежал костяк лошади в уздечном наборе елисаветинского образца. Во втором покое находилось погребение воина. Его шапка была обшита золотыми лентами и розетками. На шее — гривна того же металла; на ее концах — лев, терзающий вепря. Меч с золотой рукоятью чертомлыцкого типа и серебряный горит со стрелами, плохо сохранившийся. Ручку нагайки обвивала золотая лента. В головах лежало 12 наконечников железных копий. Серебряный килик, несколько медных ритонов и т. п. составляли его пиршественный реквизит. Второй дромос и покой были украшены фресками. Сооружение близко семибратним и елисаветинским курганам. Ритуал близок и им, и царским гробницам Приднепровья. Меч и горит тех же типов говорят об одновременности с Чертомлыцким и Мелитопольским курганами.

Быт рядового населения изучен мало. Известен ряд земледельческих неукрепленных поселений. И здесь, как на средней Кубани, оседлые общинники жили бок о бок с кочевым бытом и хозяйством аристократии и их ближайшего дружинного окружения. Погребения этого населения выкладывались изнутри сырцовым кирпичом. Очень раннее погребение рядового воина-общинника в сырцовой гробнице было раскопано у Цукурского лимана. В его инвентарь входил колчан бронзовых и железных наконечников стрел древнейших типов и поясная бляха с двумя изображениями геральдически расположенных барсов. Родосская глиняная расписная энохоя рубежа VII—VI вв. до н. э. датирует это погребение.

Синды, как видно, достигли в IV в. до н. э. того же уровня развития, что и степные скифы. В их погребальных обычаях при похоронах аристократов все то же. Они, как уже мы видели, стали даже чеканить свою золотую и серебряную монету, также вывозили свой хлеб и, следует предполагать, эксплуатировали своих общинников-земледельцев. Поэтому можно думать, что они еще в середине V в. достигли ступени примитивной государственности и отчасти успели в этом более скифов по очень уж тесному соседству с рабовладельческими полисами Боспора. Затем Синдика превратилась в часть этого царства. Нигде и ни разу не говорится о политическом единстве меотов Таманского полуострова. Синды составляли лишь небольшое государство полисного типа. То же приходится думать и об остальных тамошних племенах.

Глубинные племена степи и средней Кубани могли, конечно, дольше пребывать в состоянии военной демократии, но облик их аристократии ничем не отличается от синдского и скифского. Едва ли есть основания им отказывать в том, что они так же достигли государственности. Были ли кочевники, оставившие курганы с гекатомбами (т. е.

сотнями закланных в жертву) коней, покорителями земледельцев, живших в укрепленных деревнях по течению великой реки, сказать трудно. Только едва ли это так. Против степняков, вероятно, и возникли укрепления. Может быть, город у станицы Елисаветинской был столицей союза, а затем и государства земледельцев Среднего Прикубанья. И сам город, и его некрополь однокультурны с меньшими городищами и их могильниками. Аристократия этого города вела конноводствующий и, возможно, даже кочевой образ жизни, если судить по тамошним курганам с захоронениями колесниц, коней, рабов, жен и драгоценностей. Но быт этих племен все более эллинизовался. Возникли городские ремесла, например гончарное. Пошла в ход боспорская монета. Стали давить свое вино и пить всякие греческие вина, в том числе родосское, совсем не проникавшее обычно к туземцам и целиком потреблявшееся в городах.

Племена Кубани даже после прекращения походов скифов через Кавказ не были изолированы от сношений со скифами. Скифы с мирными и военными целями переходили по замерзшему проливу в Синдику. Некоторые формы ранней конской сбруи (удил и псалий) и древнейшие литые пиршественные котлы на ножке еще в VII в. до н. э. появились как раз здесь. Только через эти меотские племена могли проникать урартские, иранские и месопотамские вещи до Киева и Донбасса, занесенные иногда из скифских походов, иногда торговым путем. Хотя степные скифы и дали свое имя набору целого ряда вещей как скифскому, но кое-что из этого набора фигурирует столь рано в среде меотов Прикубанья, что невозможно отрицать значительность их роли в установлении целого ряда таких образцов. Походы киммерийцев, а потом скифов через Кубань и обратно обеспечили быстрое, почти одновременное распространение всего этого обихода и на всех меотов, и на скифов, и на племена нашей европейской лесостепи.

Древность несомненного возникновения некоторых форм уздечных наборов в Кубанской степи, а именно бронзовых удила с двумя кольцами на концах и сопровождающих их гнутых псалий с тремя отверстиями и всего уздечного набора (а все это распространилось еще к концу VIII в. и в скифскую степь и в лесостепь), говорит о роли меотов и их самостоятельности в эпоху раннего становления военно-кочевых быта в Северном Причерноморье. Античные сведения знают меотов прочно на одних и тех же местах на всем восточном побережье Меотиды и на Таманском полуострове. Часто в курганах Кубани видят скифов. Против этого говорят погребальные шатровые сооружения и каменные и сырцовые склепы, совершенно чуждые в предскифское и скифское время собственно скифам. Те и другие сооружения на Кубани восходят еще к середине II тысячелетия до н. э., т. е. к среднему бронзовому веку. Их создатели — предки меотов скифского времени. В конце VI в. до н. э. Гекатей Милетский не знает ни одного скифского племени в этих краях. Геродот прямо называет Дон крайней границей скифов. Страбон, именуемый скифами даже сарматские племена, не называет так ни меотов Приазовья, ни синдов, ни другие племена Прикубанья. Конечно, во время походов VII в. до н. э. через Кавказ отдельные группы скифов могли осесть среди меотов, но их потомки, если они существовали, как видно, утратили свое имя и вполне усвоили меотские особенности материального быта и погребальные туземные обычаи, уходявшие корнями в бронзовый век.

НЕВРЫ. ПАМЯТНИКИ БЛИЖАЙШИХ С СЕВЕРА СОСЕДЕЙ СТЕПНЫХ СКИФОВ В ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕПРА

евры, как помнит читатель, жили севернее андрофагов, занимая область от Днестра к западу и соприкасаясь на юге с землей скифов-пахарей. Границей между этими народами будто бы служило какое-то озеро, из которого вытекал Тирас (Днестр). С востока невры соседнили с будинами. Невры за поколение до вторжения Дария в Скифию перешли в землю будинов. Следовательно, страна будинов находилась рядом с Невридой, а будины жили также далее к Дону и по Дону, т. е. к востоку от невров. Вообще о неврах говорили, что они колдуны и что каждый из них может ежегодно на несколько дней обращаться в волка. У славян, кельтов, германцев с древних времен живут

поверья о волках-оборотнях. В среде восточных славян еще недавно такие поверья были в ходу у белорусов и северных украинцев. Поэтому уже издавна невров предположительно считают древнейшими упоминаниями древних славян.

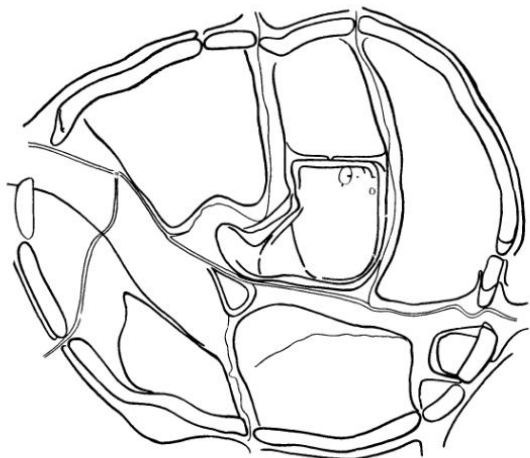
О локализации древних невров высказывались разные предположения. Однако по всей совокупности геродотовых данных их следует размещать на правом берегу Среднего Днестра и вплоть до лесостепных вод Южного Буга и Днестра.

В недавние годы, уже после Великой Отечественной войны, была выделена и открыта так называемая белогородовско-чернолесская археологическая культура (по первым местам находок в Винницкой и Киевской областях). Она от правобережья Днестра прос-

тирается на верхний Ингулец, на подольское течение Буга и Днестра. На среднем и верхнем течении Днестра эта культура встречается с культурой фракийского народа агафирсов. Ярче всего она представлена по течению правобережного притока Днепра реки Тясмина и на верховьях Ингульца, где, возможно, в то время, т. е. между XI и VII вв. до н. э., она непосредственно граничила со степью. В других областях своего распространения племена белогрудовско-чернолесской культуры дожили до самой скифской эпохи, преимущественно в неукрепленных поселках. На Ингульце и по Тясмину еще в середине VIII в. возникли после больших пожаров в неукрепленных селищах маленькие укрепленные поселки, городища-убежища, занимавшие надпойменные мысы. Они были площадью в несколько сот квадратных метров и состояли из одного-двух дворищ, окруженных валом из земли и рвом. Вал из земли был невысок. Основную оборону составляли небольшие забутованные глиной и образующие стену клетки из четырех столбов, в пазы которых были вставлены со всех четырех сторон плахи. Низкий земляной вал служил для укрепления стены на поверхности земли. Ров глубиной и шириной в несколько метров так же укреплял оборону. Внутри таких городищ нет почти никаких остатков жизни. Они ограничиваются небольшим числом глиняной посуды, отдельными потерянными орудиями и украшениями, несколькими временными очагами и одним-другим небольшим временным жилищем.

На ранних поселениях жилища имели преимущественно вид землянок, стены которых обшивались деревом, а потолок опирался на столбы. В возникших после пожаров VIII в. до н. э. поселениях были по большей части наземные дома, от которых сохраняются глиняные полы. Впрочем, на Тясминском городище сохранилась землянка, по стенам которой стояли плахи, укрепленные основаниями в особых канавках. Позднее так укреплялись стены могильных ям. На Суботовском городище над заброшенными землянками были насыпаны так называемые зольники, т. е. зольные кучи с остатками жилого мусора. На внутреннем скате вала лежали иногда кучки довольно крупных, годных для метания во врагов камней. Поселок находился у воды под городищем (Тясминское городище, Московская горка и др.) или в единичных случаях на плато за укрепленным городком (Суботовское городище). В городищах за деревянной стеной скрывались, очевидно, только в случае опасности. По Тясмину, прямо примыкавшему к Предскифской степи, эта опасность, по-видимому, была особенно велика.

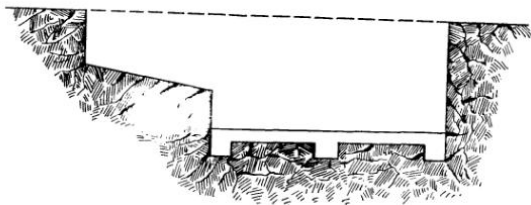
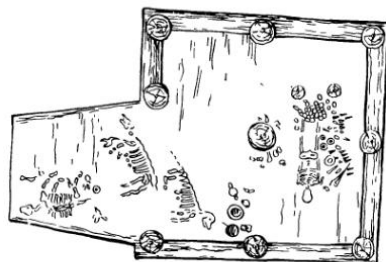
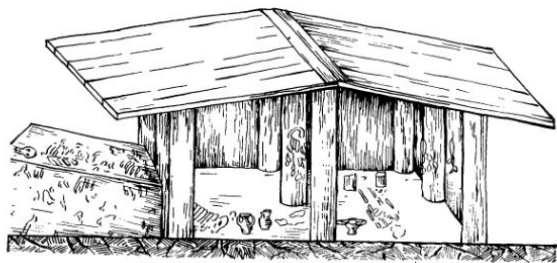
Культура чернолесских племен в эту пору стала воинственной. Среди мирных могил, как в ямах без курганов, так и под курганами, в которых хоронились чаще всего трупосожжения, начинают появляться погребения всадников с такими же удилами и псалями, как у племен срубной культуры и протогеотских племен. Роговые удила из одной пластинки с двумя отверстиями на концах и роговые псалии с тремя отверстиями для ремней в одной плоскости и с утолщениями или с муфточками около этих отверстий, так же близких к известным в степях, найдены на городищах по Тясмину. Так усиление военных столкновений и выделение всадничества в киммерийско-протоскифском мире повлияло на состояние чернолесских племен, которые стали подвергаться набегам степняков, в результате которых, вероятно, и сгорели ранние поселения по Тясмину. Это не привело, однако, к гибели чернолесских племен. Создалась система городищ-убежищ. Бытовые формы продолжали развиваться в новых условиях. Еще встречались вместе бронзовые и железные орудия и оружие: массивные, но высоких пропорций бронзовые топоры-кельты со втулкой жили рядом с железными листовидными копьями и вместе с железными кинжалами, имевшими бронзовую ручку с грибовидным навершием и прямым перекрестием. Бронзовые ромбовидные стрелы в погребениях воинов сосуществовали с роговыми. Часть последних имела форму четырехгранной пирамиды или была остроарочных контуров; оба типа с внутренней втулкой. Они хорошо известны в скифских степных селищах в VII в. до н. э. Листовидные и двушипные плоские стрелы с черешком более сходны с центральноевропейскими. Украшения самобытны: нашивные

а

б

в

а—план Немировского городища и круглая землянка оттуда же; *б*—план жилищеобразного подкурганного сооружения и *в*—его реконструкция (курган у с. Журовка)

бляшки, проволочные спиральные височные кольца и особенно браслеты, которые носили на плече обеих рук и женщины, и мужчины; такие браслеты обыкновенно украшены сложными узорами из завитков, круглых выпуклостей и т. п., реже встречаются гладкие. В скифское время они не бытовали.

Но керамика, очень разнообразная по формам, дожила, несколько трансформируясь, до V и даже IV в. Из столовой посуды, бурой и черной лощеной, распространены большие грушевидные и биконические с выпуклостями на плечиках, окруженными широкими каннелюрами корчаги, миски со слабо загнутыми внутрь краями, шаровидные и конические кубки и кувшины без ручек, чашки с одной приподнятой над краем ручкой, в конце периода имевшие острый или цилиндрический выступ на верхнем сгибе. Еще некоторые формы долго жили в скифское время, сильно обогатившись новыми вариантами. Но все эти сосуды не покрывались лощением. «Тюльпановидные» горшки

с расчлененным валиком на плечике или брюшке — основная форма кухонной посуды — превратились в бочонковидные горшки с таким же валиком, но у самого устья, или в горшки с невысоким горлом и в этом виде существовали до IV в. до н. э. включительно. Орнаменты — геометрические, затертые белой пастой, наколы изнутри под бортиками горшков и мисок, налепные валики, расчлененные чаще всего вдавлениями или защипами пальцев: все это прожило вплоть до скифского времени, демонстрируя непрерывную связь культурного развития, чернолесских и неврских племен.

В начале VII в. до н. э. племена чернолесской культуры перевалили через Днепр и распространились по Ворскле, где обнаружено несколько их поселений. Это передвижение оставило у села Бутенки на р. Ворскле великолепное трупосожжение воина. В нем были ромбовидные длиннотульчатые стрелы в прикубанском духе из бронзы, удила, псалии и уздечный набор того же металла и тех же культурных связей, железные листовидные втульчатые копья среднегальштатских типов и, наконец, типичные браслеты. Передвижение чернолесских племен — вероятная основа легенды о переселении невра в землю будинов. Но хронологический либо информаторы Геродота приближали более древнее событие к своему времени, либо та миграция, что попала во II главу четвертой книги отца истории, была последним эпизодом в ряду нескольких таких случаев, начавшихся в чернолесское время.

С окончательным установлением господства скифов в степях Северного Причерноморья у невра лесостепного Поднепровья, Побужья и правобережного Приднепровья в конце VII в. начали возникать укрепленные поселения, занимавшие обширные площади от 5—10 до 200—500 га. Еще не вполне изучено их хронологическое распределение. Одни из них возникли в конце VII в. до н. э. и прожили одно-два столетия, другие, возникнув в VI в., просуществовали до конца скифского времени, т. е. до III в. до н. э. Они не были густо населены, но сильно укреплены. Так, например, Немировское городище, площадью 1 км², на небольшом правобережном притоке Южного Буга речке Мерке пропускало через себя воду этой речки и состояло из центрального укрепления с высокими валами, в котором сосредотачивалась жизнь, и обширного ненаселенного пространства вокруг, также окруженного очень высоким валом. Этому городищу предшествовало селище чернолесской культуры. По р. Тясмину, правобережному притоку Днепра, по которому приблизительно проходила граница лесостепи и степи, возникло в скифское время несколько таких больших городищ. Наиболее древнее у села Жаботин Тарасовское городище имело площадь от 5 до 10 га (она еще не установлена точно). Хотя его укрепления не раскапывались, рельеф местности говорит, что они были, вероятно, такие же, как в предшествующую эпоху малых чернолесских городищ, т. е. это могли быть деревянные стены в духе Тясминского или Калантаевского городищ. Тарасовское укрепленное поселение в остатках материальной культуры еще сохранило позднейшие формы чернолесской посуды, роговые одночленные удила, может быть, старое устройство обороны. Но оно больше, чем любое собственно чернолесское городище. Много встречается как и на Немировском городище, типичных предметов общескифского обихода. На Немировском и Тарасовском городищах были найдены черепки расписных греческих сосудов, так называемого родоско-милетского стиля, ввозившихся в Северное Причерноморье во второй половине VII в. до н. э. Два городища от 10 до 20 га Пастерское и Шарповское, относящиеся к VI—IV вв. до н. э., состоят каждое из обведенного валами четырехугольника, разделенного поперечным валом на небольшой заселенный «акрополь» и почти пустое дворище.

Самое большое городище на Тясмине — Матронинское по плану близко к Немировскому, но больше площадью, оно занимает около 220 га. Начало его существования определить трудно, конец датируется, вероятно, IV в. до н. э. У него центральное укрепление с мощными валами так же окружено почти пустым пространством, опоясанным внешним валом. Высота этих валов в обоих городищах у Немировского и у Матронин-

ского по 4—5 м. Перед валами глубокие сухие рвы. Валы имели внутри для их укрепления прослойки обожженной глины. При въездах прослежены столбы от ворот и закреплявшие по бокам земляной въезд. Жилища городища Тарасова гора у села Жаботин на Тясмине были слегка углублены в землю, близки к квадрату или прямоугольнику площадью 9,5×9,25 или 13×20 м и т. п. Их стены состояли из плетня, оштукатуренного глиной. Очаг-жертвенник в одном доме был из глины, близок к кругу и украшен concentрическими бороздками: первый ряд из завитков, второй из меандров, далее простые бороздки. На притоке Тясмина Сухой Ташлык на Пастерском городище раскопаны землянки глубиной до двух метров, четырехугольные в плане. На Немировском городище были круглые землянки, 6—8 м в поперечнике, углубленные на 2—3 м в землю, с центральным столбом, подпиравшим коническую соломенную крышу и со стенами, обставленными столбиками для прочности. Около жилищ нередко скапливали кучи золы с остатками черепков посуды, сломанных орудий, украшений, костей животных. Археологи называют эти кучи зольниками. Хотя в основе это жилой мусор, но нарочитое насыпание золы в одном и том же месте, может быть, должно было в каждом отдельном случае знаменовать богатство жителей дома и служило своеобразным местом культа домашнего очага. Такие зольники встречены на Немировском, Матронинском, Пастерском и на других поселениях. Они продолжают обычай, известный на чернолесских городищах. Той же цели мог служить очаг-алтарь на Тарасовой горе. Небольшой алтарик из глины, разделенный на семь concentрических кругов, был обнаружен еще в начале XX в. на Пастерском городище. Он своими семью кругами связан, вероятно, с космическим культом семи подвижных небесных светил. Несколько больших городищ известно на правобережном притоке Днепра выше впадения Тясмина на р. Роси. Они пока что еще мало изучены. Установлена их принадлежность к скифскому времени. На городище Княжья гора доказано наличие слоя чернолесской культуры. Совсем недавно были произведены раскопки на Трахтемировском городище. Поселение возникло здесь еще в VII в. до н. э. В нем был обнаружен на таком же глинобитном алтаре, как на Тарасовой горе, греческий сосуд милетско-родосского типа, относящийся к середине VII в. до н. э. Городище это очень велико. Площадь его более 500 га.

Вокруг городищ много курганов, иногда высотой свыше 10 м. Особенно подробно изучены курганы по Тясмину и Роси. Они охватывают время от середины VII до середины III в. до н. э., т. е. всю скифскую эпоху в целом. Под этими курганами обычны сооружения в виде простыя четырехугольных ям площадью 6—16 м² с плоским деревянным перекрытием и с канавками по сторонам дна. К VII в. до н. э. относятся раскопанные у сел Жаботин и Константиновка на Тясмине погребения в курганах под коническим деревянным шатром, вроде крыш немировских землянок. Помимо этих простейших сооружений встречаются либо поставленные на древней поверхности почвы и потом засыпанные курганом, либо устроенные в глубокой прямоугольной яме настоящие деревянные дома (рис. на стр. 122). У них стены бывают или обложены горизонтально толстыми бревнами, придержанными по углам и в середине стен толстыми столбами, или обставлены вертикально поставленными в канавки плахами со столбами по углам и в середине стен. Иногда центральный столб поддерживает слабо покату двускатную крышу (например, курганы у села Журовки). Все эти сооружения восходят еще к обложенным деревом или обставленным вертикально столбами землянкам Андрусовских селищ, Суботовского и Тясминского городищ чернолесской культуры. Курганы с такими сооружениями сосредоточены от устьев Припяти до окрестностей Кировограда.

Не только подкурганные сооружения в виде жилищ, но и погребальный обряд в курганах среднего днепровского правобережья сохранял формы с чернолесской эпохи в течение всего скифского времени. Наряду с вытяннутыми и изредка скорченными костями довольно широко применялись трупосожжения, как в урнах, так и в виде безурнового захоронения сожженных костей. Встречалось сожжение деревянного сооруже-

Лощеная посуда из курганов лесостепного днепровского правобережья и Побужья

ния вместе с покойником. Потом его покрывали курганом. Ничего подобного не наблюдается в степи: там со времени срубной культуры, как мы уже видели, применялись только трупосожжения сначала просто в перекрытых деревом ямах, потом единично в катакомбах и подбоях. Соседство степи в этом отношении проявилось в том, что в небольшом числе катакомбные сооружения присутствуют с IV в. до н. э. в некоторых курганных группах по Тясмину, т. е. по кромке степей и лесостепей.

Кроме традиций в укреплении поселений и в жилищах, в погребальных сооружениях и в обряде много чернолесских черт сохранилось в керамике. Продолжала жить в течение всего VI и начала V в. до н. э. мода на черную и бурую лощеную посуду. Это были иногда достигавшие огромной величины грушевидные и острореберные биконические корчаги, лощеные глубокие миски с отогнутыми наружу или загнутыми внутрь краями и многочисленные кубки в виде черпаков то похожих на чашку, то в виде острореберных высоких кружек, те и другие с высокой ручкой, украшенной на верхнем сгибе, то с двумя рожками, то с коническим выступом, то с двумя-тремя волнистыми выступами один за другим. Сохранялись цилиндрические кубки с шаровидным или несколько приплюснутым корпусом. До конца VI в. эта посуда богато украшалась линейным геометрическим орнаментом из ленточных зигзагов, опрокинутых треугольников, шахматных досок и т. п. К середине V в. исчезла манера заполнять бороздки, образовывавшие этот сложный геометрический орнамент, белой пастой, что создавало на черной или бурой поверхности сосудов красивое сочетание цветов. Все эти формы в нелощеном или очень слабо лощеном виде жили вплоть до конца скифского времени. Из формы кухонных тюльпановидных сосудов выработались и жили здесь боченковидные горшки и горшки с малозаметным плечиком и невысокой шейкой. Эти формы посуды в VI в. украшались налечным опоясывающим валиком с наколами изнутри, образовывавшими венчик из небольших выпуклостей в углублениях валика, расчлененного вдавлениями паль-

цев. Подобный же орнамент с валиком или без него украшал миски немного ниже краев. В V в. валики сменились опоясывающими вдавлениями пальцев. В IV в. сюда проникли степные формы посуды, такие, какие нам известны с Каменского городища.

Таким образом, население днепровского лесостепного правобережья в основных чертах своего быта восходило к племенам чернолесской культуры. В соответствии с сельскохозяйственным хозяйством чернолесцев негры оставались земледельцами. На донышках их посуды часто встречаются отпечатки зерен пшеницы и проса. По аналогии со степью следует предполагать возделывание разных бобовых и кое-каких овощей. На одном селище в Тернопольской области известны пшеница, просо, горох, лен и семена какого-то масличного крестоцветного вроде рапса. Такое земледелие могло быть только пахотным. Плуги, вероятно, были тех же образцов, которые в это время широко известны из Центральной Европы уже с позднего бронзового века. Во всяком случае сохранились небольшие железные серпы либо того же типа, что мы уже знаем на Каменском городище, с небольшим вертикальным штифтиком на конце черенка, либо с загнутым к спинке крючком.

Скотоводство в отношении состава стада было обычным. В отличие от степи, в составе стада было немало свиней. Это указывает на пастбищное, а не на кочевое скотоводство, которого свиньи не переносят.

При всем том в быту неврского общества очень много черт, сложившихся в степном скифском мире. Правда, конские погребения редки. Иногда один-два коня погребены в самой могильной яме или в особом отделении деревянного сооружения. Чаше погребения коней заменялись символическим погребением узды с удилами и более или менее богатым уздечным набором. Те же удила, сначала бронзовые с двумя отверстиями на конце, затем такие же с отверстиями в виде стремечка, как в степи VI в. При них сначала псалии с тремя отверстиями, иногда роговые с головкой дикой кошки или коня на верхнем и с копытцем на нижнем конце. Налобники в виде протомы животных, уздечные бляшки в виде головок орлов, лосей, фигурок лежащих оленей и приготовившихся к прыжку барсов и диких козлов и т. д. близки к тому, что известно из меотского Прикубанья и у степных скифов. Впрочем, роскошных наборов вроде тех, что в IV в. до н. э. появляются в степи, у негров пока неизвестно.

Оружие неврских воинов совершенно сходно с меотским и скифским: те же и так же развивающиеся, главным образом бронзовые наконечники стрел и, конечно, тот же небольшой лук.

В одном из курганов у села Ильинцы был найден золотой горит, сделанный на одной форме с Чертомлыцким, Мелитопольским (табл. XIX) и Елисаветовским. Те же акинаки, развивавшиеся, как и в степи; наконец, копья и дротики тех же образцов и так же обычно положенные попарно при погребении воина. Доспехи были те же: коринфский шлем из села Ромейки Киевской области, аттический из кургана близ Пастерского городища, чешуйчатые панцири из многих курганов и хотя нечасто, но несколько раз известны греческие поножи. Вероятно, в ходу были кожаные панцири и шлемы-башлыки, часто изображавшиеся греками, как типичные для степных скифов.

Конечно, внутренний процесс у неврских племен шел самостоятельно и разложение родовой организации двигалось к военной демократии и государственности. Но появление сильно укрепленных обширных городов хотя бы отчасти было обязано набегам степных скифских племен. В связи с этим еще в чернолесскую эпоху предки негров стали приспосабливаться к тактике кочевнических конных набегов. В скифское время конный бой у негров был обставлен вполне по-скифски. Отчетливо выделялась конная аристократия. Примером такого воина-всадника, вероятно, даже вождя, может служить погребенный в кургане Литая могила в урочище Черный лес в истоках Ингульца. К стати сказать, это старейшие у нас раскопки могилы скифского времени, они были приняты еще в 1763 г. Воин имел при себе трехгранные и трехлопастные бронзовые

стрелы и меч-акинак с золотой рукоятью и в золотых ножнах (табл. IV): навершие — брусок, перекрестие — «бабочковидное» с изображением двух крылатых гениев по сторонам древа жизни; гнездо для перекрестия в ножнах с изображением лежащих диких козлов, лопасть для продевания привязи с лежащим оленем, на ножнах четыре синкретических чудовища — четыре льва с крыльями в виде рыб, с головами барана, льва, человека и орла; на нижнем конце ножен — две фигуры геральдически поставленных львов. Меч — почти копия келермесского с Кубани, но с большим числом собственно скифских деталей звериного стиля. Стиль — смешанный, урартско-скифский. В том же кургане серебряные ножки от трона чисто урартской работы. Венчик с розетками мог украшать своим золотом шлем, как в Келермесе. Найдена ленточка с фигурками обезьян и ибисов — от головной повязки и бляшки для нашивки, изображающие орлов, или с одежды, или с погребального балдахина. Весь комплекс — конца VII в. или первой четверти VI в. до н. э. Все это — тот смешанный ирано-урарто-скифский стиль, который процветал в указанное время в Закавказье и на Кубани.

Пришли ли эти товары путем торговли или, что кажется более вероятным, как военная добыча участника дальних походов скифов в Закавказье, в Иран и Междуречье, сказать трудно. Во всяком случае, этот полный скифо-меотский набор был донесен за несколько тысяч километров до иноплеменных и меотам и скифам неврам. Участвовать в походах они могли так же, как были увлечены позднее в поход кимвров и тевтонов некоторые общины кельтских гельветов; всадническая аристократия, вполне вероятно, вела в земледельческой неврской среде кочевой или полукочевой образ жизни.

С конца VII в. до н. э., таким образом, к неврам стали проникать путем мирных и военных отношений степные влияния. Эти влияния все усиливались. На Немировском городище найден красивый местный сосуд начала VI в. до н. э. с греческой надписью: «Получи меня». Греческие сосуды часто говорили о себе на этом языке за пиршественным столом. Эта надпись совершенно ясно показывает, что сквозь толщу степных племен греческие купцы, по крайней мере по Бугу, проникали к южным неврам и жили там подолгу. Вероятно, на пиру в этом далеком неврском городке греческие купцы играли в коттабос. Это — застольная игра, при которой последним глотком из кубка надо было ловко попасть в цель. Премией в такой игре и являлся этот сосуд, снова наполненный вином или пивом, хорошо тогда известным у всех народов Европы. Такие купцы завозили греческое оружие, вино, украшения, зеркала и посуду к степным скифам и через них до далеких неврам. Проникали иногда туда и сами греки, как тот, что оставил эту застольную надпись в Немирове.

Начав свои набеги еще на чернолесцев, степняки частично проникали на Тясмин и, возможно, смешались там с неврами. Вспомним тамошние катакомбные погребения IV и III вв. до н. э. Примером такого погребения может служить курган у села Златополь, где был похоронен богатый воин в катакомбе одного из степных типов. Он по степному

Ножка трона и бляшка в виде орла [из
Литого кургана

же обычаю был погребен головой на запад. Среди разной утвари (бронзовый котел, амфора с вином) и украшений (золотая гривна, бронзовая подвеска-лунница и др.) лежали справа от погребенного два больших железных дротика, три меньших, одно копьё; слева — колчан с 94 бронзовыми стрелами и однолезвийным мечом с золотой рукоятью чертомлыцкого образца в ножнах с золотой оковкой острого конца. В ногах лежал слуга без вещей, головой к винной амфоре, как в ногах воинов лежали слуги в Мелитопольском кургане и в боковом погребении Солохи.

Слуги-рабы, однако, не новость в курганах невра. Костяк рабыни был обнаружен, например, у села Бобрицы близ города Канева в кургане № 31 при погребении богатой женщины. На голове этой женщины было облегающее покрывало, обшитое сверху рядами золотых бляшек, изображавших лежащих лошадей (?), и рядом из 15 золотых бляшек, каждая из трех взаимнокасательных выпуклых кружков. Богатые греческие бусы украшали ее шею, зеркало древнего скифо-меотского типа с ручкой на обороте: кружок с изображением щетинистого кабана на двух столбиках. Работа, конечно, греческая, вероятно, ольвийская, но по туземному образцу. Женщину сопровождали колчан с 21 бронзовой стрелой и конь. В той же могиле лежал костяк служанки в медных височных кольцах и янтарных бусах. Описанный случай указывает на видимые пережитки матриархата у невра этого времени.

У села Синявки на р. Роси в кургане № 100 была вскрыта богатая и обширная могила с деревянными стенами и перекрытием. Главный женский остов лежал головой на запад. На его голове — облегающее покрывало с тремя рядами нашивных бляшек в виде лежащих вправо оленей или находящихся в летящем галопе; нижний ряд из бляшек по три кружка вместе в треугольнике. Повязка заколота золотой гвоздевидной булавкой. На висках были золотые же гвоздевидные височные кольца, на шее три ряда золотых, сердоликовых, агатовых и янтарных бус. Остов другой женщины лежал в головах главной покойницы и еще один в ногах второго. Второй был в ожерельях из раковин каури, достигших сюда с Индийского океана, и многих других бус. Третий остов — с железным кинжалом, с копьём и с колчаном из 160 стрел ранних типов VI в. Здесь покойница сопровождалась стражем-защитником и служанкой, вероятно, рабыней.

Отличия в украшениях состояли у невра в употреблении излюбленных, в виде согнутого гвоздика, височных колец, золотых и бронзовых, в более широком, чем на юге, применении головных и нагрудных булавок, то гвоздевидных с коническими, полушарными и плоскими головками, то с одновитковой головкой. В остальном обилие нашивных бляшек, гривен, бус и т. п. вполне зависело от скифо-меотского юга.

Подвергавшиеся с VIII в. набегам степняков невра быстрее перешли от родовых или общинных поселков к укрепленным городам, вероятно, объединявшим большие роды, а иногда и племена. Огромные городища, заселенные не сплошь, вероятнее всего были центрами периодических религиозно-политических собраний племен, союзных между собой. Таких союзов, судя по числу подобных городищ (Немировское, Матронинское, Плескачевское), у невра было несколько. Подобно кельтским, греческим и италийским, такие союзы ежегодно или периодически собирались по общим вопросам политической, религиозной и экономической жизни. Судя по уходу части невра к будинам, по походам вместе со скифами в далекие земли Переднего Востока, по смешиванию или совместной жизни степняков с туземцами по Тясмину, по обилию местных погребальных обычаев и разной посуды и украшений — племен невра было немало, союзов их несколько, внутренние связи от поры до времени сравнительно легко нарушались. И все же, восприняв многое в оружии, конском снаряжении, даже в религии от степняков, невра сохранили очень много самобытного и успешно противостояли степнякам, в то же время торгуя с ними и через них с греками.

В легенде о походе Дария на скифов невра политически самостоятельны от последних и отказывают им в помощи против персов. При всей легендарности этого рассказа

за, он свидетельствует о таком положении дела по крайней мере ранее 514 г. до н. э. и вплоть до Геродота. Нет никаких указаний на политическую зависимость невров от скифов и после Геродота. Впрочем, об этом уже говорилось.

У невров было уже примитивное рабство, наряду с подчинением общинников. Выделение воинственной конной аристократии и общая воинственность говорят о том, что они во всяком случае достигли стадии военной демократии и могли пойти уже по пути создания государственности. Течение этого развития было, вероятно, нарушено с образованием на той же территории племен зарубинецкой культуры, в которой мирный облик и много новых начал, если и не говорят о полной смене населения, то о сильных переменах в обществе, вероятно, утратившем формы скифской эпохи.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ

еланхлены, савроматы, будины и гелоны связаны с торговым путем от Ольвии на северо-восток. Первые жили влево от этого пути, шедшего через степи царских скифов. Остальные — вверх по донской его части. Остановимся еще раз на этих народах, несколько подробнее, чем во второй главе, посвященной географии Скифии.

Меланхлены — «черноризцы», то есть люди в черной одежде, были известны грекам с VI в. до н. э. Их упоминает Гекатей Милетский. Геродот помещает их на левом берегу Борисфена непосредственно к северу от царских скифов. За ними будто бы была пустыня и какие-то озера или болота. В ольвийской

надписи III в. до н. э. в честь Протогена упоминается народ савдараты, соседний с Ольвией; его название специалисты переводят со скифского как «носящие черную одежду». Писатель конца I в. н. э., современник римского императора Домициана, Дион Хрисостом, посетивший Ольвию, рассказывает, что ольвийские жители носили черные плащи на манер одного из соседних туземных племен. Отсюда можно предположить, что часть меланхленов перешла Днепр и осела где-то возле Ольвии. Значит, этот народ жил во время Геродота не очень далеко от северо-западного угла Черного моря. На востоке, судя по Геродоту, меланхлены граничили с савроматами и будинами. Меланхлены не были связаны прочными узами со скифами в эпоху Геродота и во времена похода Дария.

Они, по легенде об этом походе, отказали скифам в помощи против персов. Реальный ли это был отказ или легендарный, все равно он отражает действительные отношения. Хотя, по Геродоту, они особый «нескифский» народ, он же указывает на их «скифские» обычаи. Локализация меланхленов труднее, чем всех остальных народов. Нам нелегко будет определить, хотя мы и попытаемся это сделать, какие археологические памятники остались от них.

Савроматы жили к востоку от царских скифов и меланхленов, в трех днях пути от впадения Танаиса в Меотиду, по ту сторону Танаиса. Их степь, как и скифская, по Геродоту, совершенно безлесна. Она тянется на 15 дней пути. Торговый путь от Ольвии из земли царских скифов шел через савроматов далее на северо-восток. По легенде, приводимой у Геродота, савроматы произошли от браков «свободных», т. е. царских скифов с амазонками, попавшими на Меотиду на корабле, на котором их везли взявшие в плен греки, перебитые по пути своими воинственными пленниками. Они говорили на испорченном скифском языке. Территория савроматов находилась за Доном. Там советские ученые открыли археологическую культуру, представленную однообразными по устройству и ритуалу курганами, в которых покоились воины с оружием и конскими принадлежностями, с вещами в зверином стиле. Все это близко напоминает скифский и меотский обиход, но в то же время во всем инвентаре этих курганов много самобытного. Эта скифообразная культура занимает область за Доном, вплоть до Троицка, Челябинска, Орска, Оренбурга и Куйбышева, а на юг до астраханского побережья Каспия. Своеобразные черты ее служат связью между скифо-меотским миром Европы, Сибирью и Средней Азией. Савроматы сложились в племена «сарматов» (более поздняя форма того же этнического названия), которые передвинулись в причерноморско-азовские степи, сменили там и частью поглотили скифов и принесли новые формы культуры, давшей следующей эпохе истории европейского юга нашей родины имя «сарматской».

Геродот и Гиппократ, а позднее и другие греческие писатели, сообщают о савроматах, что их женщины принимают участие в войнах, играют роль жриц какого-то родового или семейного культа и не выходят замуж, пока не убьют хотя бы одного врага. Греческие писатели зовут савроматов женоуправляемыми. В полном соответствии с этим в гробницах савроматских женщин нередко встречается оружие, особенно лук и стрелы, и своеобразные каменные переносные алтарики, часто в зверином стиле, на которых они отправляли свой жреческий обряд. На земле савроматов найдены доказательства реальности торгового пути из Ольвии: несколько зеркал скифского и ольвийского производства. С савроматской материальной культурой мы надеемся познакомить читателя в другой готовящейся к печати книге «Сарматы».

Будины и гелоны связаны между собой территориально в повествовании Геродота. Из его слов, по-видимому, следует, что земли будинов не соприкасались со степями царских скифов. Их страна покрыта разнородным лесом и в восточной своей части лежит на среднем течении Танаиса-Дона, на левом его берегу. Мы уже отмечали, что поскольку невры жили к западу от Днепра, то при своем переселении в страну будинов они могли попасть прямо туда, только в том случае, если будины жили на запад вплоть до левых притоков Днепра. Иначе сказать, будины занимали очень обширное пространство от воронежских до полтавских лесостепей. Только ведь об них одних, кроме самих скифов, пишет отец истории, что они «великий и многочисленный народ». Что их страна именно лесостепная, очевидно из того, что они жили сразу к северу от безлесной савроматской степи. Как и савроматы, будины политически самостоятельны. Они были в эпоху похода Дария на скифов дружественны царским скифам, может быть, как уже говорилось из-за выгод от торговли, так как через их землю шел далее на северо-восток торговый путь скифских купцов. В стране будинов, кочевого народа, где-то находится город Гелон. Он упоминается не в связи с итинерарием (путевым описанием) скифских путей от Ольвии, а в рассказе о неврах, переселившихся к ним, и о других соседних со

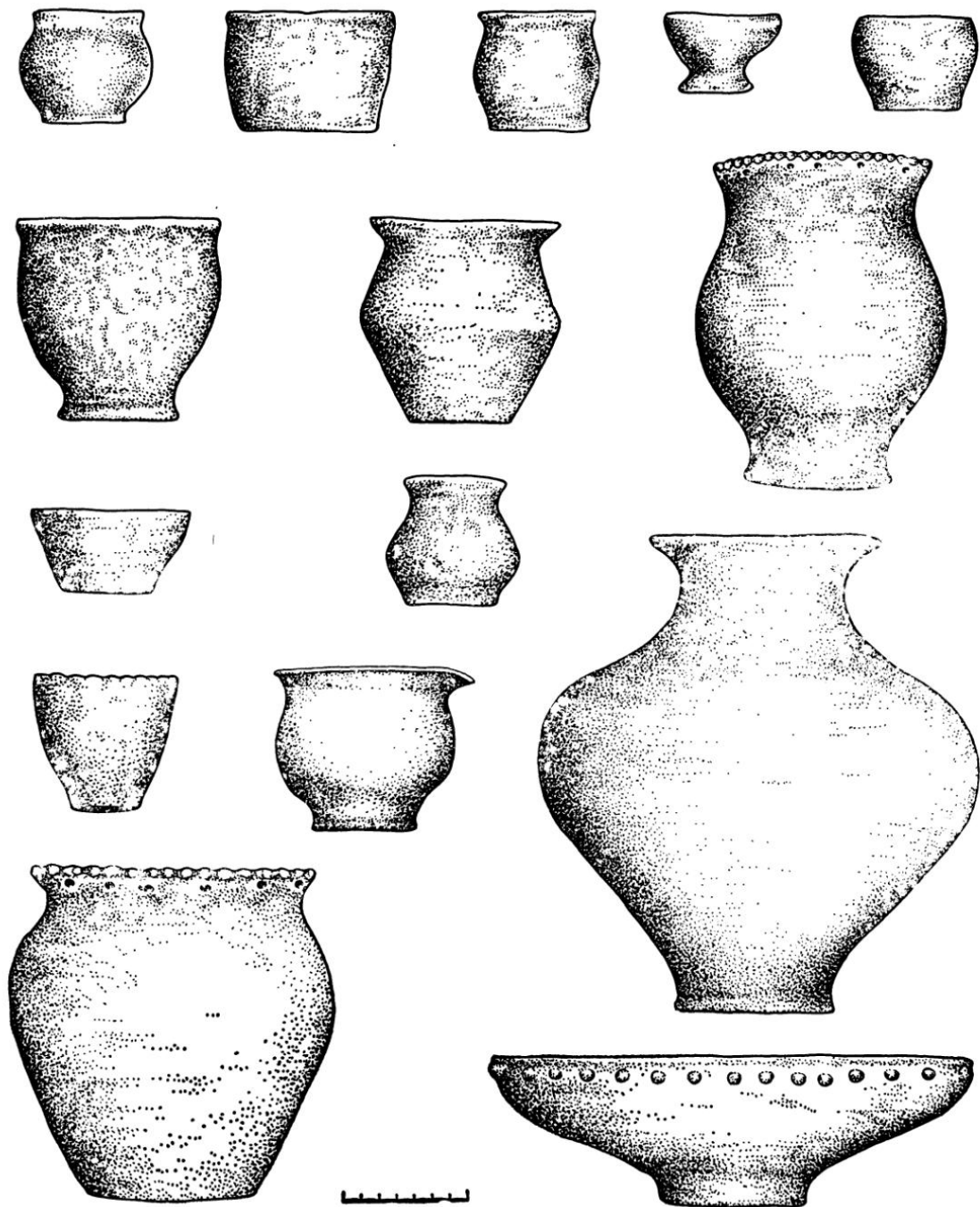
скифами народах. Будины — народ с голубыми глазами и рыжими волосами. Они говорят на своем языке, ведут кочевой образ жизни

Позднейшие писатели обычно повторяют локализацию будинов и гелонов, по Геродоту, Эфору или Аристотелю, где-то на Дону. С эпохи Августа поэты выбирают безразлично имя скифов, агафирсов, невров, будинов или гелонов для обозначения одним из этих имен всех народов и племен Северного Причерноморья. Эта манера встречается у греко-римских поэтов всего императорского времени, и выбор падал на то название, которое подходило под закон данного стихотворного размера. Именно в силу этого великий римский лирик Квинт Гораций Флакк, дважды упоминая о посольстве скифских и сарматских послов с нашего юга к Августу в 26/25 г. до н. э., в одном случае назвал их гелонами, в другом скифами, сообразно просодии, то есть необходимой долготе слогов в выбранном стихотворном метре. Есть два источника I в. н. э.: Хорография Помпония Мелы, написанная около 44 г. н. э., и некоторые географические сведения в естественной истории Плиния. В них на ряду с вполне конкретными сведениями официальной карты эпохи Августа, составленной Марком Випсанием Агриппой, и практическими описаниями римских администраторов использован какой-то источник, близкий к Геродоту по времени и содержанию, но с ним не вполне совпадающий, больше использованный Мелой и совсем кратко Плинием, в котором скифы царские одинаково назывались базилидами, т. е. потомками царей, невры помещались высоко по Днепру-Борисфену, а гелоны прямо вслед за неврами. В сопоставлении с рассказом Геродота это повествование позволяет искать город Гелон, или Гелоний позднейших авторов, в западной, т. е. приднепровской части земли будинов. Дадим слово самому отцу истории. Он пишет в IV книге (главы 108 и 109): «В их (т. е. будинов) земле деревянный город по имени Гелон; городская стена с каждой стороны имеет в длину 30 стадий; она высока и вся построена из дерева, дома их и храмы тоже деревянные. Там есть святилища эллинских богов, по-эллински снабженные кумирами, жертвенниками и деревянными храмами, и в честь Диониса они через каждые два года совершают празднества с оргиями. Дело в том, что гелоны по происхождению эллины, выселившиеся из торговых городов и поселившиеся в земле будинов; говорят они то по-скифски, то по-эллински... Гелоны занимаются земледелием, питаются хлебом, имеют сады и нисколько не похожи на будинов ни сложением, ни цветом кожи...». Затем Геродот говорит, что греки иногда называют будинов гелонами, но что это-де неверно. Город Гелон должен быть признан очень большим: если Геродот исчислял аттическими стадиями, то каждая сторона города равнялась 540 м, если ионическим, то 6300 м, если персидскими, то она равнялась парасангу, то есть 5940 м. Обе последние цифры могли фигурировать, если описание было почерпнуто у Гекатея Милетского.

Из геродотова рассказа видно, что гелоны и будины жили мирно между собой, хотя легенда говорит об их различном происхождении. Проникновением в эту сторону скифских, а кое-когда, может быть, и греческих купцов объясняется и отсутствие у отца истории упоминания о собственном языке гелонов, и их скифо-греческое двуязычие, и слух о подобных греческих святилищах и праздниках в городе Гелоне, и о греческом происхождении самих гелонов. Гелон, если он существовал в действительности, вполне мог быть центром и перевалочным пунктом в этом краю для скифских купцов, одним из попутных ярмарочных мест.

Что может соответствовать будинам и гелонам в археологическом смысле, близком к скифскому по характерным чертам, если мы правильно определили их общую территорию от левобережья Среднего Днепра до лесостепного воронежского течения Дона? Такая археологическая культура есть. Она с не очень существенными вариантами занимает территорию от устья Десны до Ворсклы, к югу от лесной зоны до Северского Донца в его лесостепном и отчасти степном течении.

Однако в противоположность степным скифам, происхождение которых от племен

Керамика из разных городищ и курганов Посулья и с Донца

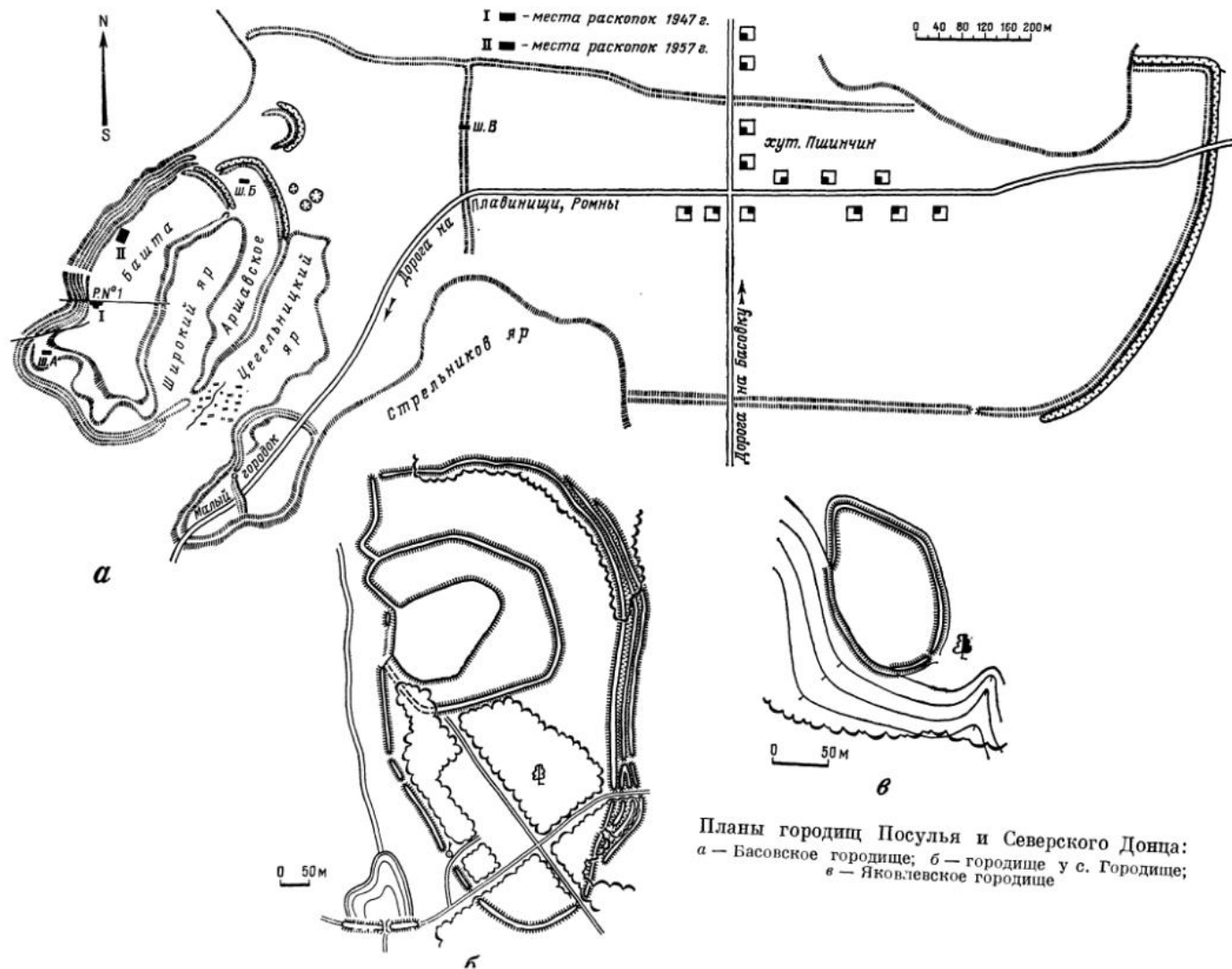
срубной культуры более чем вероятно, и тем племенам, которые мы сближаем с неврами, культура которых прямыми нитями связана с белогрудовско-чернолесской группой племен, предшественников или предков столь определенной культуры скифского времени, которую мы склонны приписать будинам, установить много труднее.

Срубная культура еще в середине II тысячелетия до н. э. принадлежала активным племенам. Эти племена в первый период существования двинулись из своей прародины в Среднем и Нижнем Поволжье сначала к Оке и в промежуточные лесные области. Здесь она встретилась с племенами охотников и рыболовов Оки и ее притоков, сохранявших в своем облике много неолитического, особенно превосходных каменных орудий и оружия. В результате сложились качественно новые племена, объединенные своеобразной поздняковской археологической культурой, названной так по месту первого обнаруженного селища, в районе Муроме у деревни Поздняково. Эта культура представляет собой своеобразное сочетание в керамике, украшениях и т. д. пережитков культур племен волгоокского неолита и срубной культуры. Поздняковская культура дожила в Волго-Окском междуречьи, в частности в Московской области, вплоть до начала железного века.

По-видимому, нечто подобное произошло и в левобережной приднепровской, донецкой и донской лесостепной зоне. Во всяком случае срубная культура проникла и во все эти районы, причем процесс этот, вероятно, начался столь же рано, как и проникновение ее в приокскую лесную зону. Здесь племена срубной культуры встретились с культурой типа, близкого к окским неолитическим. На этой почве образовалась так называемая бондарихинская культура, распространившаяся по левобережным притокам Днепра от Сулы до Ворсклы и получившая свое название от села Бондариха в Донбассе близ города Изюма.

В ее керамике так же, как и в посуде среднерусской поздняковской культуры, можно заметить пережитки посуды неолитической и срубной культур. На селищах бондарихинской культуры только на средней ступени ее развития можно сравнительно легко заметить влияние срубной культуры. Однако в посульско-донецкой керамике до скифского времени доживают своеобразные остросеребряные и баночные сосуды срубных форм. Следовательно, они сохранились где-то среди бондарихинских племен. По наличию на их селищах срубных типов бронзового кинжала, ножей и бронзовых кельтов, встреченных пока что, впрочем, единицами, некоторое время обе группы племен наверняка соседствовали между собой. Это могло продолжаться и до самого начала того, что называют скифским временем. Иногда полагают, будто позднее пришлые племена создали здесь в скифское время нечто принципиально новое, победив местные бондарихинские племена, будто бы отступившие на лесной север.

Такие выводы делаются главным образом на основании очень пока неясных представлений о развитии чрезвычайно разнообразной и включающей пестрые элементы донецко-посульской керамики скифского времени. Действительно, среди этой посуды есть в малом числе пережиточные остросеребряные и довольно обычны баночные сосуды срубных типов. Но есть и вытянутые горшки с пропорциями, то тянущими к тюльпановидным сосудам чернолесской культуры, то к одному из типов с Бондарихи. Наконец, есть низкие, приземистые, почти бочончком, горшки с очень невысоким бортиком. Репертуар сосудов дополняют миски с загнутым внутрь краем и с наколами с внутренней стороны под бортиком. Форма эта восходит к чернолесским и подобно бочонковидным сосудам очень свойственна киевскому правобережью. Среди этой посуды очень своеобразны, совсем не свойственные собственно скифскому, да и неврскому обиходу, шаровидные кувшины с широкой, частью покрытой сверху вниз глубокими бороздками ручкой. В целом виде больше всего известны на Дону, они встречаются в фрагментах, особенно ручек, и на Посулье, и по Ворскле, и по Донцу. Эта форма специфична для рассматриваемого культурного варианта, но ее происхождение неясно.

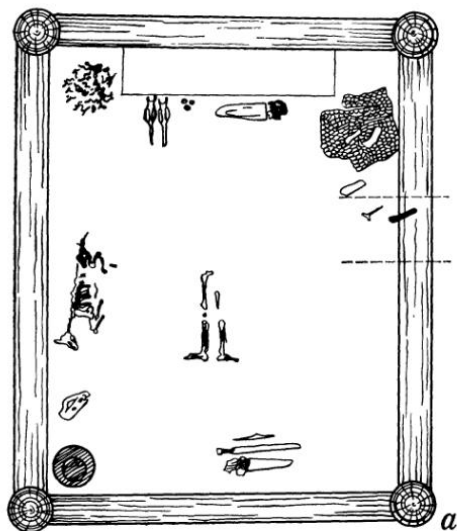

Планы городищ Посулья и Северского Донца:
 а — Басовское городище; б — городище у с. Городище;
 в — Яковлевское городище

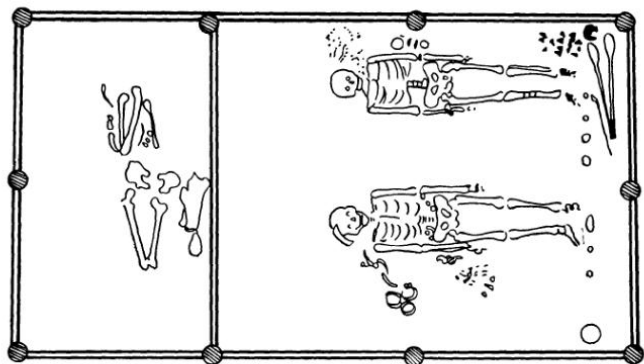
Есть еще повсюду одна своеобразная форма — небольшие сосудики с носиком, как у наших кувшинов, но без ручки. Наконец, надо отметить яйцевидные сосуды с горлом, сужающимся и снова расширяющимся вверху. Сосуды эти довольно большие, но без ручки и носика. Среди всей этой посуды почти неизвестно лощеной. Подлощены лишь некоторые из мисок и кувшинов в воронежских курганах и своеобразные кубки на поддоне, найденные там же. Однако единицами в Посулье встречены корчаги, цилиндрический кубок и несколько кубков-черпаков с поднятой над краем ручкой, снабженной на верхнем сгибе цилиндрическим или коническим выступом. Все это лощеное в черном или буром цвете. Это — тип сосудов с правого берега Днепра или с Ворсклы. Заметим, что всему этому району почти несвойственны на сосудах наlepные валики, столь обычные в VI в. до н. э. для правобережной нелощеной посуды. Зато широко распространены наколы и проколы изнутри, пальцевые сплошные защипы по краю и ямки по плечикам от концов пальцев объемлющими рядами. Встречаются нелощеные горшки степных типов, с широким устьем и узкими доньями, однако порой украшенные проколами изнутри. В керамике, таким образом, есть разнородные элементы, идущие частью от древней срубной культуры, частью от правобережной неврской и под конец от степного скифского набора посуды. Посуда гораздо беднее правобережной, но с ее сильным, не меньшим, чем степное, влиянием. Столь пестрый по составу характер керамики говорит о сложности образования посульско-донецкого культурного варианта.

Значительные элементы сходства с правобережьем Днепра сказываются в наличии обоих типов городищ, и сплошь заселенных на Суле и После, и с огромными пустыми площадями, как, например, Басовское на Суле. Площадь Басовского городища достигает более чем 170 га. Три надпойменных мыса с хорошо выраженным культурным слоем, каждый площадью по несколько гектар, с всполья ограждены каждый особым поперечным от обрыва к обрыву валом до 3—4 м высоты. Со стороны плато валом ограждена пустая площадь подпрямоугольных контуров, охватившая более 150 га; три сравнительно малых городища-мыса находятся на западном конце этой площади рядом друг с другом. Валу состоят из слоев земли и обожженной глины. Раскопки производились на мысах. Зольников не обнаружено. Открыто несколько неглубоких землянок и наземных жилищ. Одна из них лучшей сохранности имеет величину 9×5 м. Полы у наземных домов глинобитные. Стены на плетневой основе из глины. Очень они похожи на те, с которыми мы познакомились на городище Тарасова гора на р. Тясмине. Контурь почти прямоугольные с округленными углами или близки к овалу. Четырехугольные очаги с глиняным подом, иногда с кольями по углам. Находки конических и цилиндрических глиняных кирпичиков позволяют предположить сложенные из них печи.

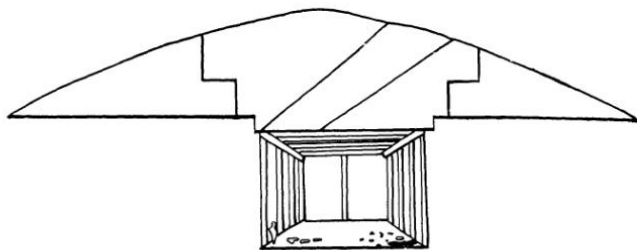
Находок вещей много и они типичны. Керамика описанных только что типов. Были найдены железный серп того же типа, что на Каменском городище, такие же ножи с широким пластинчатым или узкими черешками, обычные железные шилья и большие прямые иглы до 20 см длиной. Точильные камни и бруски обычны. Оружие представлено панцирными чешуйками из бронзы и бронзовой ворворкой от кисти к портупее или узде, наконечниками стрел VI—IV вв. до н. э. из бронзы, обломком железного акинака, и это — все. Огромная железная «посоховидная» булава в 40 см длиной да бронзовая бляшка VI в. до н. э. с двумя орлиными головами — вот почти все металлические находки. Железные шлаки — свидетель кричной варки этого металла. Из кости делали проколки, псалии с двумя отверстиями в середине, булавы с треугольной головкой и т. п. Но всего этого мало. Бусы более всего V и IV вв. до н. э. Пока что представлено 50 особей быка, 50 — свиньи, 30 — мелкого рогатого скота, 31 — лошади и 9 — собак. Из диких животных в небольшом числе лоси, олени, кабаны, медведи, лисицы, зайцы, водоплавающие птицы. Земледелие и пастбищное скотоводство были здесь основой хозяйства. Именно в Посулье и несколько севернее уже на Десне найдены в торфяниках два

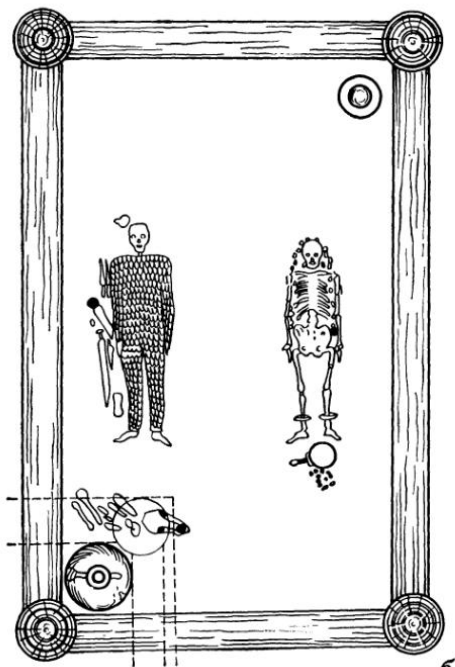
a

b

г

б

Жилищеобразные погребальные сооружения из дерева в курганах Посулья:

a — план сооружения в кургане Старшая могила; б — то же, курган № 2 (Аксютинцы, урочище «Стайкин верх»);
в и г — план и разрез кургана Мазарки 1902 г. в Аксютинцах

деревянных плуга скифского времени — прекрасное доказательство хлебопашества. Серпы известны каменского типа и с крючком вместо ручки (Кнышевское городище на Псле). На север от Сулы керамика посульских типов известна на некоторых небольших городищах по р. Сейм. Несколько городищ по несколько гектар площади известны на Псле и на самой Суле. Басовское городище, по-видимому, их своеобразный центр. Его культурный слой принадлежит более всего V и IV в., но есть немного керамики и мелких вещей середины VI в. до н. э.

В Посулье известно много курганов от 1 до 20 м высотой. Наиболее известны огромные группы их у сел Аксютинцы и Волковцы. Основной тип сооружений — бревенчатое подобие жилища в очень обширной прямоугольной яме или на древнем уровне почвы: стенки ямы доверху горизонтально забраны бревнами, сдерживаемыми по углам четырьмя толстыми столбами. Более обширные склепы имеют еще по опорному столбу в середине продольной стены. Иногда они просто покрыты сверху бревнами. Перекрытия нередко из двух слоев бревен крест-накрест. Изредка встречаются ямы со стенами, забранными посредством вертикально поставленных плах или тонких бревен, с более толстыми опорными столбами по углам и в середине стен. Вспомним, что это один из способов укрепления стен чернолесских землянок, подмеченный на Тясминском городище. Иногда эти деревянные загробные жилища связывают со срубам классических захоронений раннего периода срубной культуры. Но там сруб состоит из одного-двух венцов довольно тонких плах или даже слег, не заполняет всей ямы и менее похож на настоящее жилище. Кроме того, эти срубы далеко не дожили до скифской эпохи. В целом нет сомнения в прямой связи внутренних погребальных сооружений Посулья с таковыми у неводов днепровского правобережья. В ритуале есть кое-какие различия с неврским правобережьем: нет трупосожжений, трупоположения вытянутые, почти всегда на юг головой. Широкие положения, возможное влияние степного ритуала, единичны. Скорченные положения также редки. Сходство со степным скифским ритуалом негативное: и там и тут почти отсутствуют трупосожжения.

Большинство открытых погребений является могилами воинов, иногда с драгоценным оружием и в драгоценном уборе. Почти в двадцати случаях их сопровождают насильственно умерщвленные женщины, некоторые также в драгоценных уборах. Большинство этих воинов всадники. Только иначе, чем у скифских степных аристократов, а в духе правобережных приднепровских неводов, они берут с собой не коней, а более или менее ценные уздечные наборы. Их клали обычно по 2—6, а то и по 20 экземпляров в одном из углов ямы. Все стадии развития уздечек здесь представлены даже лучше, чем у степняков-сколотов. Это дело археологической случайности: ведь в степи было раскопано больше курганов IV—III вв., чем VI—V вв. до н. э. На Киевщине и на Полтавщине случай дал больше раннего и меньше позднего материала скифского времени. Встречены уздечные наборы и в женских могилах. То ли это влияние соседнего савроматского материального уклада жизни, то ли сами женщины-сарматки вливались в результате браков в племена Посулья.

Вот перед нами посмертный владыка Старшей могилы в Аксютинских курганах. Он лежал в деревянном сооружении первого из описанных для Посулья типа, которое имело особенность — односкатную крышу. В насыпи были остатки тризны: черепки сосудов, кости барана, два больших бронзовых ритуальных ножа, что известно в посульско-донецком районе в скифское время несколько раз. Его золото все целиком сорвали и унесли древние грабители, оставив археологу Д. Я. Самоквасову только часть костяка. В северо-западном углу лежало около двадцати пар бронзовых и железных удил, с бочковыми кольцами в виде стремечка или круглой, загнутой в бок петли. При них медные, железные и роговые псаии — все с тремя отверстиями и большинство, особенно роговые, с головками коня и барана на верхнем и с копытцами на нижнем конце. Бронзовые бляшки в зверином стиле в виде головок орлов, баранов и лежащих диких

Золотые вещи из кургана
1902 г. (Аксютинцы)

козлов украшали ремни узд. Два бронзовых навершия-бубенца с головками быков наверху, с железными шариками внутри остались от украшений дышла погребальной колесницы. Их в VI—V вв. больше всего на Суле и на Кубани. Много их в степи известно только в IV—III вв. до н. э. Может быть, это отражение действительных связей Посулья с кубанскими меотами, а может быть, это все тот же непреодоленный пока результат неравномерности археологических данных для разных районов. Недалеко от этих наверший лежал колчан стрел более поздних, чем весь состав вещей могилы, относящийся к V—IV вв. до н. э. Его, вероятно, бросили грабители, как оставили они и железную мотыжку с боковыми выступами в своей воровской лазейке. Страх ли это был или они оставили все это как жертву взамен ограбленного, теперь можно только гадать. Панцирь из железных и бронзовых чешуек лежал в юго-западном углу. Тут же 2 боевых железных топора, 4 железных наконечника копий. В ногах, у стенки, лежал и колчан с бронзовыми, костяными и железными наконечниками стрел типичных образцов первой половины VI в. до н. э., железный меч в 70 см длиной, но с характерным для этого времени навершием в виде бруска и перекрестием в виде сердца, т. е. обычный скифский акинак. Справа от покойника лежал остов тельника. В северо-восточном углу — амфора или местное подражание ей и череп свиньи. Были и другие вещи — железные ножи, железный кинжал-акинак с бронзовой ажурной оковкой ножен внизу, с изображением согнутого в дугу хищника вроде барса.

К числу богатых курганов Посулья можно отнести курган у хутора Шумейко, раскопанный помещиком Мазарки в 1899 г. Курган достигал около 19 м высоты. В нем сохранились неясно описанные остатки тризны. Внутри огромной (5×6×3,5 м) ямы было деревянное сооружение из толстых дубовых бревен. Важнейшая находка — железный акинак, может быть греческой работы, того же типа, что в Старшей могиле. Его золотые рукоять и ножны украшены зернью. На гнезде для сердцевидного перекрестия два готовых к прыжку горных козла, врозь головами, а на ножнах ряд стилизованных припавших на корточки для прыжка пантер. 18 пар сходных с найденными в Старшей могиле псалиев и удил сопровождали витязя.

Еще несколько курганов раскопал в 1897 и 1898 гг. тот же Мазараки в Аксютинцах. Среди них несколько относящихся ко времени богатейших Солохи и Чертомлыка. В одном из них дротики и копья позднейших скифских типов и меч, как в Солохе, с обложенной золотом рукоятью в форме орлиной лапы. В другом кургане была найдена среди роскошного инвентаря золотая лента, обвившая ручку нагайки, как в ряде других курганов. Там же оказался лошадиный убор с налобником в виде рыбы, напоминающий такой же в Солохе.

В 1902 г. все тот же Мазараки открыл курган, в котором было деревянное сооружение из вертикальных бревен по стенам ямы. Рядом лежали мужчина и женщина с большим количеством золота. В головном уборе женщины была золотая лента со сложным изображением борьбы зверей, как на одной из частей женского головного убора в Чертомлыке. Среди золотых блях, украшавших одежду мужчины у пояса, было шесть с рельефной фигурой бородатого воина, сидящего на троне, со скипетром-клевцом в зверином стиле в руке. Его костюм совершенно тот же, что у степных скифов. В головах к деревянному склепу была пристроена кладовая, содержащая остатки разрозненного костяка, может быть слуги, кнемиды (бронзовые поножи для защиты голени и колен), бронзовый таз и удила. Поразительно, что при главном мужчине не было оружия, а какой-то инструмент в виде щипцов с широкими захватными губами. Может быть, это царь-жрец или искусник-мастер, которому и не требовалось оружия. Вспомним царей-кузнецов у племен негров банту. Помимо перечисленных драгоценных предметов все курганы раскопок Мазараки содержали множество простых предметов вооружения и быта. В кургане у хутора Шумейко были черные лощеные кубки и корчага VI в. до н. э. в духе обычных на правобережье вокруг Киева.

В женском и отчасти в мужском обиходе обычные те же украшения, как на киевском берегу Днепра. Те же гривны, булавки для одежд, те же гладкие перстни с загнутыми назад в кольцо узкими строками, те же зеркала, те же нашивные бляшки имеются и здесь. Обычны особые массивные, круглые в сечении литые браслеты из бронзы. В других областях они отсутствуют.

Специальной чертой Посульского варианта культуры левобережных районов лесостепи в скифское время считалось отсутствие катакомб степного типа. В последнее время группа киевских археологов установила, что на левом берегу Днепра прямо напротив Киева у станции Борисполь существовала с конца V в. группа курганов, в которой вместе применялись погребальные сооружения в виде деревянных имитаций жилищ и в виде катакомб, как у степняков скифов. Самый ритуал и в тех и в других напоминает степной: костяки имели западную ориентировку, их довольно часто сопровождали подчиненные лица и, может быть, даже рабы. Таким образом, непосредственно по левому берегу Днепра степняки проникли выше по реке, чем на правом, где есть, как мы видели, некоторая их примесь только на р. Тясмине. Было ли это завоевание или вполне заметное внедрение степняков скифов и смешение их с левобережным сходнокультурным населением? Скорее последнее, но с распространением сюда всего комплекса погребального ритуала. Далее в глубь страны на восток от самого Днепра степное население с его обрядами не распространилось.

По течению Донца, Сиргиса или Григиса Геродота, в пределах лесостепи картина очень напоминает то, что в те же века происходило в Посулье. Здесь археологом Харьковского университета Б. А. Шрамком с его коллективом студентов и сотрудников на верхнем и среднем течении этой реки и на его притоках установлено до восьмидесяти поселений, в их числе не менее восемнадцати городищ. Неукрепленные селища располагались различно: то на надпойменной террасе реки, то довольно высоко на черноземных плато. Они, по-видимому, находились вблизи городищ, куда в случае нападения могло укрыться их население. На некоторых селищах насыпались зольники, на некоторых их не делали.

На селище у села Островежовки приблизительно 60 зольников располагались в пяти группах, в каждой более или менее по кругу или овалу. Зольники состояли из постепенно накапливавшихся порций очажной золы и всяких выброшенных предметов, особенно обломков посуды и костей животных. Среди керамики обломки многочисленных мисок, кувшинов, горшков и других обычных в Посулье типов, а также многочисленных горшков бочонкообразных и степных типов. Те и другие орнаментированы наколами изнутри и зацепками по валику или бортику. Наколов изнутри на мисках не делали. Есть сосуды с множеством отверстий в дне, вроде дуршлагов. Глиняные пряслица по большей части конические. Из железных вещей найдены топор-колун с массивным обухом, ножи с широким и узким черешком, железный псалий с двумя отверстиями, лезвие серпа каменского типа и бронзовые наконечники стрел более поздних форм, бронзовое зеркало и т. п. Встречены, как и на Басовском городище, глиняные слабо обожженные конусы, вероятно, от сводов печей. Найдены глиняные фигурки животных и людей, очень схематические, трудно определимые, так как их головки не сохранились, кроме одной, несомненно, свиной. Вся посуда сделана без помощи гончарного круга. Греческая керамика представлена амфорами из-под ввезенного вина. Большинство из них IV—III вв., но есть и рубежа VI—V вв. до н. э. И по ним, и по скифским вещам время селищ определяется с начала VI по начало III в. до н. э. Около одного из зольников были раскопками обнаружены остатки жилища, углубленного всего на 30 см, в виде почти овала с поперечниками 8 и 5 м. Стены его состояли из глиняной обмазки на каркасе из тонких полубревнышек, переплетенных прутьями, как на городище Тарасова гора и на Басовском. Крыша жилища покоилась на столбе, находившемся в центре постройки. Рассматривая связь жилищ с зольниками как наиболее вероятную, можно вслед за Б. А. Шрамком предполагать, что каждое круговое скопление зольников было отдельным комплексом жилищ каких-то объединений внутри всего поселка, может быть, как мы сочли по отношению к Каменскому городищу степняков, большой патриархальной семьи. Подобное же расположение зольников и жилищ и их устройство наблюдалось и на других селищах.

Б. А. Шрамко высказал очень вероятное предположение о сезонном летнем характере поселений на дюнах. Они могли служить для пригона скота в какое-то время лета. Известно жилище на одном из таких селищ у села Шмаровки под Харьковом. Оно имело глинобитный пол в 2—3 см толщины, было прямоугольно в плане (9,5 × 6,0 м) и имело по углам столбы.

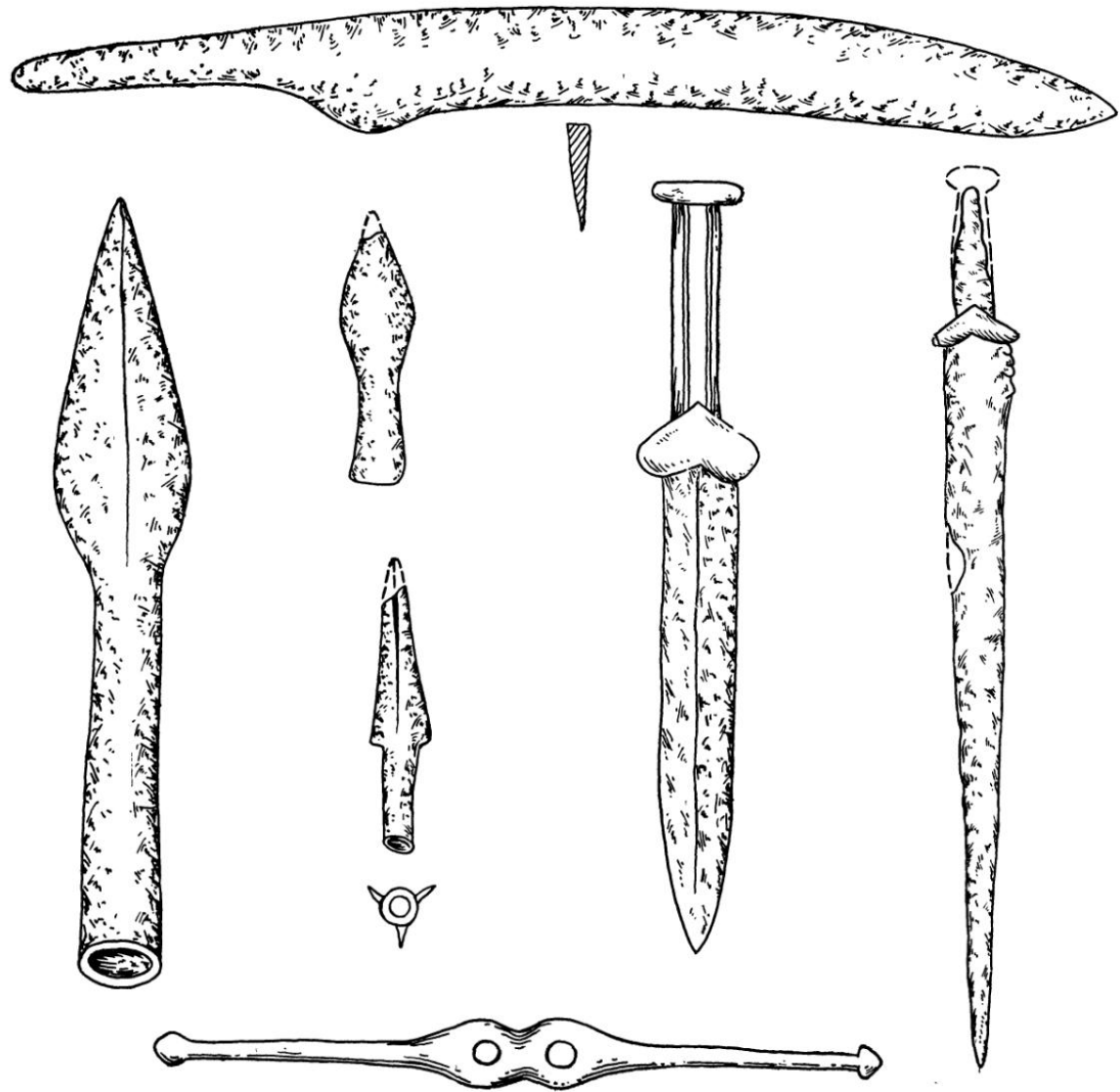
Городища на Донце двух типов. Одни не имеют совсем или почти совсем культурного слоя и, по всей видимости, служили только убежищами. Другие были обитаемы. Их площадь невелика, от одного до нескольких гектар. Были они обитаемы постоянно, слои их иногда очень мощны. Нередко у них одно-два так называемых предградья, то есть дополнительно примыкающие снаружи к основной площади так же укрепленные площадки. Они тоже были обитаемы. Нет городищ типа Матронины и Басовки с их заселенными и незаселенными частями. Центра в роде Басовского городища на Донце нет. Городище у села Городища, где производил недавно раскопки П. Д. Либеров, едва ли не наибольшее, имело площадь главного дворища 21 500 м², первого предградья —

48 100 м², второго предградья—19 420 м², то есть всего более 26 га (см. рис. на стр. 135). Но и его главный двор и оба предградья были покрыты достаточно насыщенным культурным слоем. Степень укрепленности городища зависела от его положения на местности. Городища на мысах иногда ограждались валами только с напольной стороны, если боковые склоны были достаточно круты от природы или могли быть доведены искусственно до крутизны в 30—40°. Иногда по склону насыпался небольшой дополнительный вал. Порой число валов и рвов доходило до четырех рядов на одном участке оборонительной линии. Валы насыпались из земли, взятой во рву. В некоторых случаях для прочности вал был вымощен изнутри по склону камнем. Возможно, что на вершине вала возводились какие-то деревянные сооружения. Остатки от сгоревших бревен таких сооружений найдены были, например, на валах городища у села Караван и у села Люботина. Лишь дальнейшие исследования могут установить устройство и степень распространенности таких сооружений. Однако нет ничего невероятного, что они сооружались на всех без исключения больших городищах в лесостепной полосе в скифское время. Без каких-либо палисадов или деревянных клетей защитникам трудно было бы устоять на широком гребне земляных валов под градом стрел.

На городищах были прослежены остатки наземных жилищ; они такие же, как на селищах, обмазанные глиной на деревянном каркасе. На Люботинском городище Б. А. Шрамко в 1961 г. раскопал какие-то углубленные землянки, но они еще в литературе не описаны. На городище у села Городище П. Д. Либеров раскрыл ряд различных хозяйственных ям. На всех донецких селищах и городищах встречены остатки земледелия и скотоводства, много керамики и самых разных бытовых предметов от орудий труда до украшений включительно.

Иногда в непосредственной близости от городища или селения располагались курганы. Из нескольких насыпей, а то и из нескольких их сот составлялись курганные группы. Около городища Караван, например на площади около 18 000 м², сосредоточено было до 450 курганов высотой от 0,5 до 2,5 м. Сооружения под курганами очень однообразны. Это четырехугольные ямы с округленными углами, необширные, достаточные для костяка, продолговатые. Они перекрыты плоским деревянным настилом, только иногда они бывают снабжены деревянным полом. Сооружений вроде сложных жилищ здесь совсем не наблюдается. Только в одном кургане близ села Б. Гомольша Б. А. Шрамко вскрыл в могиле дощатую двускатную крышу над покойником; она опиралась по длинным сторонам dna обычной небольшой могилы на две продольно лежавших слуги, третья слуга, упертая концами в середину узких стенок могильной ямы, служила матицей для 15—16 досочек с каждой стороны, образовавших два ската невысокой крыши.

Сложная конструкция погребальных жилищ Киевщины и Посулья не может быть сопоставлена со скромными срубами племен срубной культуры, а восходит к землянкам с горизонтальной и вертикальной забрусковкой стен еще белогрудовско-чернолесской и неврской культур. Между тем в позднесрубной культуре исчезли даже скромные древние срубы в один-два венца, а осталась только яма с деревянным перекрытием и иногда с потолком. Если добавить, что среди сооружений позднесрубной культуры встречаются как редкое своеобразное исключение двускатные шалаши-перекрытия вроде только что описанного, то прямая преемственная связь донецких лесостепных погребальных сооружений с позднесрубными становится совершенно очевидной. Внезапно столь сходная с посульской по керамике, костюму, устройству поселений и жилищ, по всему типу хозяйства и быта группа придонских лесостепных племен оказывается как-то связанной своими погребальными сооружениями с той же позднесрубной этнической средой, с которой связаны собственно скифские племена степей. Эти последние утратили к началу IV в. до н. э. донецкий тип погребальных ям, сменив его на катакомбы, то есть на разных типов подземные камеры. Катакомбы совсем не появились на Дон-

Железные предметы с Донца: сверху — нож из Островерховки; в середине — железные наконечники стрел из кургана у с. Новые Санжары; слева — железное копьё; внизу — железный псалий; справа — акинаки (из разных мест)

це. По его степному течению применялись такие же погребальные сооружения, как и по лесостепному: и там и здесь жили те же, но кочевые племена. Либо, что менее вероятно, это были какие-то степные скифы, у которых, однако, не привились катакомбы. Покойников чаще всего клали вытянутыми на спине головой на юг, то есть по посульскому ритуалу. Очень редка ориентировка головой на север, которую трудно куда-либо возвести, если не считать ее каким-то пережитком раннесрубных обычаев или простым противоположением погребениям головой на юг. В позднесрубной культуре многие по-

койники погребались во изменение прежнего обычая головой на запад. Сюда восходят, может быть, донецкие погребения с такой же ориентировкой. С этой же погребальной традицией связано, вероятно, на Донце редкое положение костяков на левый бок, со слабоподогнутыми ногами, как пережиток скорченного положения поздних погребений срубной культуры.

Мужчина донецких племен в скифское время — воин. Таким рисуют его инвентарии погребений. Обычные бронзовые наконечники стрел, главным образом пирамидальных форм, трехгранные и трехлопастные, иногда плоские VI в. до н. э., известные из этих краев. Некоторой особенностью являются плоские листовидные железные наконечники со втулкой и железные такие же, но трехлопастные. Они были найдены целым колчаном в кургане у села Новые Санжары Харьковской области. Плоские наконечники из железа совершенно отсутствуют в V—III вв. до н. э. во всех областях распространения скифских форм оружия, кроме воронежского Подонья. Лишь изредка на Донце известны мечи; они есть и в архаических формах VI в. до н. э. и более поздних типов, в роде чертомлыцких. Гораздо обычнее, чем мечи, железные копья и дротики так же общих скифских типов. Несколько раз воинов сопровождал в могилах конь без удила. Эти последние в числе нескольких экземпляров и псалии к ним — все типов V—III вв. до н. э. — встречены в зольниках и на городищах. Ножи скифских типов с насаженными на них ручками из дерева или из костяных пластин, или с тонким стерженьком. Доспехи пока что неизвестны в погребениях, но несколько обычных панцирных чешуек встречены на городищах.

В женском обиходе те же украшения: булавки, перстни, бляшки и зеркала. На селище у села Шелковой найдены костяная туалетная ложечка со звериной головкой на верхней части ручки. Это — вещь необычная ни у скифов в степи, ни в лесостепной полосе. Зато она обычна у савроматов, откуда, возможно, проникла к донецким племенам. Из зеркал особенно отметим найденное у села Петровского, с рядом концентрических кружков и с отдельным кружком в основании ручки; в последнее вписан четырехугольник. Все это известные солярные изображения. Богатых курганов из лесостепной зоны Донца пока еще неизвестно. Это, вероятно, только случайность. На его степном течении на реке Калитва в одном погребении конца VII в. до н. э. были найдены золотые головки тельцов месопотамского происхождения, украшавшие табурет-трон по углам; там же золотой венчик, по-видимому, украшавший шлем, и греческий расписной сосуд с горлом в виде головки быка.

Сосуды сопровождали донецких покойников нечасто. Это относится и к лепным от руки туземным, и к греческим амфорам из-под вина, древнейшим, еще рубежа VI—V вв. и доживающим вплоть до III—II вв. до н. э. Известны редкие находки чернолакового греческого импорта.

Основой хозяйства был комплекс земледелия и скотоводства. Пахали землю, конечно, плугами посульских типов. Железные мотыги с двумя выступами по бокам и костяные из трубчатых костей и рога оленя найдены на донецких поселениях. Жали серпами как каменского типа, так чаще серпами с небольшим крючком на месте ручки, завернутым в петлю. Тип этот распространен так же и у племен лесной зоны УССР и РСФСР. На овальных зернотерках женщины перерабатывали зерно на муку. Отпечатки зерен на исподе донышек сосудов известны по всей лесостепной зоне. Но тщательнее всего они были изучены именно Б. А. Шрамком на сосудах с городищ по Донцу. Установлены отпечатки проса (более всего), ячменя, пшеницы; из бобовых — гороха и чечевицы, из хлебных сорняков — лебеды и пырея. Совершенно замечательна связанная с каким-то земледельческим культом картина жертвоприношений, открывавшаяся на городище Караван при раскопках Б. А. Шрамка. На нем находилось жертвенное место, огражденное валом из обожженной докрасна глины, тянувшимся на 45 м. Место это состояло из большого зольника и трех ям, а также глинобитного сильнообож-

женного овального жертвенника, к которому вел вымощенная песчаником дорожка. Зольник около жертвенника образовался за счет золы от сжигавшейся на нем соломы. В составе зольных находок были между прочим глиняные имитации различных зерен (всего 170 штук). Они несколько больше натуральных, но пропорции очень хорошо выдержаны. Это изображения зерен пшеницы, ржи, ячменя, проса и семян бобовых — гороха, нута (или гороха), вигны и чужы (масличное растение). При исследовании в специальной лаборатории оказалось, что к глине злаковых была примешана мука. Эти имитации зерен имели, несомненно, смысл жертвоприношений, может быть магических, призывавших богов посылать урожай жертвователям.

В стаде преобладал крупный и мелкий рогатый скот, составлявший от 50 до 65 % всего поголовья. Много было свиней. Кости лошадей указывают на то, что их разводили и на пищу. Собака известна тоже хорошо. Полностью или частью стадо паслось на пастбище, так как в него входили свиньи.

Сравнительно немного охотились. На поселениях мало костей промысловых животных. Это — лось, олень, косуля, кабан, волк и другие. Пока неизвестно никаких следов рыболовства, как это было и у приднепровских скотов.

Металлургия была местной. Встречены в Островерховке и в других местах типичные льячки с пустотелой ручкой, обломки тигля, небольшие лепешечки — слитки бронзы. Были найдены бракованные наконечники бронзовых стрел, не подвергшиеся обработке по выходе из форм. Медь, несомненно, была привозной. Изобильная болотная руда этих мест вполне позволяла развиваться железоделательному производству. Анализы показали однообразие состава железа, из которого делали вещи в разных поселениях, — лишнее доказательство местной работы. Применяли разные приемы сварки железа со сталью. Кое-где, например, на селище у села Б. Даниловки, были найдены куски шлаков и руды, то есть признаки местной сыродутной варки железа. Нет, впрочем, оснований предполагать, что выплавка и даже кузнечное дело бытовали на всех поселениях.

Мало употреблялась в быту кость как поделочный материал. Впрочем, уже говорилось о костяных мотыгах. Порой из кости приготавливали наконечники стрел. Изредка делались костяные булавки с треугольной головкой, в которой просверливалось иногда круглое отверстие. Такие булавки, бытовавшие в других местах лесостепи тоже редко, были больше, чем обычные в лесных культурах центральной части РСФСР.

Скромность известных к настоящему времени погребений не позволяет решительно говорить об аристократическом слое общества. Однако курган на р. Калитве, несомненно, содержал погребение богатого воина еще конца VII в. до н. э. Впрочем, он, как мы упоминали, находится уже в степной зоне. В ногах одного женского погребения у хутора Покровского лежал без вещей костяк на правом боку со слабоподогнутыми ногами. Такое положение костяков слуг в ногах главного лица известно и у степных скифов, и у неуров Киевщины. Женщина-хозяйка в погребении у Покровского имела многочисленный инвентарь. На шее у нее было ожерелье из бус и золотых бляшек. В этом случае мы можем вполне законно предполагать даже рабское состояние слуги, лежавшего в ногах.

Глиняные имитации хлебных зерен: внизу — рожь и пшеница; вверху — бобовые — найдены на городище у с. Караван на Дону

На Дону, по его воронежскому лесостепному течению с роскошными часто дубовыми, хотя и сильно поредевшими со скифского времени лесами, еще в 1905—1911 гг. были открыты курганы с богатыми захоронениями в урочище Частые курганы на окраине Воронежа и у села Мастюгино в нынешнем Коротоякском районе. Современные по методам раскопки были произведены экспедицией Института археологии Академии наук СССР в самые последние годы.

Сначала здесь было известно только одно городище, раскопанное доцентом Воронежского университета А. Н. Москаленко в 30-ти км ниже Воронежа по Дону, нижний слой которого относится к скифскому времени. Это Архангельское, или иначе Голышевское, городище расположено на двух мысах. Каждое из двух дворниц отделено со стороны всполья невысоким земляным валом. По плато проведен еще один отгораживающий эти мысы вал. На городище было раскопано правильное квадратное в плане (170 м²) жилище. Его стены состояли из сплошного ряда хорошо сохранившихся столбов, вертикально поставленных в специально вырытые канавки. Были раскопаны 9 хозяйственных ям глубиной от 2,60 до 1,5 м, расширяющихся ко дну и служивших, вероятно, для хранения продуктов. В этих ямах и по всему городищу находились обломки горшков со щипковым орнаментом по краю и наколами изнутри, фрагменты мисок с загнутыми внутрь краями, наконец, черепки довольно грубых шаровидных кувшинов и их ручек, часто украшенных продольно вертикальными бороздками. В основном это — типы глиняной посуды, как в Посулье и на Донце. На днищах ее обнаружены отпечатки половы зерен, ячменя, проса, ржи, пшеницы и гречихи. Найден обломок мотыги из рога лося. Попались археологам куранты (пестики) от зернотерок. Металлических вещей немного. Ножи с широким пластинчатым черешком степного типа, рассчитанным на насадку костяных пластинок ручки, и с узким стержневидным черенком лесостепного типа. Найден псалий из кончика оленьего рога с двумя отверстиями. Он с полной уверенностью может быть отнесен к рубежу VI—V вв. до н. э.

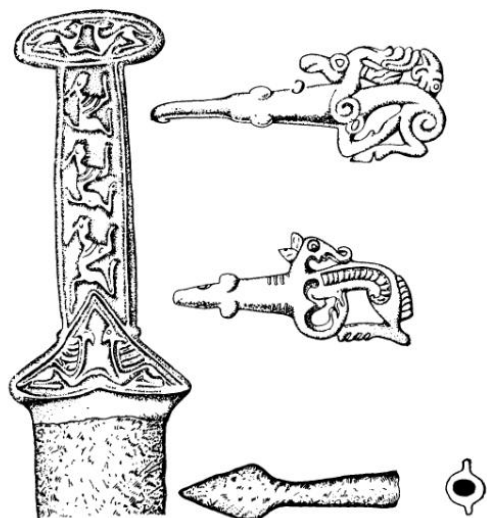
Под руководством П. Д. Либерова было открыто Волошинское городище близ Мастюгинских курганов. Оно входит в систему трех очень близко отстоящих друг от друга городищ. Двойной земляной объемлющий вал служил для его обороны. При раскопках здесь было открыто три полуземлянки неправильных очертаний по 12—15 м² площадью. Округлые овальные глинобитные очаги располагались в середине или в одном из углов жилища. По углам — ямы от столбов. Находки на этом городище (см. рис. на стр. 147) состоят главным образом из керамики: горшки, миски и кувшины с ручкой в общем тех же типов, как посульско-донецкие и отчасти степные. Найден своеобразный серолощепный кубок на высокой ножке типа, свойственного только Подонью. Другие находки немногочисленны. Это обычные пряслица, биконические и конические, а также подражающие сосуды. Последняя форма очень похожа на встречающуюся в лесных городищах. Железное шило, железные ножи обычных образцов, несколько овальных зернотерок и цилиндрических терочников к ним, подвесные точильные бруски и т. п. — основные находки. По всему составу находок, в том числе по обломкам греческих амфор, городище относится к IV—III вв. до н. э.

К северу и к югу расположены еще два укрепленных валами городища по 6—7 га площадью. Их время определяется собранной на них керамикой, совершенно сходной с найденной на главном городище. Здесь можно усматривать систему из трех городищ, вроде Басовского городища на Суле, несмотря на отсутствие соединяющего их общего вала: настолько они близки между собой территориально и сходны по материалу.

В открытых еще в дореволюционное время Мастюгинских и Частых курганах раскопки ведет теперь П. Д. Либеров. Под насыпями, часто имеющими по несколько метров высоты, находятся квадратные или широкие прямоугольные могильные ямы до 20 м² при значительной глубине. В этих ямах сооружали жилищеобразные склепы с тремя столбами по стенам и иногда еще по средней линии и с горизонтальной облицовкой стен

из плах или бревен; реже стены состоят из вертикально поставленных столбов, как у жилища на Голышевском городище. В большинстве случаев перекрытие было, по-видимому, плоским, но при трех столбах по длинной оси оно должно было быть двускатным наподобие сооруженный в Журовских курганах на Тясмине. В общем могильные жилища здесь такие, как в курганных группах по р. Суле. Особенностью этих могил было наличие в них ям для возлияния, открытых основателем московской археологической школы В. А. Городцовым в 1928 г. и обнаруженных позднее П. Д. Либеровым. В. А. Городцов назвал их бофрами, заимствовав это наименование из XI песни Одиссеи. В такие ямы ставили иногда греческие сосуды, то чернолаковую энохю, то канфар, вещи вообще достаточно обычные в воронежских курганах. Погребения в Частых курганах и в Мастюгине — большей частью вытянутые труположения головой на запад. В Мастюгине встречено три трупосожжения на древнем горизонте, оставивших прокаленные пятна глины. В кургане № 2/23 над таким трупосожжением был сооружен домик с двускатной крышей на 9 столбах. Может быть, канавки по сторонам соответствуют символическим сплошным стенам. Инвентарь этих захоронений очень беден: обычные удила, псалии и бляшки вместе с небольшим числом наконечников стрел.

Вообще говоря, мужские захоронения богаты оружием, женские — украшениями. Есть они и у мужчин. Большинство могил ограблено. Довольно обычная принадлежность — бронзовый котел. В одном котле был положен целый остов обезглавленной овцы; такой же обычай известен у савроматов. Конские кости полагались в виде отрезанной от хребта грудины; так это было обычно у степных скифов. При них также клали нож с костяной ручкой. Коней заменяли символическим положением узды. Удила и псалии обычной для V—III вв. формы. Довольно много при них бляшек в зверином стиле. Замеча-

a

б

Вещи из воронежских курганов и городищ:

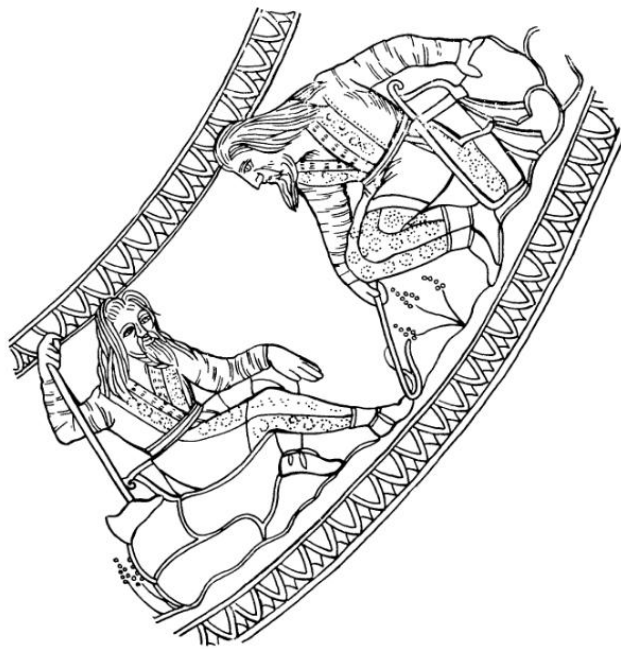
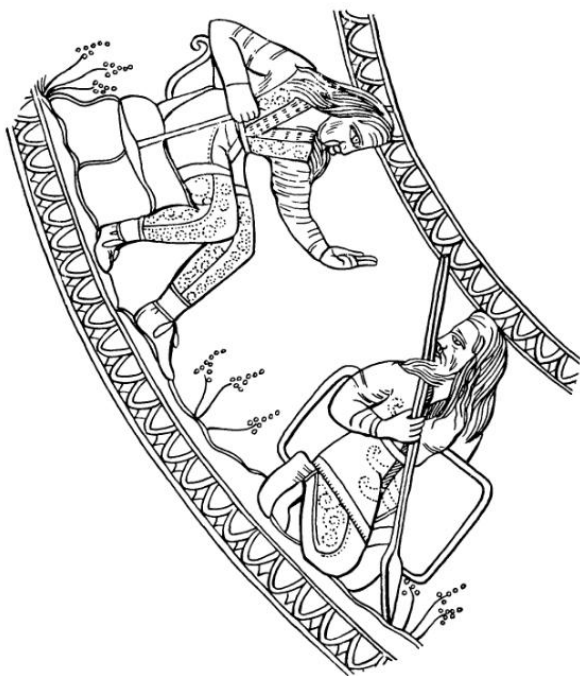
a — волстая рукоять меча из Частых курганов, справа — металлические поясные крючки в зверином стиле из Частых и Мастюгинских курганов; внизу — плоский железный наконечник стрелы; *б* — кубок и кувшин с Волошинского городища

тельные большие прорезные бляхи, изображающие орла, который клюет свою лапу (еще из дореволюционных раскопок одного из Частых курганов). Один из мечей в кургане № 3 в группе Частых имел выложенную золотом рукоять и ножны с изображением пантер, припавших для прыжка; на его перекрестии геральдически поставлены грифоны очень грацильных (сухих) пропорций. Есть и еще мечи общескифских форм. Обычные железные копья и дротики достаточно хорошо здесь представлены. Стрелы из бронзы многочисленны и обычны для V—III вв. общескифских образцов. Но рядом с ними очень много втульчатых железных как трехгранных, так особенно плоских листовидных стрел, отсутствующих в других местах, если не считать погребения на Донце у Новых Санжар, куда они, вернее всего, попали с Дона.

В Мастюгинских курганах и в курганах у Русской Тростянки есть и такие железные наконечники, и плоские листовидные с черешком, раздвоенным как ласточкин хвост. Этот образец проник в лесные городища РСФСР, где он иногда готовился из кости. Таким образом, вооружение и костюм местных жителей не отступал от общескифского. В том же кургане, где был упомянутый меч, найден серебряный сосуд с рельефными изображениями воинов на отдыхе в таких же костюмах, как на кульобской вазе, на чертомлыцкой амфоре и на гребне из Солохи. Чешуйчатые панцири встречаются в могилах как железные, так и бронзовые. Одежду украшали нашивные бляшки в зверином стиле и геометрических форм; носили золотые перстни с гладким щитком и кольцом из загнутых лапок, простые золотые гривны и т. п. К особенностям костюма в воронежских курганах относятся железные незамкнутые круглые пряжки с завитками на концах и с подвижным язычком, иногда обернутые в золотую пластинку. У одной такой же пряжки на концах — кабаньи головки. Очень часты поясные крючки в зверином стиле, с фигурами оленей, кабанов или медведей на щитке и с крючком в виде ушастой головки орла-грифона. Пряжки такой формы единицами встречаются у всех племен, скифообразных по культуре; только на воронежском Дону они становятся многочисленными. Есть среди туалетных принадлежностей золотая обкладка то ли деревянного, то ли костяного гребня с изображением обращенных в разные стороны голов кабана.

Кроме котлов в воронежских курганах немало другой утвари, в частности греческой. Бронзовый лутерий, бронзовая гидрия, ритоны, чернолаковая энохоя, канфары, винные амфоры — прямой результат боспорского импорта, шедшего через город у Елисаветинской станицы в устье Дона из Боспорского царства. Далее на север в лесную полосу греческий импорт не проникал. Освоившись с ним, племена скифообразных культур ни здесь, ни в других местностях почти не пропускали предметов эллинского комфорта дальше. Местные глиняные сосуды ставились нечасто. Это были кубки на ножке, иногда кувшины шаровидной формы, т. е., как и греческие сосуды, преимущественно пригодные при употреблении вина или, может быть, пива. Деревянные сосуды применялись здесь, как и у степных племен. Их ручки украшались золотыми пластинками и гладкими и в зверином стиле; например, у одного сосуда на ручках были рельефные изображения медведя, у другого ручка имела вид круглой скульптуры сидящего орла.

Местной особенностью являются частые изображения кабанов, особенно их головок на бляшках, пряжках и на гребне. В одном из курганов близ Мастюгина была найдена челюсть дикого вепря, обтянутая серебряной пластинкой. Кабан пользовался большим почетом и, вероятно, играл какую-то культовую роль, например, он мог быть пережитком тотемических представлений. Впрочем, медведь так же обычен здесь более чем в других местах при изготовлении вещей в зверином стиле. Вполне можно предполагать в среде воронежских жителей скифского времени распространение медвежьего культа. Вообще в зверином стиле воронежского Подонья немало оригинального. Это, в частности, несомненное доказательство не только их самобытности, но и привычности для местных мастеров приемов бронзолитейного дела.

Серебряный сосуд из Частых курганов

Земледелие и скотоводство совершенно такие же, как в Посулье и на Донце. Отметим особенно рожь и гречиху среди установленных на Голышевском городище зерновых. О ржи мы узнали по донецким памятникам, о гречихе слышим впервые на Дону. Можно предполагать, что эти растения были распространены по всей посульско-донской лесостепи. Во всяком случае донецкие и донские остатки сельскохозяйственных культур лишний раз подтверждают давнюю мысль, что рожь именно в скифское время и в среде скифообразных по культуре племен стала распространенной хлебной культурой, — вклад немаловажный при тогдашней неустойчивости урожая. Недаром Полибий во II в. до н. э. писал, что в неурожайные годы страны Северного Причерноморья, обычные экспортеры пшеницы, вынуждены ввозить ее. Конечно, это касается только греческих городов, а местные племена спасались от голода, внедрив в быт рожь и особенно просо.

Животноводство донских племен хорошо известно по Волошскому городищу. В стаде было 35 % крупного рогатого скота, лошади — 32,5 %, мелкого рогатого скота — 17,5 %, свиньи — 15 %. Тип скотоводства тот же, что на Киевщине, в Посулье и на Донце. Обилие крупного рогатого скота говорит, что и здесь плужное примитивное земледелие вполне могло использовать волов при вспашке.

Нетрудно было заметить, что не только обработка дерева вообще, но и собственно плотницкое дело было хорошо известно всем племенам лесостепи в скифское время, а не только жившим по берегам воронежского течения Дона. В пользу этого говорят особенно деревянные дома, захоронные жилищеобразные сооружения, деревянные части укреплений и т. д. Но именно воронежским Частым курганам мы обязаны еще одним подтверждением высказанного соображения и потому здесь о нем и упомянем. В довольно богатом кургане № 8 при покойнике, всаднике и воине были найдены топор-колун с сильно разбитым от ударов по нему обухом, тесло с выступами по бокам, втульчатая широкая стамеска и конический толстый пробойник (см. рис. на стр. 107). Воин, как видно, не гнушался плотницкой работы.

Исконность черной металлургии в Воронежской области доказывается нахождением железных предметов и плаков еще на ранних поселениях срубной культуры, то во II тысячелетии до н. э. В изучаемое время это совершенно очевидно по находкам здесь такого количества железных стрел и притом особого типа, редкого в остальном скифском мире, по оригинальным железным украшениям, также почти нигде более не встречающимся.

Не пропуская ценных для себя греческих товаров на север, подонские племена однако торговали с далекими так называемыми племенами ананьинской культуры, жившими в лесных городищах Прикамья. В зверином стиле ананьинцев есть изображения кабанов и медведей, стилизованные в духе воронежских, плоские железные наконечники взятого оттуда же типа, поясные металлические крюки и незамкнутые пряжки.

Соседство с савроматами тоже оказало на подонские племена свое влияние. Оно сказалось в некоторых чертах погребального ритуала, именно: в положении обезглавленных бараньих тушек в качестве напутственной пищи покойнику и в господстве западной ориентировки головы погребенных вопреки основной южной ориентировке в Посулье и на Донце. Однако в целом нет никакого сомнения в господствующем здесь посульско-донецком характере всей воронежской культурной группы в скифское время.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА ВОРСКЛЕ.
СООТВЕТСТВИЕ ЛЕСОСТЕПНЫХ КУЛЬТУР
ГЕРОДОТОВЫМ НАРОДАМ.
ГДЕ НАХОДИЛСЯ ДРЕВНИЙ ГЕЛОН?

ещерь вернемся на запад, на южный лесостепной левобережный приток Днепра—реку Ворсклу. Это возвращение неслучайно. Читатель уже заметил, что у всех племен и народов, охваченных похожей на скифскую материальной культурой, проявлялись и свои собственные бытовые черты. Среди них едва ли не первое место занимает керамика. Основной набор форм керамики степных скифов и нижнедонских меотов решительно отличается от ее набора у неводов киевско-черкасского Приднепровья. У этих последних он отличен от ассортимента керамики левобережных посульско-донецко-среднедонских племен. На Донце пережиточных срубных сосудов мало, на Суле они за-

метны, на Дону появляются лощеные кубки на ножке, но почти нет узкогорлых сосудов. С IV в. до н. э. всюду появляется степная посуда. Повсюду по Ворскле керамика имеет с самого начала смешанный состав. Вместе с господствующими формами посульско-донецких типов здесь в большом количестве на первых порах уживаются тясминско-пороские правобережные лощеные образцы.

Как это могло произойти? Мы уже знаем теперь, что в конце VIII или в начале VII в. до н. э. предки неводов, чернолесские племена, перешли в страну будинов. Это выражено в валиции на поселении у села Хухра на Ворскле землянок, содержащих керамику и некоторые другие вещи чернолесских типов. Открывая этот факт сотрудница Инсти-

тута археологии Академии наук УССР Г. Т. Титенко в дальнейшем смогла установить наличие еще некоторых памятников чернолесского типа по Ворскле, например знакомого нам комплекса Бутенковского трупосожжения воина и нескольких поселений. Проникновению на эту территорию чернолесского населения предшествовала, как на Суле, срубная культура. Однако ее пережитком на поселениях скифского времени оказываются только «баночные» горшки. Тому же автору удалось установить наличие ряда поселений племен бондарихинской культуры по течению Ворсклы, особенно около Ахтырки. На селище у села Хухра были землянки с сосудами этой же культуры. Некоторые из них носили на себе орнамент в виде опоясывающих налпнных валиков, порой расчлененных надрезами и пальцевыми ямками. Представители бондарихинской культуры жили некоторое время вместе с пришельцами и уже до этого переселения испытывали их влияние. Во всяком случае нет никаких признаков переживания в скифское время керамики бондарихинских племен. Вопрос об исчезновении этих племен неясен ни здесь, ни в Посулье, ни на Донце.

На поселениях скифского времени, по Ворскле, лучше всего на Западном Бельском и меньше на Восточном Бельском городищах, а также очень хорошо на селищах у села Мачуха и у Пожарной балки сохранился набор неврской керамики типов Немировского, Тарасовского, Пастерского, Трахтемировского и других подобных городищ. Здесь черная и буролощенная посуда: грушевидные и биконические корчаги, разнообразные черные, бурые и серые миски с загнутыми внутрь и с отогнутыми горизонтально наружу краями, кубки — черпаки больших и малых размеров S-образного и острореберного профиля, с высоко поднятым над краем перегибом ручки, снабженной коническим, цилиндрическим или рогатым выступом. Сложные геометрические орнаменты украшают эти сосуды. Иногда эти комбинации заштрихованных треугольников и ромбов, сетки, зигзаги и сложные меандры заполнены белой пастой. Миски — с наколами изнутри и иногда с расчлененным налпнным опоясывающим валиком. Из нелощеных сосудов правобережных типов обычны бочонковидные, часто с защитным краем и с таким же валиком под бортиком, с наколами изнутри там же или сквозь валик. Есть гладкие сосуды этого же образца и горшки с расширяющимся горлом.

Наряду с ними, здесь же основные формы сосудов Посулья и Донца: баночные, сосуды с носиком, кувшины с желобчатой ручкой и узкогорлые формы. Хронологическая смена керамики вполне определена. Понять ее помогают совместные находки греческих амфор и расписных сосудов, не очень многочисленные, но вполне определимые. Весь ход смены керамики повторяет то, что происходило на западе за Днепром. Белая инкрустация исчезла в середине VI в. до н. э., лощение почти перестали применять в начале V в., к тому же времени исчезли налпнные орнаментальные валики. Однако формы посульско-донецкого типа жили в VI в. до н. э. В IV в. появились степные горшки. С V по III в. до н. э. орнаментика сосудов ограничивалась защитными по краю сосуда, пальцевыми ямками по плечикам и, наконец, наколами изнутри.

Бельское городище — огромный по площади древний город — занимает место между двумя речками: высыхающим ложом Сухой Груни на западе и долиной Ворсклы на востоке. Оно расположено немного выше Полтавы и лежит на границе Полтавской и Сумской областей, в пределах их обеих. В печати было опубликовано неправильное исчисление площади городища в 42 км². На деле оно несколько больше, а именно, по данным Б. А. Шрамка за 1958 г., оно занимает 4400 га. Это обведенный высоким валом треугольник, обращенный основанием на север, а вершиной на юг. Вал 28 675 м длиной имеет высоту в среднем 3—4 м и глубокие, теперь сильно заплывшие рвы. На западе и востоке вал прерывается двумя вписанными в него добавочными укреплениями. Площадь западного равняется более чем 7,2 км², площадь восточного меньше — 6,5 км². Огромная площадь Большого городища в противоположность Западному и Восточному оставалась незаселенной. Только кое-где на нем попадаются зольники и то только вбли-

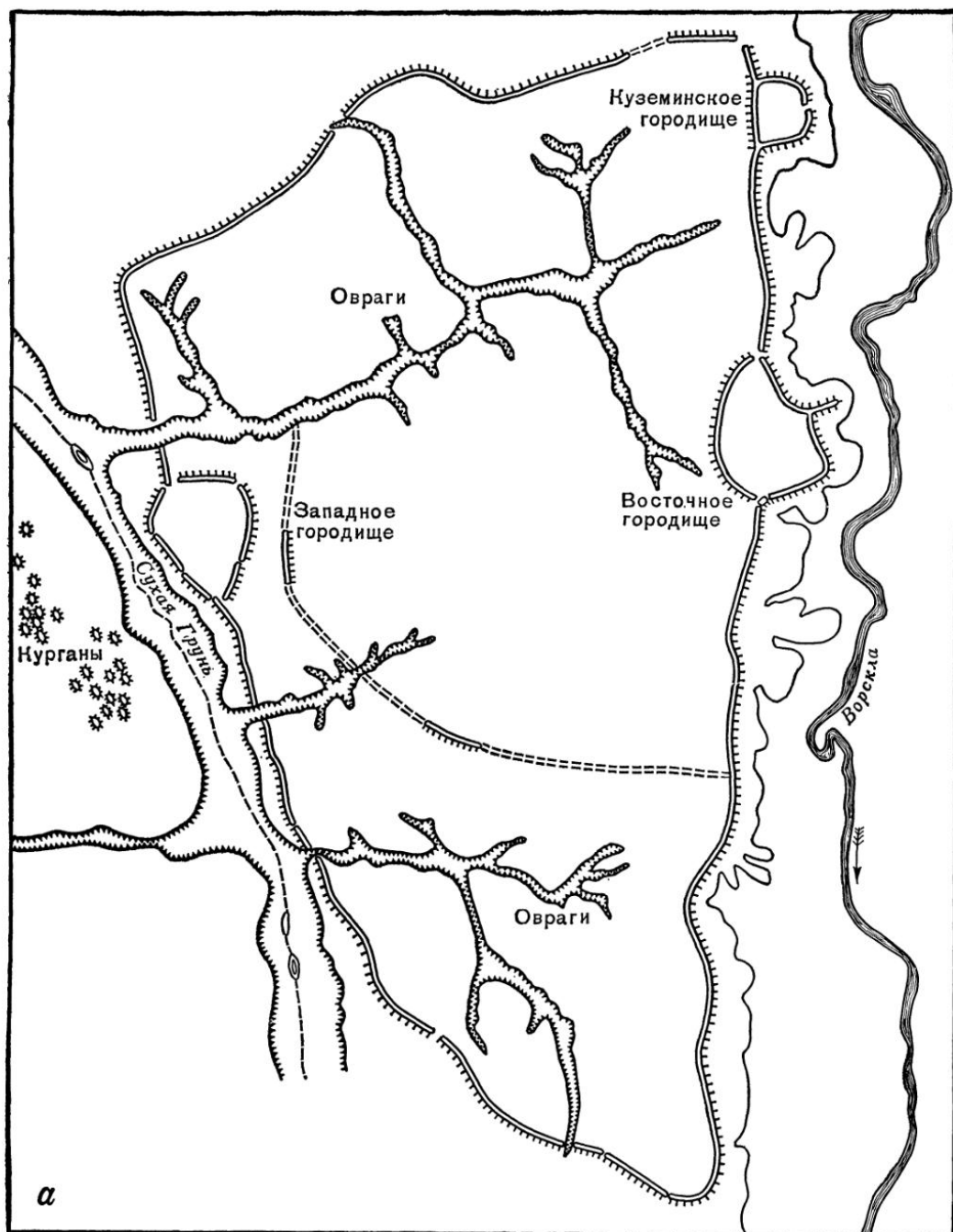
зи Западного городища. Сначала на берег Сухой Груни на западе и на склон долины Ворсклы на востоке выходили неукрепленные поселения и лишь со временем они были окружены валами. Городище известно давно. Его приписывали кому угодно. Только В. А. Городцов, раскопав несколько зольников в 1905 г. на Западном городище, установил его принадлежность скифскому времени. В 1958—1960 гг. на Западном и Восточном городищах производили совместные раскопки отряды Харьковского и Московского государственных университетов (от Харькова — доцент Б. А. Шрамко, от Москвы — проф. Б. Н. Граков и научная сотрудница Н. Г. Елагина).

Еще В. А. Городцов установил, что валы Большого городища относятся ко времени после распространения чернолощеной керамики бельских типов, которую он относил к «киммерийской» эпохе. Раскопками 1958—1960 гг. установлено, по составу насыпей валов и подвальному слою, что Западное городище было окружено валом после исчезновения инкрустированной посуды, то есть около середины VI в., во всяком случае еще до начала V в. до н. э. Приблизительно тогда же были насыпаны валы Восточного городища, что с очевидностью определяется всем планом поселения. Западное городище существовало преимущественно в VI и V вв. до н. э., хотя не исчезло и в IV в. Восточное жило, с полной несомненностью, с VI до IV в. до н. э., может быть, еще в III в. Археологическая методика времен В. А. Городцова смогла ему дать лишь одно жилище — землянку. Раскопки широких площадей позволили советским ученым вскрыть полностью три почти квадратные землянки, от 55 м² до 65 м² площадью при 1,5—2 м глубины. Их стены укреплены небольшим числом столбов (7—8 на каждое жилище). По широкой оси шло 5—6 столбов для двускатной крыши. Остатки крыш представлены корой и соломой. В одной из них был прямоугольный очаг из глины с бортиком. В. А. Городцов обнаружил кирпичики от развала печи в виде больших глиняных катушек-блоков. Из них составлялся свод двух печек. Немало таких кирпичиков блоковидных, конической и цилиндрической формы, со сквозными отверстиями и глубокими ямками было найдено в зольниках. На городищах по Суле и Пслу эти кирпичики известны также в большом числе. Они очень обычны на лесных городищах по Десне и Сейму, принадлежавших племенам так называемой юхновской культуры.

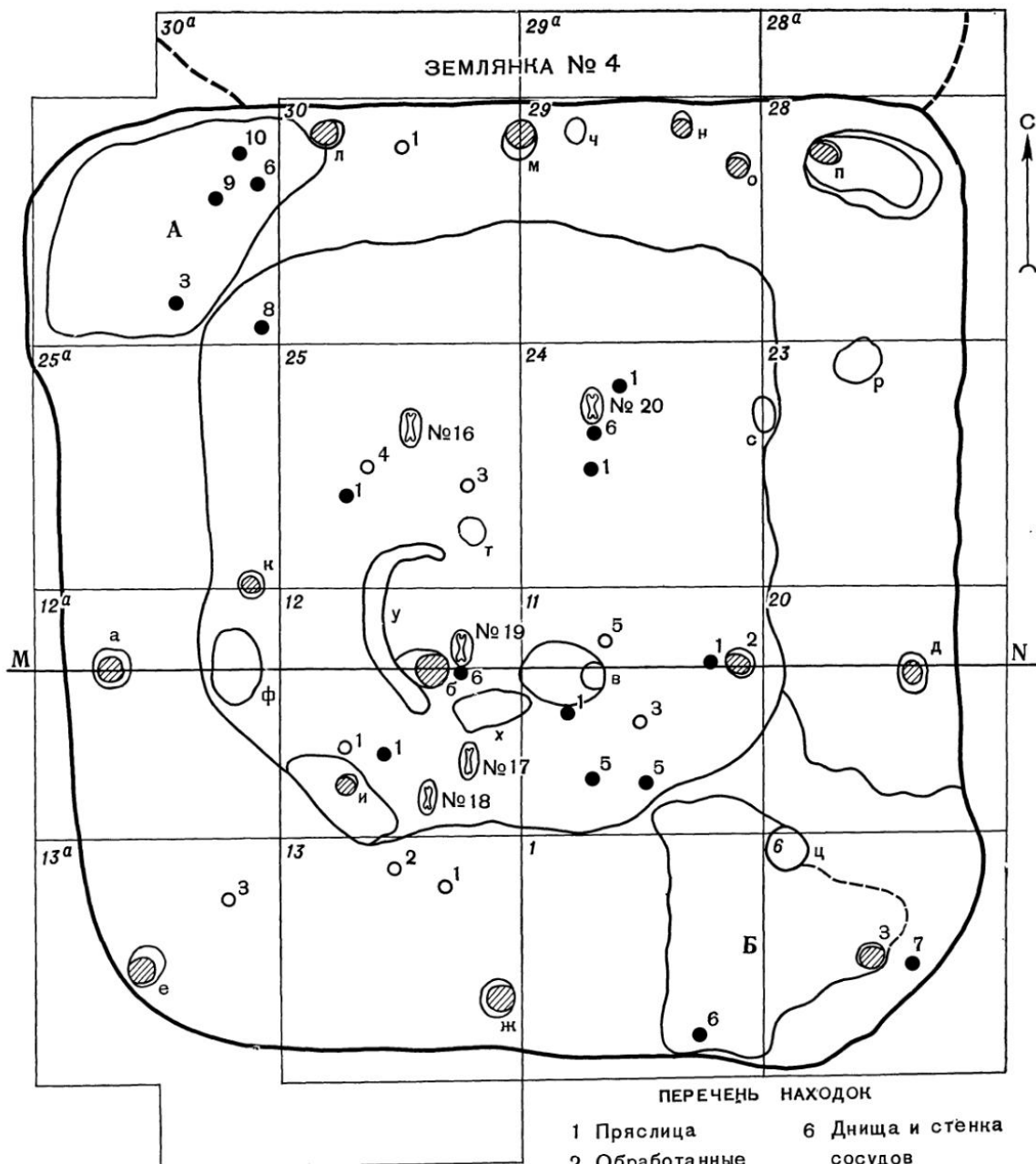
Зольники, по правильному предположению В. А. Городцова, были кучами отбросов с золой. Он же считал их, по некоторым этнографическим примерам, результатом обычая показывать таким образом достаток жителей дома. Однако многочисленные ямы в зольниках, в которых положены отрезанные части овец, свиней, коров и собак, а также то, что подобно зольникам Суботовского городища они покрывали в Бельске заброшенные землянки, позволяет в то же время считать зольники отчасти связанными с культом домашнего очага и предков, живших ранее в этих жилищах. Кроме четырех квадратных были открыты две круглые землянки диаметром около 3 м со столбом в середине для конической крыши, может быть, временного сезонного назначения.

На Восточном городище зольников не было ни в местах, относящихся к VI в. до н. э., ни на более поздних участках. Оно было заселено вдоль валов всего на ширину в несколько десятков метров. На нем обнаружена одна прямоугольная землянка много меньше уже описанных. Может быть, некоторые комплексы ям были жилыми. Было открыто несколько небольших круглых печей из глины на прутяном каркасе и развалы печек, сложенных на этом городище из кирпичиков в форме конусов и цилиндров и остроконечных «пирожков». Найдены своеобразные глиняные плиты от печей с многими небольшими круглыми отверстиями. Их назначение остается для нас неясным. Рассеянные тут и там по городищу в соседстве с комплексами ям такие печки могли быть летними очагами.

В мусоре зольников Западного городища были найдены разные вещи и металлургические остатки: кричные шлаки с содержанием до 60% железа, бронзовые бракованные наконечники стрел и глиняные льячки с полой ручкой. Из железа были ножи с

a — общий план Бельского городища на р. Ворскле; *б* — план землянки с Западного городища

- находки из 9 штыка
 находки из 10 штыка
 скопление костей животных (шт. 10)

а

б

в

широким черенком и костяной ручкой, ножи с узким черенком, а также шилья и один акинак. Есть бронзовые и железные псалии с двумя и тремя отверстиями. Один железный серп каменского типа. Найдено несколько бронзовых стрел типа VI—IV вв. до н.э. Обычные для лесостепи булавы из железа, бронзы и серебра распространенных типов: гвоздевидные, с одновитковой спиральной головкой, и вроде наших головных. Много вещей делалось из оленьего рога. Прежде всего это псалии о трех отверстиях с головкой животного на верхнем и с копытцем на нижнем конце. Среди них одна заготовка, почему-то выпиленная в контурах готовой вещи, но не отделанная. Очень любопытна роговая шаровидная булава. Есть и редкий в скифской практике костяной псалий с двумя отверстиями в середине. Костяные изделия в зверином стиле встречены в числе нескольких экземпляров. Костяные орудия представлены стругами для обработки кожи, изготовленными из ребер и челюстей животных, проколками и шильями.

Керамика нами уже характеризована. Глиняные кружки с двумя отверстиями в роде пуговиц неясны по назначению. Катушки, вероятно, служили для той же цели, что нынешние деревянные. Пряслица, биконические и конические, служили при работе веретеном. Все это аналогично таким же предметам с городищ правобережья. Пряслица же есть на всех поселениях посульско-донецко-донского культурного комплекса.

Находки вещей с Восточного городища менее разнообразны. Это прежде всего посуда. Относящейся к VI в. немного, больше ее V и IV вв. до н.э. Типы в целом те же, что и на Западном городище. Из металлических изделий здесь встречаются бронзовые наконечники стрел V—III вв. до н.э., ножи железные обеих форм, такие же шилья, псалии о двух отверстиях из железа, бронзовые гвоздевидные булавы, чешуйки от панцирей. Пока еще не найдены костяные вещи. Греческая расписная посуда относится к VI и V вв. до н.э., чернолаковая к IV в. до н.э., амфоры от вина к VI—III вв. до н.э. Уникальна находка медной пантикапейс-

Глиняная посуда с Бельского городища:

а — черный лощеный кубок; б — бочонковидный горшок из раскопок В. А. Городцова; в — горшок с носиком (раскопки 1958 г.)

кой монеты конца IV в. до н. э. с изображением головы бородатого сатира вправо на лицевой и лука над стрелой на оборотной стороне.

На северо-востоке к валу головного городища присоединено, несомненно, позднее Кузминское городище площадью около 10 га. На нем в 1958—1960 гг. были проведены пробные раскопки, давшие пока что местную керамику V—III вв. до н. э.

Земледелие и скотоводство были основой хозяйственного благополучия населения. Земледелие, конечно, было пахотным. Образец плуга из Посулья читателю уже известен. В землянках и зольниках Западного городища найдены в изобилии просяная лузга, зерна пшеницы, какой-то горох и зернышко яблока. На доньшках сосудов со всех трех городищ отпечатки зерен проса, полowy и сорняков. Найдена солома от крыши. В. А. Городцов обнаружил в одном кургане около С. Бельска на перекрытии деревянного сооружения пережженную солому и колосья пшеницы.

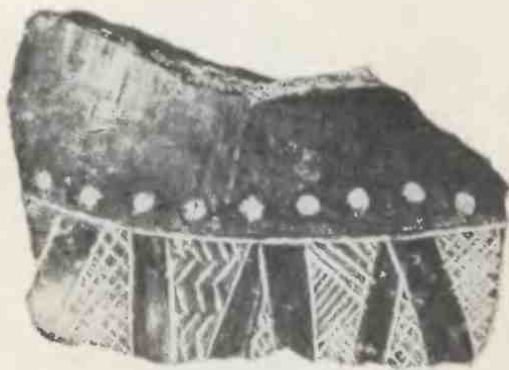
Состав стада всюду более или менее одинаков. Приведем цифры определения костных остатков домашних животных из раскопок 1958 г., по В. И. Цалкину: 24 особи крупного рогатого скота, 49 мелкого, 92—свиней, 13—лошадей и 26 собак. Нигде в лесостепи свиньи не достигали такого преобладания в стаде. Впрочем, в другие годы было найдено несколько меньше свиных костей. Пастбищное пригородищенское разведение скота здесь несомненно.

Охота играла небольшую роль. Известны, по В. И. Цалкину, немногочисленные кости кабана, косули и благородного оленя. В. А. Городцов, кроме того, констатировал наличие лося и дикой кошки.

Рыболовство было развито очень мало. Известна находка бронзового рыболовного крючка и кости какой-то рыбы.

Бельское городище было, по-видимому, центром объединения на Ворскле сперва каких-то двух, а затем трех родоплеменных групп.

Немного ниже Полтавы находится в урочище Таранов Яр селище «Десятинное поле»

г

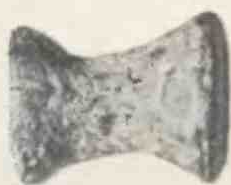
д

е

Глиняная посуда с Бельского городища:

г—д—фрагменты чернolощенных сосудов с белой инкрустацией; е—фрагмент аттического сосуда

a

б

в

г

д

e

ж

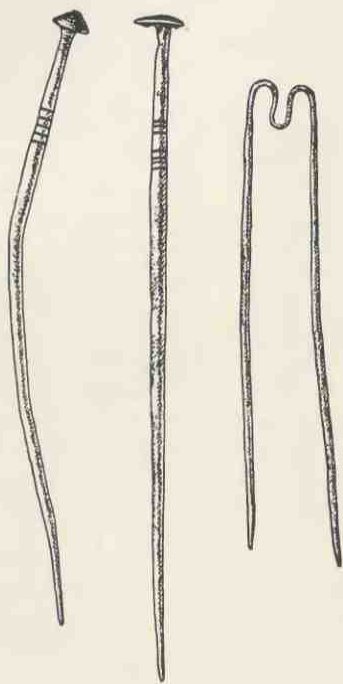
около села Мачуха. Здесь на площади в 15 га расположено более двадцати зольников. На Десятинном поле при раскопках покойного М. Я. Рудинского найдено все то же, что и на Бельском городище. Керамика тех же ранних форм иногда очень роскошная. Это селище относится к VI—V вв. до н. э. Рядом с ним курганы VI—III вв. до н. э.

Не менее интересно сильно размытое селище у Пожарной Балки под Полтавой. На нем не меньше двадцати зольников. Оно также относится к VI—V вв. до н. э. Находки на нем тождественны вещам с Западного Бельского городища. Замечательно хорошо выполнены роговые псалии в зверином стиле с тремя отверстиями. На доньшках грубых сосудов — отпечатки проса и его половы (очень часто), зерен ячменя и пшеницы (по-немногу). Отношение находок домашних и диких животных 88 и 12%; состав стада тот же, что в Бельске. Среди промысловых есть олень, косуля, бобр, лисица, заяц, утка и куропатка. И. И. Ляпушкин в 1946 г. открыл и раскопал один зольник на этом селище. Там между прочим оказалась жертвенная яма (диаметр около 3 м, глубина 50 см) с очажком внутри, на котором лежал скелет собаки, и слоем белой глины, покрывавшим череп лошади.

По И. И. Ляпушкину, на Ворскле и ее притоках известно около 40 селищ и 5 городищ. На р. Коломак есть также несколько городищ от 1,5 (Грневское) до 10 га (Коломацкое). По данным Г. Т. Ковпаненко, к VII—III вв. до н. э. в бассейне Ворсклы находится еще немало селищ и городищ. Они иногда довольно велики и окружены 3—4 предградиями,

Мелкие глиняные вещи с Бельского городища:

a — *б* — катушки; *в* — фигурка животного; *г* — «пуговица»; *д* — пряслице; *e* — *ж* — кирпичики от сводов печей

Серебряные булавки с Бельского городища

Роговые и костяные псалии с Бельского городища

как городище у сел Каменка и Сосенка. На последнем валы имеют прослойки обожженной глины. Зольники часты на более ранних и более редки на поздних поселениях. На всех этих поселениях наблюдаются сходные ремесла. Большое количество керамики, собранное и здесь, в общем демонстрирует те же самые формы и орнаменты. Есть городища, где совершенно нет лощеной керамики столового назначения.

На многих доньшках сосудов также видны отпечатки зерен пшеницы, ячменя, проса и каких-то мелких бобов или гороха. В тесте сосудов встречается примесь мякины. Обилие и общность земледельческих культур по Ворскле в эту эпоху несомненны.

Далеко не так много исследовано курганов. В 2—3 км на запад от Бельского городища, в урочищах Осняги и Скоробор, их изучал В. А. Городцов. Курганы невелики: 1,5—2 м высоты. Подкурганные погребальные сооружения несложны. Это — грунтовые ямы, перекрытые плоским настилом, иногда в два сплошных слоя крест-накрест. Дно выстлано лубом. Особенность этих могильных прямоугольных ям — их довольно большая площадь, достигающая обычно 12 и 16, а изредка даже 20 м².

Очень многие из могил в Оснягах имели канавки по двум сторонам дна, один раз по всем четырем. В одном случае в канавки были укреплены по стенам ямы доски. В Скороборе могилы также представляли собой прямоугольные ямы, перекрытые деревом, но продольных канавок было три; в них укладывали доски-лежни, на которых на дощатом помосте клали покойников.

Тип осняжских могил с канавками хорошо известен как простейший из неврских сооружений Киевщины. Он переместился оттуда в Бельск вместе с керамическим набо-

ром. Ямы Скоробора с тремя канавками, использованными для сооружения помоста, — своеобразный местный вариант. Эти курганные группы содержали бедные и богатые погребения: в одном был меч с обложенной золотом рукояткой (табл. II), очень похожий на меч из Солохи, в другом много мелких золотых украшений.

Впрочем, и эти и другие погребения в обоих урочищах сильно ограблены. У поселения Мачуха в курганах были перекрытые деревом и обложенные им по стенам ямы, а также кенотафы, т. е. могилы без покойника, погибшего на стороне и там похороненного, у которых делалось только деревянное перекрытие. Деревянные жилищеобразные сооружения были встречены у деревни Киряковки, где большой коридор и погребальная камера были перекрыты бревнами и берестой, а стены обставлены вертикально бревнами. Их копала Е. Мельник еще в 1901 г. В 1888 г. И. А. Зарецкий раскопал несколько курганов у села Лихачевки в верхнем течении Ворсклы. В них было несколько деревянных жилищеобразных сооружений с перекрытиями из бревен и частью обставленных по стенам столбами. Один из этих склепов был сожжен вместе с покойником, а кости собраны в ковш вместо урны. Это единственный случай такого обряда на лесостепном левобережье Днепра, лишний свидетель растворения в местных обычаях перенесенных с правобережья навыков. Ни на Суле, ни на Донце этот обычай не наблюдается вовсе.

Всем курганам по Ворскле часто свойственны следы тризны: уголь, кострища, обломки посуды, кости животных. С погребенными встречаются кости домашних животных в роли напутственной пищи. Ставилась посуда, обильная в VI—V вв. до н. э. и потом все в меньшем количестве. Покойники клались вытянуто головой на юг или на север, изредка по широте. Обычные вытянутые костяки, но есть и на левом боку, со слабоподогнутыми коленями (Осняги, Мачуха).

Однажды в Скороборе и еще раз в Кирьяковке были встречены парные захоронения мужчины и женщины; возможно, это ритуальные убийства женщин. Большинство раскрытых могил VI—V вв., но есть и IV—III вв. до н. э.

Погребенные мужчины — воины-всадники с оружием и обычной конской сбруей, т. е. удилами и наборными уздечками. Женщин сопровождают украшения. Типы оружия и уздечных принадлежностей обычные общескифские. У женщин, как и в других местах лесостепи, были распространены булавки для закалывания одежд. Мы с ними хорошо познакомились особенно на примере Бельского городища.

Упомянем о двух замечательных предметах (табл. XX и рис. на стр. 101) из Лихачевки. В кургане Витова могила находился кожаный колчан со своеобразным набором золотых блях в виде готовых к прыжку пантер. Он уже анализирован выше. Кожаный горит из другого кургана Опишлянка был украшен по верхнему краю 14 фигурками пантер. Бляшки эти одного штампа с пантерами Витовой могилы. Обтянутая золотом крестообразная бляха в зверином стиле украшала ремень, скреплявший горит с поясом.

Читатель уже заметил четыре варианта левобережной днепровской и донецко-донской скифообразной культурной группы. Остановимся теперь непосредственно на их возможной этнической принадлежности.

Б. А. Шрамко уже высказывал мысль о принадлежности меланхленам донецкого культурного комплекса. Мы к этому склоняемся вполне. Зная, что этот народ жил к северу от царских скифов, другое место для него найти трудно. Но ему могли также принадлежать некоторые из курганов по степному течению Донца в виду их сходства по устройству погребального сооружения и по ритуалу захоронений с донецкими лесостепными.

Само по себе напрашивается предположение, что лежащее к северу от савроматских степей лесистое среднее воронежское Подонье и его скифообразные памятники соответствуют восточной территории будинов.

По Суле и Ворскле должна располагаться та часть территории, которая была близка к Невриде. И на Суле, и на Дону есть кое-какие черты культуры киевско-черкасского

побережья Днепра — такие, как некоторые формы посуды, а еще более устройство больших городищ, жилищ и бревенчатых подкурганых домов для покойников. Но сильнее всего чувствуется это влияние на Ворскле: обильны там формы правобережной, особенно лощеной керамики, много общего в поселениях, с их зольниками, жилищами, планировкой таких городищ, как Бельское, а также разными, но достаточно типичными формами погребальных сооружений. Киевский археолог М. Я. Рудинский еще в двадцатых годах высказал предположение о приходе культуры типа Бельского городища с киевской стороны. Читатель уже знает, что движение это началось на рубеже VIII—VII вв. до н. э. Оно усилилось в начале VI в., а к его концу было создано Бельское городище. Судя по курганам у Лихачевки, относящимся к самому концу VI в. до н. э., тогда это движение достигло верховьев Ворсклы.

Можно предположить, что отмеченное Геродотом передвижение неvroв за поколение до него и было последним в этом около двух веков тянувшемся процессе. Так археологическим путем раскрыта длительность и реальная направленность движения неvroв в землю будинов. Следует обратить внимание, что роскошная керамика неvrских правобережных образцов распространялась почти только по течению Ворсклы и мало просачивалась на Сулу и Донец. Ее следует связать именно с движением неvroв и можно отметить его направление только по этой реке. Это, конечно, никак не значит, что этот народ жил изолированно от посульских и донецких племен.

Вопрос об образовании меланхленов, будинов и неvro-будинского синкретизма (политического и этнического слияния), а также о сложении их культуры еще очень неблизок к разрешению. Ни срубная, ни бондарихинская культуры не оставили сколько-нибудь заметных следов в посульско-донской культуре, кроме небольшого сходства в наборе керамики повсюду и переживания позднейших погребальных форм срубных племен на Донце. На Ворскле этих пережитков еще меньше. Кроме баночных сосудов на Ворскле встречаются еще кое-какие пережитки старых погребальных обычаев, например одновенечный сруб в одной из ям в Осягах и некоторые случаи слабой скорченности в Мачухе и других могилах. Какие-то части срубного и, возможно, бондарихинского населения продолжали переживать здесь, но, вероятно, бесследно смешивались с другим этническим элементом. Гораздо позднее к посуде примешиваются заднепровские элементы; простые бочонковидные горшки, орнамента сначала из защипов и валиков с проколами, затем без валиков с защипами и проколами; наконец, исчезают повсеместно лощеные сосуды, т. е. все в этом отношении нивелируется, в том числе и на Ворскле. Повсеместно встречаются сосуды с носиком и шаровидные кувшины, может быть, связанные с савроматским влиянием.

В трех районах на Суле, на Ворскле и на Среднем Дону в разной форме распространены погребальные сооружения и ритуал неvrского Заднепровья. Следовательно, археологические заднепровские элементы, кроме лощеной керамики, распространились повсеместно. На Ворскле это с чернолесского времени легко объяснимо переселением части неvroв к будинам. Широкое и разное в некоторых отношениях наличие культурных заднепровских компонентов настолько ощутимо от Сулы и Ворсклы до Дона, что его отчасти приходится объяснить тем же. Но против этого говорит неумение делать лощеную дорогую посуду. Как и почему только один этот элемент не привился нигде, кроме как на Ворскле? Не следует, впрочем, забывать торгового значения страны будинов. В восточном конце ее на Дону проходил описанный Геродотом путь скифских купцов. В центре и на запад к Днепру множество греческого импорта и принятых на скифском степном юге форм вещей шли по Днепру и притом через руки греческих, скифских и, конечно, неvrских и будинских купцов. Геродот и греки сами знали этот путь только до Герросса. Может быть, это и послужило причиной проникновения многих неvrских и даже некоторых савроматских культурных элементов и обычаев к будинам, большая страна которых была и рынком, и транзитной территорией всей этой межплеменной тор-

говли. Может быть, именно от этого сложилась своеобразная культура с таким количеством элементов, пришедших извне. Иногда ищут здесь степные влияния. Но это неубедительно: погребальные сооружения своей конструкцией отличаются от степных и поздних сооружений срубной культуры, и ранних скифских степных до времени господства катакомб; степная керамика заметно начинает проникать сюда только с IV в. до н. э.

На фоне этих своеобразно сложившихся культурных особенностей, предполагаемые будины, невры и меланхлены оскифилась, восприняв оружие, весь конно-всаднический обиход, звериный стиль и даже кое-какие обычаи. Читатель достаточно познакомился с этим в настоящей главе. Это-то и есть основные степные элементы культуры. Напор степняков был силен, но недостаточен для политического подчинения им всех этих народов.

Процесс разложения общества меланхленов и будинов ускорился от этого соприкосновения. Выделилось всадничество, усилились эксплуатация рядовых общинников и рабство. Это процесс отражен во всаднических богатых погребениях и в появлении захоронений подчиненных лиц.

Во всей области посульско-донской культуры скифского времени, как уже знает читатель, совершенно так же, как в неврском правобережье Днепра, кроме селищ встречаются городища двух типов. Это или городища с двумя-тремя отдельными укрепленными и заселенными пунктами, соединенными еще общим валом, большое дворище которого в сотни гектар площадью незаселено. Или это городища несколько меньших размеров, занимающие немного более или менее десяти гектар. Такие городища были заселены сплошь, имели ли они предградия или нет, причем предградия эти были тоже заселены. Наконец, только на Доне мы сталкиваемся с третьим типом, с городищами-убежищами.

Среди первых городищ читателю хорошо известно два. Это Бельское на Ворскле и Басовское на Суле. Их заселенные части совершенно самостоятельны, а не являются добавочно присоединенными предградными. Их самостоятельные городища объединены общим валом, с его пустым дворищем. Басовское городище близко по размерам Немировскому, Трахтемировскому и особенно Матронинскому. Бельское городище сначала объединяло два городка, а затем к объединяющему валу присоединилось третье городище — Куземинское. Площадь городища не имеет себе равных. Его незаселенная часть столь огромна, что туда могло собираться или как в убежище, или для межплеменных периодических собраний неограниченно большое число людей. Конечно, часть такого пустого пространства могла в обычное время использоваться постоянными жителями Западного, Восточного и Куземинского городищ как место для небольших пашен и выпаса, например их больших стад свиней. В Бельском городище следует видеть союз сначала двух, а затем трех племен, возникший в начале VI в. до н. э. в виде двух поселений, в середине того же VI в. укрепленных и объединенных Большим городищем. Его размеры указывают, что в город собирались люди с огромного пространства. Значит, эти два племени охватили все поселения по Ворскле, т. е. населенные места переселенцев с правого берега Днепра. В течение V в. к ним присоединилось еще одно новое племя. Какое и как, сказать сейчас уже невозможно.

Басовское городище — такой же союз трех племен. Оно еще не дало материалов, которые позволили бы судить о старшинстве или одновременности возникновения трех мысовых городищ. Известно лишь, что там есть материалы с середины VI в. до н. э. Изобилуют на них вещи V и последующих веков. Очевидно только, что они были заключены в большое дворище общим валом одновременно. Это вытекает из единства получающегося таким путем плана.

Наконец, мы видели на Дону три Волошинские городища, объединенные своей одновременностью и территориальным положением на дальний полет стрелы скифского.

лука. Вспомним о выстреле на дальность жителя Ольвии Анаксагора из скифского лука на пятьсот с лишком метров. Не могли находиться враждебные поселки на таком расстоянии друг от друга. Не успели ли их обвести общим валом или были уж очень уверены при сборах союза в своей безопасности, сказать сейчас трудно.

В трех местах на территории будинов существуют такие тройные городища. Значит ли это, что три союза племен существовало в их стране? Или, может быть, в разное время периодические собрания союза племен собирались в одной из трех частей будинской земли: на Ворскле, на Суле и на Дону. Последнее соображение кажется более заманчивым. Но почему три части? В европейском мире того времени у нескольких народов существовала легенда о трех братьях царях-основателях или просто о трех основателях города или царства. Такое «царство» могло быть и простым союзом разросшихся племен. Ближайший союз, превратившийся в примитивное рабовладельческое государство, это сколоты, собственно степные скифы. Они-то имели такое предание о трех братьях-основателях царства-союза. Вероятно, в VII—VI вв. до н. э., в эпоху оскифления будинов, и произошло восприятие ими легенды о трех братьях-основателях союза племен. Самым ранним был сперва союз двух племен. Со временем, когда легенда о трех основателях стала своей, будинской, путем одного из тех первобытных межплеменных договоров, которые так хорошо известны этнографам, создалось новое третье или скорее присоединилось к союзу какое-то уже существовавшее рядом, но бывшее раньше чужим племя. Сплошь же населенные городища с их предградьями могли быть родовыми или принадлежали группам родов, входивших в их общую ограду по 2—3 вместе после чем-то вызванного разделения.

Бельское городище огромно и древнее других. Если мы подумаем о его общем тридцатикилометровом вале, то не позволим ли нам это вспомнить о городе Гелоне? Гелон имел окружность в 120 стадий. Если это персидские стадии, то вся окружность Гелона равна 4 персидским парасангам, т. е. примерно 23 км 760 м. Величина эта немного меньше истинной величины объемлющего вала Бельского городища. Не будем требовать от Геродота абсолютной точности, осведомители его бывали не слишком точны. Квадрат — город, каким его представил нам Геродот, — едва ли точнее, чем фантастическое превращение Скифии в правильный квадрат. Манера геометризировать в эту пору у греков достаточно обычна. Что касается деревянных укреплений, то гребень валов еще подлежит раскопкам, чтобы это выяснить. Мысль эта уже была высказана покойным киевским археологом В. Щербаковским, а потом М. И. Артамоновым и Г. Т. Ковпаненко. Подумаем о том, кто же такие гелоны, давшие свое имя этому городу. Вторая легенда о происхождении скифов одним из трех сыновей Геракла называет Гелона. Гелоны, возможно, и были элементом, в среде которого это предание дожило до образования тройного союза племен. Невры — перешедшие с другого берега Днепра и принесшие множество элементов культуры, будины — автохтонная, но подобно неврам во многом оскифленная этническая группа и гелоны — тоже откуда-то пришедшая группа, — вот элементы союза. Может первыми его сочленами были будины и гелоны, а потом в конце VI или в V в. до н. э. к ним присоединились последние из переселившихся неврам.

Есть одно кажущееся противоречие между рассказом Геродота и археологической картиной. Отец истории называет гелонов земледельцами, а будинов кочевниками. Поэтому поздняя традиция производила название будинов от сочетания слов, обозначающих по-гречески «кочевать на быках». Наличие по-скифски подвижного всадничества, конечно, и породило этот рассказ о кочевом быте будинов. Весь облик населения Посулья-Ворсклы-Дона по одежде, доспехам, оружию, убору коня полностью повторял скифов. Вспомним бляхи из Аксютинец и сосуд из Частых курганов.

Конная аристократия и вооруженный свободный общинник (он вооружен, часто похоронен с конем, в его могиле могут археологу встретиться золотые мелочи) основа местного общества. По-видимому, эти общественные классы еще не встали в явно антаго-

нистические отношения. Их хоронят одинаково в одной и той же курганной группе, по более или менее одинаковому обряду, но порой в разного размера и устройства сооружениях. Они еще почти не применяют захоронений рабов. Впрочем, если напротив Киева в курганах у Борисполя погребены скифы, то там уже есть захоронения рабов; может быть, это влияние степняков и невра, прикочевавших с противоположного берега.

Род у будинов был, судя по Посулью и парным погребениям Ворсклы, отцовским. Впрочем, это уже род, в котором патриархальная семья могла зайти далеко в своем развитии. Курганные группы с несколькими десятками покойников едва ли могут быть родовыми. Пережитков матриархальных отношений, явных у правобережных невра, у будинов в общем незаметно. Однако в парном погребении из курганов у Скоробора, связанных с Бельским городищем, которое читатель помнит, женщина лежит при колчане, полном стрел; влево от нее мужчина без вещей. Археологически переселение от невра заметнее всего в бассейне Ворсклы. Сюда могли попасть с ними и пережиточные обычаи матриархата от невра, и это — женщина с правого берега Днепра, погребенная с рабом по обычаю своего народа. В целом общество будинов, вместе со слившимися с ними гелонами и пришлыми неврами, рисуется нам как военная демократия, почти готовая пойти по пути раннего государства и, возможно, когда-то начавшая первые шаги в этом направлении. Именно такой ход развития должен был привести к созданию городов обоих типов, так как внутри этого общества бывали, конечно, внутренние столкновения. Соседство воинственных степных скифов привело и невра, и будинов к принятию от них всаднического строя и оружия и отчасти к ускорению процесса образования военной демократии с ее сильно укрепленными городами. Невры же начали их строить, вероятно, еще в конце VII в. до н. э., сначала такие, как городище на Тарасовой горе, а потом такие, как Немировское и Трахтемировское.

Все то же, что только что предположено относительно будинов, можно повторить и о меланхленах, которым мы приписываем донецкий вариант посульско-донской культурной группы. Отличия сводятся к тому, что на лесостепной части Донца нет городищ типа Бельск-Басовка. Городища все второго типа. Наибольшее из них у села Городище с его двумя предградиями, приблизительно в пять раз меньше Западного Бельского и повсюду в пределах валов имеет культурный слой, т. е. было сплошь заселено. Но все же со своими 26 га площади оно настолько превосходит все остальные, что его можно считать центром союза племен меланхленов. Его тройной характер (главное городище и два предградия) позволяет думать о том, что и у этого народа бытовало сказание о трех основателях союза и что деление на три племени было и здесь.

Так, археологические данные позволяют уточнить локализацию геродотовых племен, соседних со Скифией, уточнить знание их быта и хозяйства и помогают открыть их социально-политический облик.

МЕСТО СКИФОВ И ИХ ОДНОКУЛЬТУРНЫХ СОСЕДЕЙ В РАННЕЙ ИСТОРИИ СССР

Племена, оставившие нам изученные памятники, имели много сходного в своих общих и частных исторических судьбах. Все они или за все время существования, или в его начале переживали состояние предклассового общества в сходных формах и политический строй, называемый военной демократией. В их среде были целые племена, ведшие кочевое экстенсивное скотоводческое хозяйство, а у земледельческих племен, по-видимому, кочевой была их всадническая аристократия. Это последнее обстоятельство без труда обнаруживается при анализе погребального ритуала и инвентаря. Часть зависимых общинников и рабов неизбежно должна была обслуживать это кочевое скотоводство. Даже в культуре чернолесских племен, не позднее конца VIII в. до н. э., ощущаются следы степного коневодческого влияния, а к середине VII в. у них бесспорно складывается на земледельческом фоне всадническая аристократия. Даже скифы степей и меоты Кубанского бассейна, у которых мы вправе предполагать возникновение первичных государственных форм типа рабовладельческой деспотии при полукрепостнических формах общинного рабовладения, сохраняют и все усиливают это кочевое скотоводство, не теряя, а усугубляя кровавые обычаи своего догосударственного строя (захоронения рабов и дружинников в «царских» курганах степи).

Именно среди вещей племен, достигших степени государственности, с эпохи Атея распространяются на золотых бляхах, головных уборах и т. п. сцены из мифов о подвигах родоначальника Таргитая-скифа и Геракла и сцены приобщения царя-воина перед богиней (Гестией у скифов и неизвестной по имени у кавказских меотов). И то и другое

соответствует необходимости для новых по форме и содержанию власти царей показать исконность и божественность своих прерогатив. Немало есть сцен, по-видимому, эпического содержания на предметах скифского аристократического обихода, настолько индивидуальные сюжеты этих сцен. Такова сцена среди табуна на чертомлыцкой амфоре, сцена боя на горите и гребне из Солохи, сцены отдыха после боя на сосудах из Куль-обы и Частых курганов и т. п.

Но в противоположность сценам генеалогическим и теократическим сцены эпические на греческих изделиях есть не только в степи, но и в лесостепи (Частые курганы и Аксютинцы). Об общности скифского эпоса с лесостепным говорят некоторые места из сказания о походе Дария: к нему, в повествовании Геродота, привлечены все окрестные племена. Итак, не только тип общественных отношений, но и конкретные связи политической истории у всех этих народов в какой-то степени общи.

Война становится промыслом при военной демократии и на первых шагах рабовладельческого строя. С этим связаны частые и далеко не всегда совпадающие с обязательным переселением походы. Дальность их зависела от разных причин: при переселении они бывали довольно далеки, таковы же они были и при хороших средствах сообщения. У мореходов греков они устремлялись за море, у конных скифов доходили до Ирана, Сирии, Египта и даже до Междуречья. По большей части походы совершались родственными племенами, подчас племенным союзом. В пути могли быть захвачены в качестве союзников иноплеменники. Так, например, кимвры и тевтоны захватили в поход на Италию две общины гельветского союза. Во главе скифских походов в Мидию и в Переднюю Азию стояли скифы, по-видимому, аристократия одного из приольвийских племен. Однако вещи ассиро-урартского и кавказского происхождения, совершенно сходные или близкие, есть в курганах воинов VII и VI вв. до н. э. с Тясмина и по соседству (Жаботин, Литая могила), на Донце (Криворожье), на Кубани (Келермес). Очень возможно, что скифы Приднепровья увлекали с собой и дружины соседних племен. Враждуя также между собой, они заимствовали друг у друга военное снаряжение и костюм.

Кочевники склонны к торговле при разных формах общественного строя. Геродот повествует о шедшем на северо-восток от Ольвии и уходившем в Сибирь за Урал торговом пути, по которому сквозь толщу благожелательных племен ходили скифские кушцы. Туда же шли дороги и от других греческих торговых мест. Есть сведения о том, что ответвление этого пути шло на Кавказ. Имеется одно изумительное доказательство полной конкретности этой караванной дороги, к тому же вполне археологическое. Уже упоминалось о зеркалах ольвийской работы в зверином стиле. В полном соответствии с письменными сведениями такие зеркала найдены под Астраханью, Бузулуком и Орском, а также на Таманском полуострове и под Пятигорском, то есть на двух основных разветвлениях этого пути. Шли они и по Днестру до Каменец-Подольска, и по Дунаю в степную Венгрию, и по Днепру до Роси и Ворсклы.

Сильно связывала между собой эти племена, и степные и лесостепные, торговля с греческими городами. Конечно, многое и притом большая часть оседала в ближайших местах и колониях. Скифские могильники и поселения около Ольвии, Николаева, Херсона, в дельте Дона и близ Краснодара полны греческой керамики, металлической посуды и украшений: уже у Никополя и Каменки их немного. По Дону вверх (Частые и Мастюгинские курганы) всего этого уже намного меньше, чем в курганах станицы Елисаветинской. Но все же эти предметы на север доходят до Киева и Сейма, на северо-восток — до междуречья Волга—Дон в пределы Северного Кавказа. Особенно широко, мало убывая количественно по направлению к северу, расходилось греческое вино в амфорах. Впрочем, если на юге его ставили в могилы, то от Никополя и до Киева это бывало лишь в аристократических захоронениях. Рядовые общинники выпивали его за тризной, от которой оставались лишь обломки амфор в насыпях курганов бок о бок с костями съеденных во время поминок животных. По Кубани вино мало проникало за Краснодар,

по Дону не слишком много доходило его до Воронежа. Лишь на Кубани эллинизация быта заходила глубоко, ее вовсе нет на Волге, она крайне незначительна под Воронежом, и если не считать того, что она заполняла быт неврской (?) аристократии близ Киева, даже битых амфор мало на поселениях Роси и Сулы.

Греческая торговля началась еще тогда, когда в Северном Причерноморье было только одно поселение на острове Березань. Именно в эту пору родосские энохои проникли в Жаботин под Киев, в Криворожье и под Керчь. Амфоры этого времени на территории Скифии совершенно неизвестны. Они появляются только со второй четверти VI в. до н. э. В IV—III вв. торговлю со всей степью и лесостепью захватывает Боспор. Его драгоценные изделия, оседая более всего на Днепре, проникают на север до Сулы и Роси. С этой торговлей идет на север тот набор вещей, на которых есть сцены генеалогические, божественности царской власти и скифского эпоса. В это же время на вещах скифских образцов, но греческой работы (например, горит и акинак Чертомлыцкого кургана), появляются во множестве греческие божества и греческие мифы. Вполне возможно, что в среду скифской аристократии начали проникать греческие религиозные и эпические веяния. Впрочем, они могли осмысливаться по-туземному.

Так перечисленные явления истории Скифии способствовали широкому распространению общих форм материальной культуры и ускоряли развитие общества, еще сохранившего много первобытных черт. Скифы создали первое после урартов государство на нашей территории. Скифы создали свое искусство. Многие из него вошло в мировую и русскую культуру. Например, как показал В. А. Городцов, до народного русского искусства дошли, в виде вышивок, фигуры некоторых зверей, какая-то богиня и поклоняющиеся ей пешие и конные воины, соллярные знаки и т. п. Скифов сменили сарматы. В следующей книжке мы хотим рассказать читателю, любителю прошлого своей родины, об этом народе и его истории, как о дальнейшей части жизни нашего Отечества.

I. Дореволюционные работы

1. Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, тт. I—III. СПб., 1887—1891.
2. Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии. Исследование Бельского городища. «Труды XIV Археологического съезда в Чернигове». М., 1911, стр. 93—161.
3. Забелин И. Е. Древности Геродотовой Скифии, вып. I и II, с атласом. СПб., 1866—1879.
4. Лаппо-Данилевский А. С. Скифские древности. Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. IV. СПб, 1887, стр. 352—543.
5. Толстой И. И. и Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства, тт. I, II, III. СПб., 1889—1891.
6. Фармаковский Б. В. Архаический период на юге России. «Материалы по археологии России», вып. 34. Пг., 1914.
7. Ханенко В. И. и Б. Н. Древности Приднепровья, т. II. Киев, 1899; т. III, 1900; т. IV, 1907.

II. Работы советского времени

1. Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов. Археологический сборник, вып. 2. Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961, стр. 57—87.
2. Артамонов М. И. Этногеография Скифии. «Ученые записки Ленинградского гос. ун-та», серия исторических наук, вып. 13. Л., 1949, стр. 129—171.
3. Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., Изд-во АН СССР, 1961.
4. Винберг Н. А., Заднепровская Т. Н., Любимова А. А. Советская археологическая литература. Библиография 1941—1957 гг. Южная часть европейской территории СССР. См. работы Н. В. Анфимова, М. И. Артамонова, Б. Н. Гракова, С. Н. Замятнина, В. А. Ильинской, П. Д. Либерава, И. И. Ляпушкина, А. П. Манцевич, А. И. Тереножкина, Г. Т. Титенко, В. П. Шилова, Б. А. Шрамко, Ф. М. Штительман.
5. Граков Б. Н. Каменное городище на Днепре. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 36. М., Изд-во АН СССР, 1954.
6. Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 115. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 56—113.
7. Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 39—93.
8. Либеров П. Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 113. М., 1962, стр. 5—85.
9. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961.
10. Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 115. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 114—166.
11. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
12. Спицин А. А. Курганы скифов-пахарей. «Известия Археологической комиссии», вып. 85. Пг., 1918, стр. 87—143.
13. Тереножкин А. И. Предскифский период в Днепровском Правобережье. Киев, Изд-во АН УССР, 1961.
14. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1962.
15. Яценко И. В. Скифия VII—V веков до нашей эры. «Труды Гос. Исторического музея», вып. 36, 1959.

Этот список предлагается вниманию читателей, которые пожелают глубже познакомиться со скифами, их историей и археологией. Рекомендуемый перечень отнюдь не претендует на сколько-нибудь исчерпывающую полноту. В указанных книгах и статьях, в примечаниях и библиографиях читатель найдет всю основную литературу вопроса. Так как после войны вышло много отдельных статей по скифской археологии, мы даем еще общую ссылку на археологическую библиографию 1941—1957 гг., составленную Н. А. Винберг и другими. Указано отдельно несколько книг и статей, вышедших с 1958 по 1964 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Таблица I.** Серебряная амфора из Чертомлыцкого кургана
- Таблица II.** а—Золотая рукоять меча с изображением оленя; б—золотая рукоять меча с изображением бычьих голов; в—конский нащечник. Чертомлыцкий курган; г—золотая рукоять меча из окрестностей Бельского городища
- Таблица III.** а—Деревянная чаша с набивкой в виде рыб из золота; б—золотой гребень. Курган Солоха
- Таблица IV.** а—Золотой наносник в виде рыбы; б—золотые ножны акинака; в—золотые нащечники в виде крыльев. Курган Солоха
- Таблица V.** Зеркала в зверином стиле: а—из Киевской обл., б—из кургана Куль-оба; в—из Ольвии
- Таблица VI.** Золотая височная привеска из с. Емчиха Киевской обл.
- Таблица VII.** Височные женские украшения из кургана Куль-оба в Керчи
- Таблица VIII—IX.** Золотой сосуд из кургана Куль-оба
- Таблица X.** Бронзовые котлы: а—из кургана у г. Днепрорудного Запорожской обл. (раскопки 1963 г.); б—из Частых курганов в Воронежской обл. (раскопки 1927 г.)
- Таблица XI.** Каменные статуи скифских воинов; а—из Краснодарского музея; б—из Николаевского музея
- Таблица XII.** Изображения богини Апи из Александропольского кургана
- Таблица XIII.** Антропоморфные изображения скифских божеств и ритуальные сцены: а—Табити и скиф с ритонном; б—Таргитай-Геракл борется со львом; в—Табити и скиф с ритонном; г—сцена побратимства (а, в—Чертомлыцкий курган; б, г—Куль-оба); д—налобная женская пластина из кургана Карагодеуашх (Кубань); е—скиф с кубком в руке и горитом у пояса (Куль-оба)
- Таблица XIV.** Изображение змееногой богини на золотых бляхах: а—из Куль-обы; б—из кургана Большая Близица (Таманский п-ов); в—из Куль-обы; г—конский наносник из Цимбаловой могилы; д—стрелки из лука (Куль-оба)
- Таблица XV.** Панцирь из кургана у станицы Елисаветинской
- Таблица XVI.** Золотые изображения оленей: а—из кургана у станицы Костромской на Кубани; б—из кургана Куль-оба
- Таблица XVII.** Бронзовое навершие из кургана у Ульского аула на Кубани и золотая пантера со щита из Келермесских курганов
- Таблица XVIII.** Украшения конских узд в зверином стиле: а—золотой налобник из кургана у с. Журовка; б—роговой псалій из кургана Старшая могила; в—налобник в виде барса; нащечные бляхи: г—в виде головы лося и с рогами в виде голов орла; д—в виде головы барса; е—в виде двух соединенных голов лошадей; ж—в виде конского копыта с добавлением головы барса. Бронза. Курганы у с. Журовка Черкасской обл.
- Таблица XIX.** Горит из Мелитопольского кургана
- Таблица XX.** Колчан из Витовой могилы на р. Ворскле
- Таблица XXI.** Бронзовые шлемы: а—шлем скифо-меотского типа из кургана у аула Келермес (Кубань); б—аттический шлем из кургана у Пастерского городища (Черкасская обл.)
- Таблица XXII.** Верхняя часть секиры в золотой обкладке из Келермесских курганов на Кубани
- Таблица XXIII.** а—Золотые ножны из кургана Ув у станицы Елисаветинской; б—меч с золотой рукояткой и в золотых ножнах из кургана № 2 группы Пять братьев (там же, раскопки 1959 г.)
- Таблица XXIV.** Меч в золотых ножнах (аул Келермес)
- Таблица XXV.** Золотые ножны меча из Липтой могилы
- Таблица XXVI.** Серебряное зеркало в золотой обкладке из Келермесских курганов
- Таблица XXVII.** Золотые обивки ритона из Семибратних курганов
- Таблица XXVIII.** Статуэтка львицы из Золотого кургана близ Симферополя

Таблица I

а

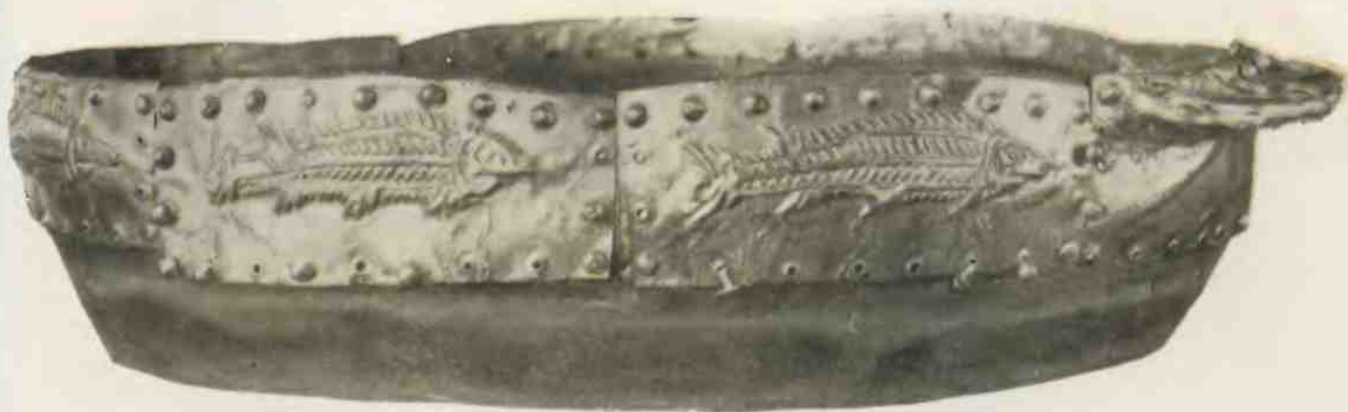
б

в

г

а

б

а

б

в

а

б

в

Таблица V

а

б

Таблица VII

a

б

6

2

Таблица IX

a

б

а

б

Таблица XI

Таблица XII

a

b

c

d

e

f

Таблица XIV

Таблица XV

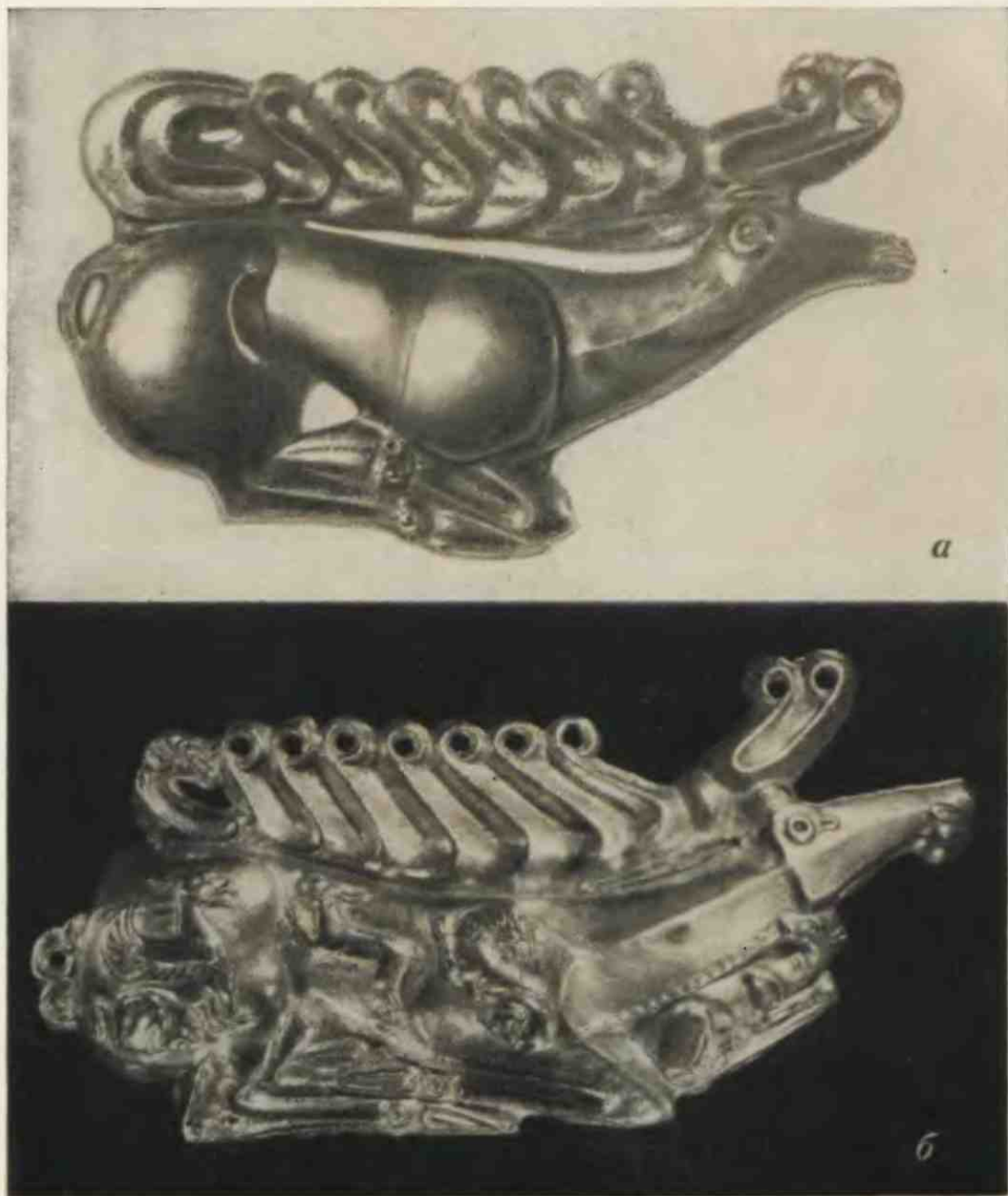

Таблица XVI

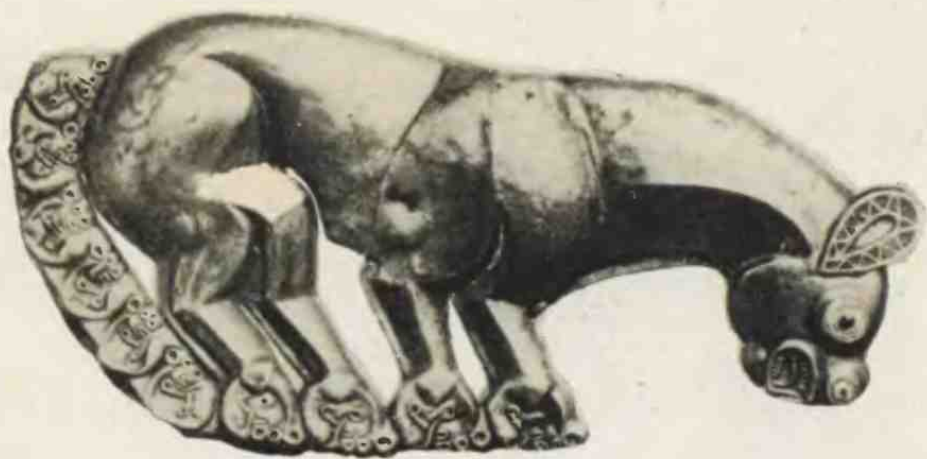

Таблица XVII

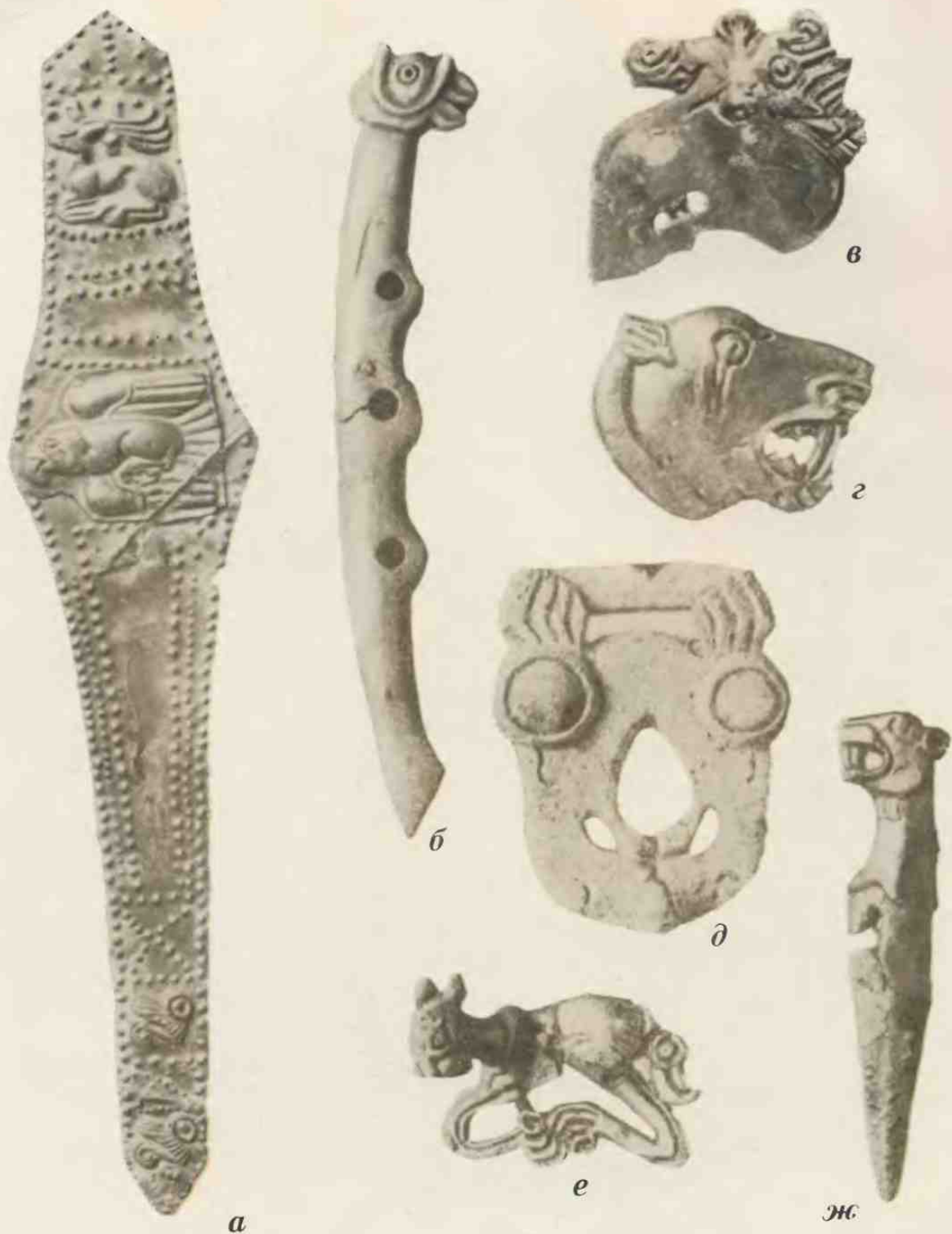

Таблица XVIII

Таблица XIX

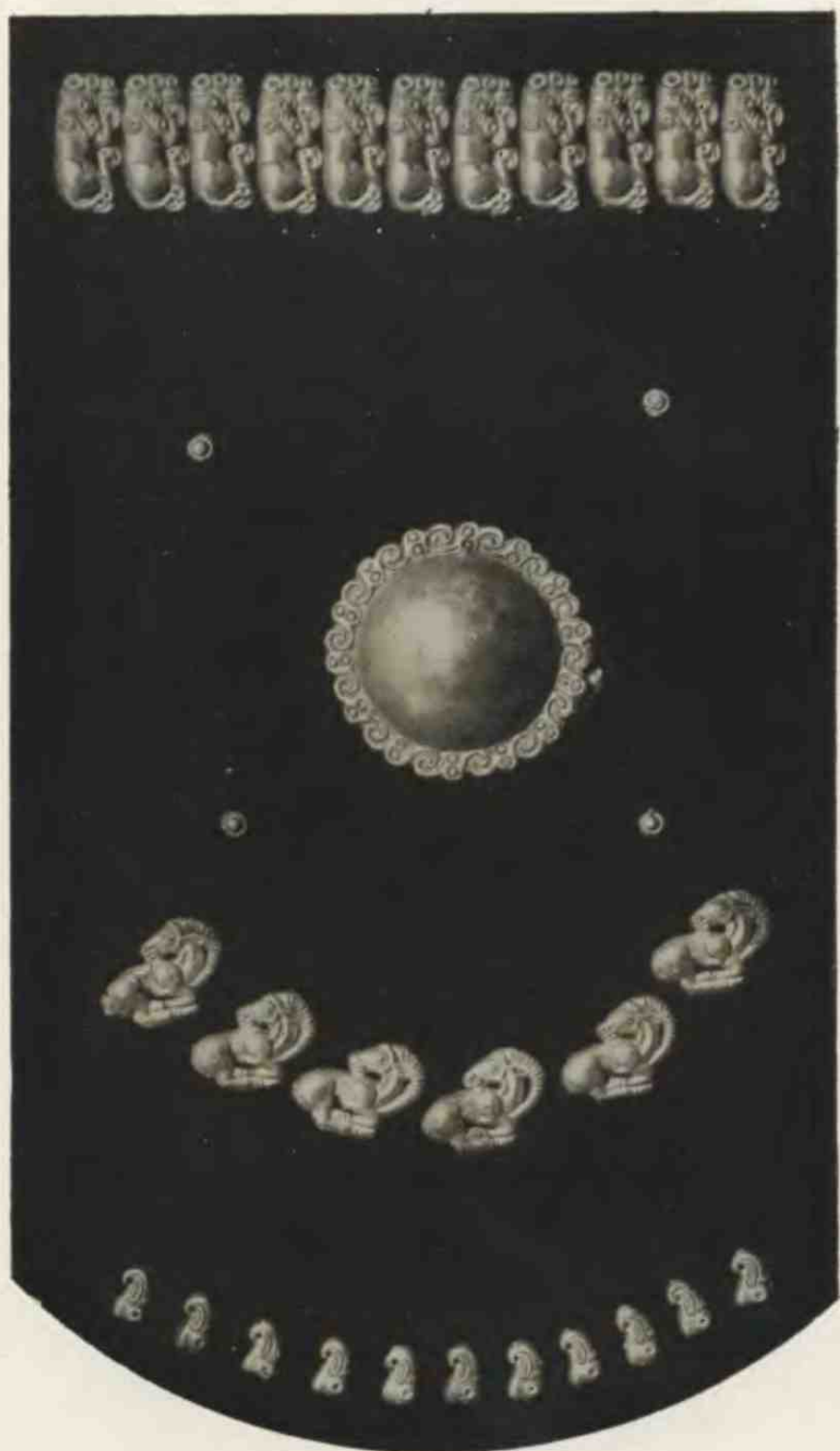

Таблица XX

а

б

Таблица XXII

α

β

Таблица XXIII

Таблица XXIV

Таблица XXV

Таблица XXVI

Таблица XXVII

Таблица XXVIII

СОДЕРЖАНИЕ

ГРЕЧЕСКИЕ И ЛАТИНСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О СКИФАХ. РОЛЬ АНТИЧНЫХ ГРЕКОВ В ИСТОРИИ СКИФОВ	5
ГЕОГРАФИЯ ПРИЧЕРНОМОРСКОЙ СКИФИИ, ПОЯВЛЕНИЕ, КРАТКАЯ ИСТОРИЯ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СКИФОВ	13
ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО СКИФОВ. ОБРАЗОВАНИЕ СКИФСКОГО ГОСУДАРСТВА	33
ХОЗЯЙСТВО СКИФОВ. ТОРГОВЛЯ С МЕТРОПОЛИЕЙ И ВНУТРИ СКИФСКОГО ОБЩЕСТВА	43
ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОГО БЫТА СКИФОВ. ПАМЯТНИКИ У ДНЕПРОВСКИХ ПОРОГОВ. СКИФЫ В КРЫМУ. ТАВРЫ	60
СКИФСКИЕ МИФЫ И ЭПОС. ИСКУССТВО. РЕЛИГИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ. ЗАУПОКОЙНЫЙ КУЛЬТ	80
ОБЩИЕ ЧЕРТЫ МАТЕРИАЛЬНОГО БЫТА СКИФОВ И СХОДНЫХ С НИМИ ПО КУЛЬТУРЕ СОСЕДНИХ НАРОДОВ	88
МЕОТЫ ДОНА. ОСОБЕННОСТИ БЫТА МЕОТОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА. ИХ ПОСЕЛЕНИЯ И ПОГРЕБЕНИЯ	110
НЕВРЫ. ПАМЯТНИКИ БЛИЖАЙШИХ С СЕВЕРА СОСЕДЕЙ СТЕПНЫХ СКИФОВ В ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕПРА	120
МЕЛАНХЛЕНА, САВРОМАТЫ, БУДИНЫ И ГЕЛОНА. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ	130
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА ВОРСКЛЕ. СООТВЕТСТВИЕ ЛЕСО- СТЕПНЫХ КУЛЬТУР ГЕРОДОТОВЫМ НАРОДОМ. ГДЕ НАХОДИЛСЯ ДРЕВ- НИЙ ГЕЛОН?	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. МЕСТО СКИФОВ И ИХ ОДНОКУЛЬТУРНЫХ СОСЕДЕЙ В РАННЕЙ ИСТОРИИ СССР	165
ПРИЛОЖЕНИЕ	169

Борис Николаевич Граков

С К И Ф Ы

*

БЗ 83—1969—14

Редактор М. Д. Потапова
Художественный редактор К. И. Журинская
Художник И. С. Клейnard
Технический редактор Г. И. Георгиева
Корректоры Л. С. Клочкова, А. А. Алексеева

Сдано в набор 31/V 1968 г.
Подписано к печати 11/V 1970 г.
Л-24649; Формат 84×108¹/₁₆
бумага мелованная
Физ. печ. л. 12,5 Усл. печ. л. 21,0
Уч.-изд. л. 17,12 Изд. № 43
Зак. 2753. Тираж 13.500 экз.
Цена 1 р. 40 к.

Издательство Московского университета
Москва, ул. Герцена, д. 5/7.

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова

Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28

3p. 4.0 ч.